

МО
С
К
О

Б
А
З
А
Р

С
К
И
Й

BAZAR

№ 1 (19) 2016

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossalit.ru

***Tous les genres sont bans,
hors le genre ennuyeux.***

***Все жанры хороши,
кроме скучного.***

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова

Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора

О волшебной стране, о врагах, друзьях и вере в мечту!

В детстве я была большой фантазеркой, вечно что-то выдумывала. Например, я точно знала, что по вечерам на реке на листьях кувшинок, аккуратно на заходе солнца, собираются водные феи, чтобы поболтать о том о сем – что за день случилось. Часами я могла смотреть на воду, ожидая появления фей. И они обязательно появлялись. Рассаживались поудобнее и заводили неспешные разговоры. Я частенько слышала их звонкий волшебный смех. В лесу, разумеется, жили гномы. Их маленькие детки-гномики играли под грибочками и прятались там от дождя.

А еще я точно знала, что есть на свете Волшебная страна, где живут маленькие-маленькие человечки, такие маленькие, что ягода черники для них, как для нас арбуз, чай они пьют из сервиза, сделанного из цветков ландыша, а вместо сахара добавляют пыльцу. Столица этой страны – Чудесный город. В нем все мостовые выложены мрамором, все дома белого цвета, и на каждой улице есть фонтан, и повсюду кусты роз. А вечером, когда наступают сумерки и зажигаются фонари, город наполняется сказочным сиянием и отовсюду звучит чудесная музыка.

Попадая в ту страну, все дети тут же становятся взрослыми, им вдруг раз – и сразу исполняется восемнадцать лет. И не надо ходить в школу, математику зубрить, сочинения писать. В этой стране всем жителям всегда восемнадцать лет. Чтобы попасть в Чудесный город, нужно дожидаться маленького паровозика, или вертолета, или паровозика. Они могут появиться из ниоткуда, главное – не пропустить. Ведь они же маленькие, в траве можно и не разглядеть. Для этого у берега из подручных материалов был построен специальный причал, а недалеко от дома маленькая железнодорожная станция.

Своими фантазиями я, разумеется, делилась с друзьями. Мы вместе, бывало, лежали в траве, наблюдая за муравьями, снующими туда-сюда, в ожидании волшебного паровозика. Или на берегу совершенствовали причал, чтобы удобно было подниматься на палубу кораблика.

Но однажды взрослые девчонки, которым мои подружки рассказали о Волшебной стране, стали смеяться надо мной и уличать меня во лжи. Я уверяла, что все это правда, потому что сама верила. Это ведь было вовсе не вранье и не фантазия, это была моя религия! А они смеялись. И тогда я зачем-то сказала, что у меня на чердаке живет волшебная птица, которая прилетела из Волшебной страны. Не знаю, зачем сказала, птицы-то не было. Они, естественно, заставили показать.

И вот, помню, иду я по тропинке к дому, они держат меня за руку, видимо, чтобы не убежала, смеются, подкалывают. А я иду. Молча и с ужасом. Несу в себе этот ужас, а он все больше становится, уже во мне не помещается. И слезы на глазах. Ведь знаю, птицы-то никакой нет. И надо бы остановиться и признаться, сказать: да, я все придумала, нет никакой птицы, и волшебной страны никакой нет, и феи по вечерам на листьях кувшинок не собираются. А не могу. Потому что знаю, что это всё – правда. Иду, как на Голгофу. И это ощущение ужаса осталось во мне на всю жизнь. Ужаса и надежды, что птица неожиданно выпорхнет с чердака, или в небе прожужжит маленький вертолетик, или пролетит, оставляя за собой светящийся

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

след, крохотная фея. Увы... Что произошло дальше, не помню. Видимо, детское потрясение было так велико, что память вытеснила финал, или он просто неважен.

Но в тот день я потеряла свою религию. Жизнь, вторгаясь в фантазии, разрушила сказочные замки, оставив от Волшебной страны одни руины.

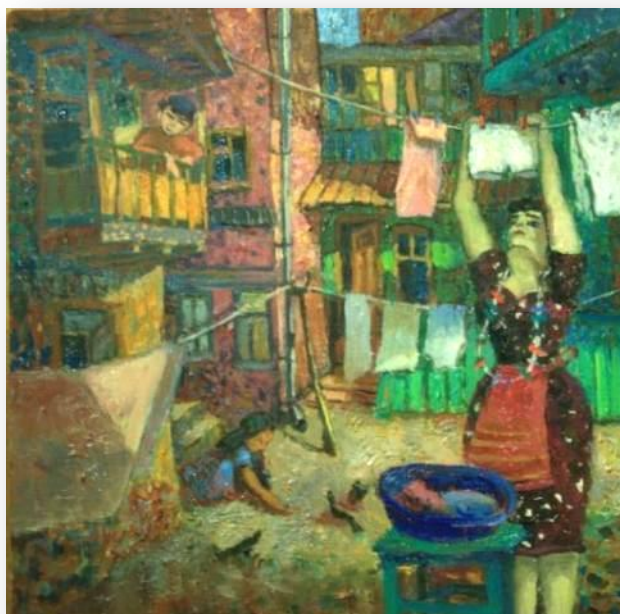
С тех пор я часто сталкивалась с теми, кто пытался разрушить мой мир. Но страшен не враг, а страх перед врагом. Однажды я поняла это. И тогда, много лет назад, я предала не только свою религию – я предала своих друзей, которые верили мне. Предала, потому что усомнилась в себе, испугалась. Мне потребовалось полжизни, чтобы отстроить мой Чудесный город, возвести новые замки, проложить дороги, вырастить кусты черники, чтобы резать ягоды, как арбуз, и варить варенье, добавляя пыльцу. Мне было трудно, я часто впадала в отчаяние и даже хотела все бросить, но постепенно возвращалась мыслями туда, откуда я всегда черпала силы – в свою Волшебную страну.

Пять лет назад мы придумали наш журнал «Московский BAZAR». Скептики убеждали нас, что это никому неинтересно и что нас все равно никто не будет читать. А мы не поверили. И теперь у нас много друзей и читателей по всему миру. Нас любят, потому что мы открыты для всех, кто хочет попробовать себя в творчестве, реализовать давние мечты, ведь для того, чтобы сочинять стихи, совсем необязательно «работать» поэтом, можно быть бухгалтером или пекарем, главное, чтобы душа стремилась к творчеству! Страницы нашего журнала открыты для всех, кто готов созидать.

Дорогие друзья, наши авторы, спасибо за сотрудничество! И дорогие наши будущие авторы – двери Волшебной страны всегда гостеприимно распахнуты для вас!

Добро пожаловать!

Ваша Светлана Сударикова

Любовь Ушакова. Одесский дворик. 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

АРТ-КАФЕ

ИНТЕРВЬЮ С ХУДОЖНИКОМ ЛЮБОВЬЮ УШАКОВОЙ:

«Мне нравится помогать людям искать свое индивидуальное пространство...»

6

ПРОЗА

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- ВАРЕЖКИ

НАТАЛЬЯ НОВОХАТНЯЯ (Молдова, Кишинев)

- УТЕШИТЕЛЬ

АЛЕКСАНДР СОРОКОВИК (Украина, Одесса)

- ТЕАТР

ДЖОН МАВЕРИК (Германия, Саарбрюккен)

- ДРУГАЯ КОМНАТА

14

40

43

50

ПОЭЗИЯ

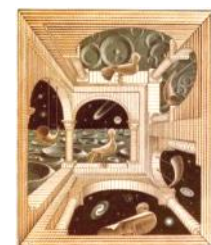
ОЛЬГА УВАРКИНА (МОССАЛИТ, Москва)

БЕЛЛА ЙОРДАН (Германия)

АЛЕКСЕЙ КАЗАРНОВСКИЙ (МОССАЛИТ, Москва)

АННА МОНМАРТ (Тюмень)

ВЛАДИМИР КОЛОДКИН (г. Слободской, Кировская обл.)

58

62

66

72

75

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ОХОТНИКИ ЗА ЧЕРЕПАМИ

АННА ТАРАБРИНА (г. Находка)

- В МУЗЕЕ СУХАНОВЫХ

- ГОСТЬ ДОМА СУХАНОВЫХ

77

87

84

88⁹⁰

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВА (г. Королёв). Стихи для детей

ВИКТОРИЯ МУРАВЬЕВА (г. Королёв). Стихи для детей

92

97

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет **АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)**

- **ХИМИЯ ЖИЗНИ, или ЛУЧШЕЕ – ВРАГ ХОРОШЕГО**

101

В оформлении журнала использованы репродукции картин
М. К. Эшера, Л. Ушаковой, В. Шиляева,
рисунки А. Народицкой,
фотографии из фонда Дома-музея Сухановых, Владивосток,
а также фото из интернет-ресурсов.

В рубрике «Детское чтение» использованы рисунки детей,
размещенные на сайте «Артклуб GALLERIX»:

<http://kids.gallerix.ru/>

На обложке репродукция картины Л. Ушаковой «Подсолнух». 2014 г.

Любовь Ушакова. Натюрморт с гранатами. 2014 г.

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

АРТ-КАФЕ

В этой рубрике мы знакомим читателей с творчеством современных художников: здесь пьем кофе и разговариваем о живописи, графике, рисунке и художественных перспективах.

ЛЮБОВЬ УШАКОВА: «Мне нравится помогать людям искать свое индивидуальное пространство...»

Художник Любовь Ушакова

Краткая справка

Любовь Ушакова родилась в городе Вологда. Закончила с отличием Вологодский политехнический университет по специальности архитектор-дизайнер. Ее дипломный проект был представлен в 2004 году на конкурсе архитектурных дипломных проектов во Флоренции. Любовь была одним из шести участников творческого коллектива архитекторов, который занял первое место в конкурсе проектов дворца Деда Мороза в Великом Устюге, проходившем в Москве в 2002 году. Она ежегодно участвует в межрегиональной выставке молодых художников «Шире круг», г. Вологда. В 2011 году Любовь заняла первое место на городской выставке молодых художников в родном городе, а в 2015 году приняла участие в выставке «Белый кит» в Санкт-Петербурге.

Московский BAZAR (МВ): Люба, недавно у нас в Литгостиной, в Библиотеке имени Андрея Платонова, проходила ваша выставка графики «Край родной и край далекий». Выставка, заслуживающая особого внимания.

Любовь Ушакова (ЛУ): Да, это была моя первая выставка, и я очень волновалась – особенно при ее открытии, когда мне надо было сказать несколько слов о своем творчестве. Пользуясь случаем, хочу еще раз поблагодарить хозяев Литгостиной – администрацию Платоновки и творческий Салон Моссалит – за то, что мне была предоставлена такая прекрасная возможность заявить о себе.

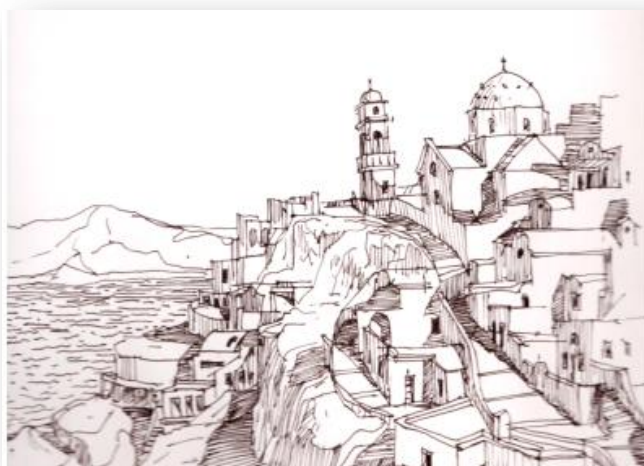

Выставка графики Л. Ушаковой в библиотеке им. А. Платонова, март 2016 г.

Здесь я хочу привести слова, которые были сказаны о ваших работах во время открытия выставки ведущим поэтом Алексеем Казарновским. Он, кстати, очень четко подмечает: «У каждого художника свой особенный язык, включающий в себя характерные технические приемы и характерную тематику. Он всегда отражает личность автора. Собственно, для этого и служит. Язык выставленных работ довольно лаконичен. Это графика. Она по определению минималистична. Ее технические возможности по сравнению с живописью ограничены. Тут отсутствует цвет. Тем большее значение приобретают мастерство и талант художника. Что касается тематики, то она характерна. Архитектор рисует преимущественно архитектуру».

МВ: Спасибо! И мы всегда рады новым талантливым художникам и новым открытиям. Но вернемся к выставке. Вологда и ее окрестности, Одесса, греческие острова, Италия. На выставке были представлены графические изображения улиц, дворилов, архитектурных городских ансамблей. Казалось бы, достаточно ученическая тема, казалось бы – ничего нового. Но это оказалось не так.

Остров Санторини. Тира. 2015 г.

Причал. Вологда. 2015 г.

Одесский дворик. 2013 г.

От себя добавим, что выставка действительно получилась самобытной, с ярко выраженным авторским почерком, с прекрасной художественной прорисовкой; работы заставляют всматриваться в «тему», разглядывать, провоцируя зрительский интерес и в смысловом аспекте, и в самой подаче материала. А ведь по своему основному образованию вы архитектор-дизайнер, окончили Государственный технический университет. Что запомнилось вам в ходе учебы, что вам было особенно интересно?

ЛУ: Кафедра Архитектуры и дизайна – это, конечно же, особый дух и атмосфера, в которой я училась, находясь в кругу творческих людей. У нас была очень дружная группа и сильный состав преподавателей, которые научили нас неординарно мыслить. Во время учебы у нас не было компьютеров, и все чертежи приходилось чертить (делать) от руки. У нас были мастерские, заставленные кульманами, большими подрамниками, линейками, стеллажами с макетами, подставками для подрамников под самый потолок. Эта атмосфера вдохновляла. Приходилось даже по ночам оставаться в институте, в мастерских, чтобы успеть сделать проект.

МБ: Как это здорово! Мастерские, кульманы, подрамники, макеты... А ведь «чертить от руки» – бесценный навык, практический опыт, реальный, развивает жесткость руки и цепкость взгляда. Компьютеры – это, конечно, здорово, но они во многом облегчают процесс обучения, снижают качество навыков или вообще не способствуют их развитию. Это как калькуляторы: они полностью исключили из процесса обучения выработку у детей навыка устного счета.

Ну хорошо, поговорим о дизайнерах. Профессия «дизайнер» подразумевает достаточно широкий круг деятельности. Дизайнер по интерьеру, костюму, рекламе, полиграфии, ландшафтный дизайнер. Так все-таки: кто такой – дизайнер? И что привлекает вас в этой профессии?

ЛУ: Дизайнер – это творческая личность. Мне нравится создавать гармоничный интерьер, претворять различные идеи в жизнь, помогать людям искать свое индивидуальное пространство. Творить в такие моменты мне помогает сама личность заказчика, вдохновляет его внутренний мир, его мироощущение. Я чувствую себя художником, пишу портрет

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

заказчика. Есть такое высказывание Людвиг Мис ван дер Роэ: «Никогда не говори с заказчиком об архитектуре. Говори с ним о его детях».

МВ: Говорят, архитектор не может быть настоящим художником, так как скован технической мыслью, а живопись требует эмоционального накала, отсутствия рамок. Так ли это?

ЛУ: Конечно же, для архитектора важна техническая мысль, он должен знать строительные нормы, знать конструкции. Но не менее важно пробуждать эмоции у людей, которые будут находиться в интерьерах, создаваемых архитектором или дизайнером.

МВ: Как появилась Флоренция в вашей жизни? Я так понимаю, что это как-то связано с вашим дипломным проектом.

Дипломный проект Л. Ушаковой «Центр истории и экспозиции воды в городе Вологде»

ЛУ: Мой дипломный проект назывался «Центр истории и экспозиции воды в городе Вологде». На берегу реки Вологды в центре города находится водонапорная башня с машинным отделением и там же на территории находятся большие подземные резервуары. Сейчас это место не используется по назначению, но в свое время, в конце 19 века, это было «значимое место»: башня давала людям чистую воду из артезианских скважин. В своем дипломном проекте я пытаюсь вернуть символ этого места и делаю музей воды. Вода – это главный элемент всего архитектурного пространства. Подземные резервуары используются как экспозиционно-развлекательная среда, где есть водный орган, зал капавшей воды, водопад и т. д. Мой дипломный проект был выбран кафедрой и участвовал в выставке архитектурных дипломов во Флоренции.

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

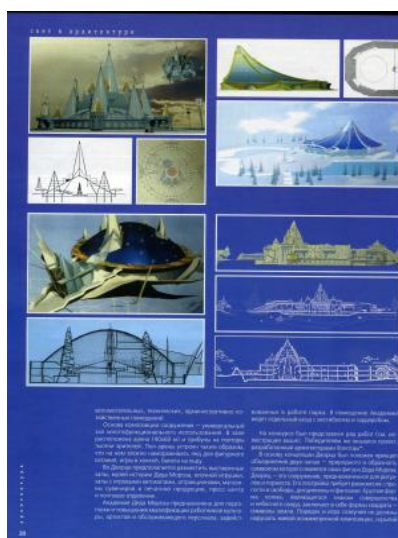
МВ: Как же поразительно: музей воды! Безусловно, здесь нужно определенное творческое мышление. У вас также был уникальный проект дворца Деда Мороза. Расскажите, как он создавался и чем привлек столько внимания, что занял первое место!

ЛУ: В 2002 году архитектурным управлением и Москомархитектурой был объявлен конкурс «Дворец Деда Мороза на вотчине Деда Мороза в городе Великий Устюг», в котором приняли участие несколько проектов.

Преподаватель нашей кафедры Юрий Владиславович Анисимов решил создать группу из студентов, которые смогли бы участвовать в этом конкурсе. В состав группы вошла и я. Это был хороший опыт. Мы работали над проектом дружным коллективом и днем, и ночью. Очень гордились тем, что работаем на одном уровне с профессиональными и уже состоявшимися архитекторами. Мы применили на практике наши знания и победили!

1-й ряд: Ушакова Л., Суслова Т., Петрова Т., Анисимова Л. В.; 2-й ряд: Соколов Р., Анисимов Л., Зенькович А., Анисимов Ю. В.

Журнал «Архитектура, строительство, дизайн» (АСД), № 6 (34) 02.

Статья о проекте «Дворец Деда Мороза на вотчине Деда Мороза в городе Великий Устюг»

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

А чем привлек этот проект жюри конкурса?.. Лично мое мнение: тем, что он был наиболее гармонично вписан в окружающую среду, а архитектура соответствовала историческому облику данного места.

МВ: Вы родились и выросли в Вологде. Чем дорог вам ваш родной город? У вас много графических работ Вологды. А сохранил ли город свой колорит или ваши работы есть некая реставрация исторического прошлого?

ЛУ: Вологда мне дорога своей безмятежностью, спокойствием. Город имеет свое историческое лицо, он уютный, располагающий к открытости. Все графические работы, на которых изображен город – это существующие места.

МВ: Да, правильное слово – безмятежность. Как мало мест, где можно ощутить гармонию и душевный покой. Ваши картины – хороший стимул для зрителей посетить ваш родной город! А что для вас ценно в вашем творчестве?

Речной вокзал. Вологда. 2015 г.

ЛУ: Ценен сам процесс. Важны эмоции, которые испытываешь в этот момент.

МВ: Процесс как состояние души, да? Это ощущение очень близко настоящим творческим натурам, да и любому мастеру, художнику в широком смысле слова. Да... А что вы вкладываете в понятие «художник»?

ЛУ: Художник – это человек, который хочет выражать свои чувства и эмоции через картины. Художник, проходя мимо какого-нибудь места, видя какое-то состояние природы, взволновавшее его, захочет это перенести на холст, запечатлеть и поделиться своими ощущениями.

МВ: Значит, художнику все-таки нужен диалог со зрителем, раз у него есть потребность делиться своими впечатлениями.

Люба, у вас муж, ребенок, работа. Когда вы успеваете писать картины?

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

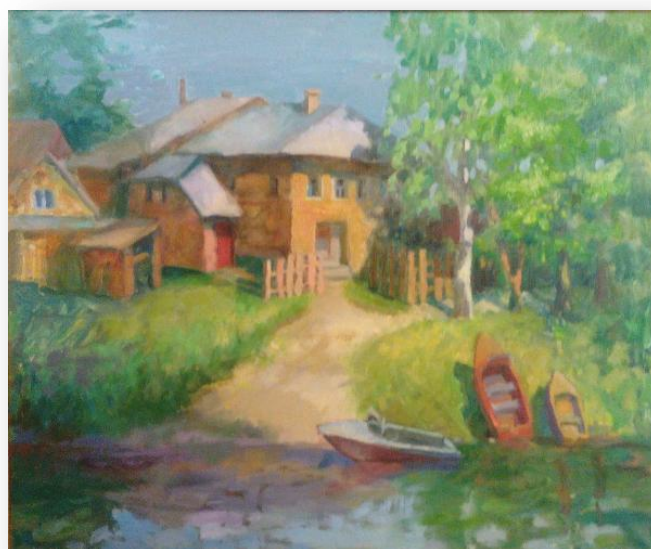
ЛУ: Благодаря моим близким у меня это получается. Они понимают, как мне важно творчество, и всячески поддерживают мой энтузиазм в этом деле.

МВ: У вас много графики и теперь еще появилось масло. Что вам ближе?

ЛУ: Я всегда немного рисовала. Графикой начала заниматься не так давно, а вот живописью – намного раньше. Начинала в художественной школе, также рисунок был и в институте, но всерьез прониклась, и это стало моим образом жизни, когда я встретила художника Юрия Александровича Соломкина. Я попала в его студию живописи и именно там стала создавать первые свои холсты.

Летний этюд. Владимировка. 2015 г.

Лодки. Устье-Кубенское. 2014 г.

Иллюстрации Л. Ушаковой к книге А. Хазара (Казарновского) «Старый Бродяга»

Графикой же заинтересовалась после того, как попробовала себя в иллюстрации книги Алексея Казарновского «Старый бродяга». С тех пор на пленэры я выезжаю с альбомом и перьевой ручкой. И сказать, что ближе – живопись или графика – я не могу. Это зависит от настроения и ощущения тех мест, которые в дальнейшем лягут на бумагу или на холст.

МВ: У вас есть опыт иллюстрации книги. Вам этот вид работы интересен? Чем?

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

ЛУ: Опыт небольшой – всего одна книга. И это была совместная работа с Галиной Кузнецовой. Интересно выражать в иллюстрациях образы, эмоции, атмосферу от прочитанного произведения.

МВ: Люба, спасибо за нашу встречу и вашу выставку! От редакции МВ желаем вам успехов, побед, рождения новых интересных идей, индивидуальных и совместных творческих проектов.

Любовь Ушакова. Натюрморт по-русски. 2015 г.

ПРОЗА

Игорь Бурдонов
(МОССАЛИТ, Москва)

ВАРЕЖКИ

Посвящается памяти
Петра Николаевича Коропа
и Юрия Николаевича Астахова

ТРЕХМАЧТОВЫЙ КЛИПЕР ПО МОРЮ ПЛЫЛ. ВЕТЕР ДУЛ В ПАРУСА. СОЛНЦЕ СВЕРКАЛО НА ГЛАДКОЙ ВОЛНЕ. А ПО ВЕЧЕРАМ СОБИРАЛИСЬ НА БАКЕ ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА И РАССКАЗЫВАЛИ ИСТОРИИ.

БАК – это корабельная носовая надстройка для защиты верхней палубы от заливания встречной волной, для повышения непотопляемости; на баке находятся якорное и швартовное устройства.

Только где в этом мире можно бросить якорь? Только к какому берегу можно пришвартоваться? Увы, со времен Ноева ковчега не было еще непотопляемого судна. Увы, рано или поздно приходит встречная волна, такая высокая и такая жестокая, что нет от нее защиты.

Три путешественника сидели на баке и смотрели вперед, когда солнце скользило по краю моря, и дальше, когда в небе горели созвездия южных и северных морей.

Они рассказывали истории. Истории на БАКе называются БАЙками.

И начал Бизань травить байку про цифры, вышитые на варежках. Для чего? И сказал Грот: «Да это же очень просто: ну, скажем, сердце у человека больное, что-нибудь случится – есть куда позвонить». Фок улыбался: «А цифры как – вышиты были?»

На суше, в комнате, мы сидели и пили чай.

БАК – это емкость, куда сваливается всякая всячина. Варится супчик. Или заваривается чай.

Наши имена начинаются на буквы «Б», «А» и «К», то есть БАК. Но время дало нам другие имена.

ВАРЕЖКИ

(Из историй на БАКе)

НА БАКЕ ТРЕХМАЧТОВОГО КЛИПЕРА СИДЕЛИ ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА И РАССКАЗЫВАЛИ ИСТОРИИ.

И НАЧАЛ БИЗАНЬ.

Прелюдия

Сначала мне показалось, что это узор. Просто белый узор на зеленой вязаной варежке. Но, приглядевшись, я рассмотрел цифры. Очередная мода – цифровой орнамент? Интересно, что в нем закодировано? Что вообще можно таким образом закодировать? Имя, например. Знак зодиака, то есть месяц, и год по восточному календарю. Одним словом, гороскопическая информация. Я, например, стою на Земле, но нахожусь под покровительством Венеры. Год Петуха. Имя в переводе на русский – Камень. Очень интересно. Сколько потребуется цифр, если минимально...

Это было в метро, на перроне, в ожидании поезда. Женщина с варежками быстро посмотрела на меня и отвела взгляд. Вероятно, я, задумавшись, слишком пристально разглядывал загадочный орнамент. Она держала варежки в руке – варежка на варежку, – и в том месте, где держала, цифры деформировались, сжимались. Невысокого роста, хорошего сложения, из породы молодежавых не властью косметики, а токмо силою хромосомной. Эта характерная молодежавость скидывала ей из субсорока гипотетических лет десять, если не более.

И вдруг я понял: это телефон. Подошел поезд, тень, лежавшая на ее руке, исчезла, и я отчетливо узрел семь цифр. И это число, и то, что первые три цифры были вполне телефонные, и то, что не было в них никакой закономерности, никакой симметрии, – все это, видимо, и породило во мне идею о телефонном номере. И что-то еще, чему нет рационального эквивалента и о чем принято говорить «интуиция».

У нее были очень выразительные глаза, приятность которых не портили ни пучки микроморщинок в уголках, ни темные мешки под глазами, ни жестковатость взгляда. Взгляд был убегающий, заставляющий смотреть на нее, приманивающий, но с какой-то неуловимой червоточиной. Эдакая душевная червоточина, которую иногда называют «изюминка». Или духовная. Нет, пожалуй, душевная. А может быть, и духовная. Или что-то совсем из иных сфер. Слишком неуловимо. Тенеподобно. Иррационально.

А потом я про это забыл. И вспомнил только сейчас, на баке.

И говорит Грот:

– Да это же очень просто: ну, скажем, сердце у человека больное, что-нибудь случится – есть куда позвонить.

Фок улыбается:

– А цифры как – вышиты были?

Я напрягаю память.

– Нет, не вышиты, они как бы намалеваны или вырезаны и приклеены, растянутые по вертикали и узкие.

– А вот мы сейчас позвоним по этому телефону и проверим, – предлагает Грот.

Я возражаю:

– Ну и что? Женский голос подтвердит, мол, да, а дальше? Сюжет обрывается, тупик...

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

И тогда мы решаем придумать сюжеты, которые бы не обрывались тупиком. Исходя из данной «Прелюдии». Каждый – свой сюжет. Правда, номер телефона я не запомнил. Грот быстро строчит на газете, которой покрыт чайный столик, какие-то цифры и тут же набирает их. Номер не отвечает. Но это не имеет никакого значения. Как и тот факт, что цифры на варежке прочно перешли из моей активной памяти в иную, неподвластную мне. Ничто уже не играет роли и не имеет значения, кроме великого открытия, сделанного на БАКе: мы открыли новый Сюжет.

НА БАКЕ ТРЕХМАЧТОВОГО КЛИПЕРА СИДЕЛИ ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА И РАССКАЗЫВАЛИ ИСТОРИИ.

И ПРОДОЛЖИЛ ФОК.

Я случайно подсмотрел номер, записанный Гротом на газете. Правда, одна цифра вызвала сомнения: то ли 3, то ли 8, а может быть, 5. Пока остальные с воодушевлением обсуждают возможные перипетии возможных сюжетов, я решаю еще раз попытать счастья.

Я набираю номер.

После трех продолжительных гудков трубку снимают.

Мужской голос: «Слушаю вас».

Я: «Извините за беспокойство, но мы случайно увидели ваш номер. На варежках. У нас возник спор: зачем на варежках телефон вышит? Есть такая версия, что...»

Мужской голос: «Ваша версия неверна».

Я: «Вы же не знаете, какая...»

Мужской голос: «Все равно неверна».

Я: «А вы знаете, какие варежки?»

Мужской голос: «Разумеется. А вам что, очень интересно?»

Я: «Конечно. Мы вот тут целый час сидим, пытаемся какой-нибудь сюжет на варежках построить, и ничего не получается».

Мужской голос: «И не получится. Жизнь – она иногда похлеще всяких выдумок. А сколько вас?»

Я: «Трое мужчин».

Мужской голос: «Я вижу, вам делать нечего, и любопытство заело. Что же, если хотите, расскажу один сюжет».

Я: «Слушаем вас».

Мужской голос: «Так все трое от одной трубки и слушаете? Нет, это длинная история. По телефону не получится. Хотите – подъезжайте ко мне, я сейчас как раз бездельничаю. Чай пью – составите компанию».

Я: «Многозначительное совпадение – мы тоже чай пьем. У вас какой чай?»

Мужской голос: «Настоящий китайский».

Я: «Зеленый?»

Мужской голос: «Черный жасминовый».

Я: «Едем немедленно! Диктуйте адрес».

Мужской голос диктует адрес, и разговор заканчивается. Мы едем.

И вот мы сидим уже вчетвером и пьем чай. Четвертый – обозначим его буквой Ч. – рассказывает историю с варежками.

Рассказ Ч.

Случилась эта история лет пятнадцать назад. И началось все так же, как у вас. Еду я в метро и вижу женщину с варежками, на которых телефон вышит. Только тогда она молодая была и красивая необыкновенно. Я ведь сначала ее разглядывал, потом уж варежки заметил. Хотел я, была не была, тут же с ней знакомиться начать, но не успел – вышла она на остановке, а я зазевался и дальше поехал. Меня она так и не заметила. Но номер телефона я запомнил.

В тот же вечер решил позвонить. Набираю номер, отвечает мужской голос, немолодой.

– Вы один дома? – спрашиваю наобум.

– Один, один. А кто это звонит? Не Сергей, случайно?

– Сергей, – соврал я.

– Вот что, товарищ Сергей. Катя просила вам передать, что завтра она едет на дачу и хотела бы, чтобы вы ее сопровождали. Так что берите лыжи и езжайте утром на Белорусский вокзал. Электричка 9:25, третий вагон с конца. Запомнили?

– Запомнил.

– Да, и больше не звоните. Катя вернется поздно, а я спать ложусь. Прошу не беспокоить.

И он повесил трубку. Ну, думаю, сказочно повезло. И имя узнал, и свидание назначил. Как бы только настоящий Сергей не появился.

Утром беру лыжи, еду на вокзал. Захожу в поезд – сидит Катя у окна. Напротив место свободно. Сажусь. Она говорит: «Занято здесь».

Ладно, отодвигаюсь, а сам думаю: придет или не придет Сергей? Вдруг он тоже звонил или Катя ему звонила? Вижу, она тоже по сторонам озирается, ждет его. Но тут время подошло и электричка тронулась. Катя растерянная сидит. Я говорю: «Опоздал ваш попутчик». Она, видно, тоже так решила, но в разговор не вступает. Достала книжку, уткнулась в нее. Ладно, думаю, доедем – поговорим.

Доехали до какой-то станции. Катя выходит из вагона, я – следом. Еще народ идет, все с лыжами. Субботний день. Народ разошелся кто куда. На платформе остались мы вдвоем. Катя идет к расписанию электричек – посмотреть, когда следующая. Пора, думаю. И говорю:

– Не приедет он.

– Что вы сказали? – спрашивает Катя.

– Я говорю, Сергей не приедет. Я вместо него.

– Как же так? Сам предложил и не приедет.

– Да вот дела у него неожиданно появились. Может, к вечеру будет.

– Позвонить бы мог.

– Мог бы, да ваш отец запретил звонить, чтобы не беспокоить, – говорю, а сам пугаюсь: а вдруг это и не отец ее вовсе?

– Во-первых, не отец, а дедушка. А во-вторых, вас-то он зачем прислал? И что вы до сих пор молчали?

– Меня он прислал, чтобы предупредить вас. Мне, извините, конечно, очень уж захотелось на лыжах покататься. И потом, не Сергей вас пригласил сегодня, а вы его. Так дедушка говорил. Помочь надо.

– Опять напутал. Говорила же Сергею, не звони мне. Ну ладно, раз приехали, пойдемте на дачу. У меня там действительно кое-какие дела есть. Так Сергей приедет вечером? С ночевкой?

Я подтвердил – что мне оставалось делать?

В общем, едем мы на лыжах через лес. По дороге немного разговариваем. Добрались до дачного поселка. Там тихо, ни души нет. Дачи стоят пустые, промерзшие.

День был хорош!

Мы катались на лыжах, ходили в лес за дровами, топили печку. Кое-какой ремонт оказалось нужным сделать. Разговаривали, знакомились. Ждали Сергея. То есть ждала Катя, я-то знал: не приедет, не знает ведь ничего. Прямо скажу, не очень уютно я себя чувствовал от этой далеко зашедшей лжи, но деваться было уже некуда.

Осторожно выяснял я, что это за Сергей и что у Кати с ним. Понял, что это обычная любовная история, как будто на излете. Странно, говорила Катя, то он ревнует меня ко всем подряд, то приятеля подсылает вместо себя. А если этот приятель приставать начнет? Ну, думаю, надо правильно ответить. Говорю, значит, так ему, Сергею, и надо. Разговариваем мы так, смех смехом, и решаем, что надо бы Сергея проучить. Есть, говорю, один вариант. Как увидим мы, что он идет сюда, изобразим страстный поцелуй. Разыграем его. Потом вместе посмеемся. Так и порешили. Ну, думаю, как стемнеет поосновательнее, надо бы мне «увидеть» Сергея в окно.

Наступил вечер. Стемнело. И вдруг – можете себе представить! – слышим: калитка хлопнула. Шаги по крыльцу. Я в панике про розыгрыш и забыл. А Катя не забыла – бросилась ко мне в объятия.

Открывается дверь. Немая сцена. Краем глаза вижу: стоит в дверях парень – моего возраста. Смотрит на нас и медленно бледнеет. Хлопнула дверь, убежал он. Кажется, перестарались, говорит Катя. Надо его догнать. Ну уж нет, думаю. «Да догони же его!» – кричит Катя. Делать нечего, иду, надеваю лыжи – и в погоню. Но он уже далеко убежал на лыжах, догнать трудно. Нехорошо, думаю, получается. Надо бы его действительно догнать, объяснить. Хотя как тут объяснишь? Добежал до станции, а тут электричка как раз, он – в вагон и уехал. Опоздал я, а время, между прочим, позднее. Прикидываю: пока я обратно доеду, пока соберемся и на станцию приедем, последняя электричка уйдет.

Возвращаюсь. Говорю, так и так, не догнал, а в Москву сегодня мы уже не попадем. Вижу, однако, на Катю мои слова особого впечатления не производят. Я, говорит, в Москву и не собираюсь. У меня еще завтра выходной, и на понедельник я отгул взяла. Пока вы там оба на лыжах катались (это мы катались, оказывается!), я тут думаю думала. Сначала Сергей тебя подсылает, потом шуток не понимает, уезжает, а, между прочим, знает, что мы вдвоем остаемся и время позднее. Что ж, значит он того и хочет, значит, так тому и быть. Бог с ним! Забудем! Не хочу себе настроение портить. Садись, чай будем пить.

Короче, пили мы чай, потом про вино вспомнили, которое с собой взяли (Катя его хотела распить, когда Сергей приедет).

...Пробыли мы на даче три дня. Про Сергея ни разу не вспомнили. Других таких трех дней у меня в жизни не было. Когда в Москву возвращались, договорились на следующую субботу снова встретиться в то же время и в том же месте. Катя просила ей не звонить, не надо, говорит, деда беспокоить, а то опять напутает что-нибудь.

Что? Ах варежки! Спрашивал я про варежки – они ведь и в этот раз на ней были. Только ничего она мне не ответила. Нахмурилась, видно, с чем-то неприятным у нее эти варежки ассоциировались, обещала потом рассказать и опять просила ей домой не звонить.

Да. И все было бы хорошо, да вдруг посылают меня в срочную командировку. Вылетать в пятницу. Что делать? Звоню Кате. Опять трубку снимает дед. Говорит, Кати сейчас нет, но скоро должна быть. Видно, узнал меня по голосу. Приезжайте, говорит, Катя просила вас пригласить, если позвоните. Приезжайте, она скоро будет.

Поехал. Встречает меня этот дед. Не такой уж и дряхлый, бодрый старик. И не похоже, чтобы склерозом страдал. Поит меня чаем, беседу ведем вполне интеллигентную. Поинтересовался он моей профессией и говорит: «Вот вы как математик что думаете, может ли

машина, робот, быть такой совершенной, чтобы ее от человека нельзя было отличить?» Отвечаю я что-то насчет того, что это, мол, дело далекого будущего, да и непонятно, зачем нужны человекообразные роботы. Тут старик аж взвился: «Как так, – говорит, – не нужны?» И пошел-пошел плести всякий вздор околонуточный и околотехнический. Я слушаю, а сам думаю, чего это старик так разошелся? Вдруг настораживаюсь.

«Я, – говорит старик, – великий изобретатель. Я сделал то, что еще никому не удавалось, хотя многие великие умы пробовали. Я сделал робота, которого нельзя отличить от человека!»

Я, конечно, выражаю деликатно сомнения.

Старик злится, и вдруг хохочет: «Кто бы, говорит, сомневался, да только не вы! Ведь вы... ха-ха... вы...» – «Что я?» – спрашиваю.

Тут хватает меня старик за руку и тащит в соседнюю комнату. Вижу, лежит на кровати под одеялом Катя. Не надо бы ее будить, говорю. Старик еще пуще хохочет. И показывает мне что-то. Гляжу, по всей комнате тянутся какие-то провода и все к кровати ведут, под одеялом скрываются. Господи, думаю, что ж это такое? Что ж это старик сумасшедший с Катей сделал? А он подходит к кровати и срывает одеяло. Катя лежит совершенно голая. «Вот, – говорит, – мой робот». Полез руками куда-то ей в прическу, и вдруг... что-то щелкнуло – и Катины грудь и живот распахнулись, разверзлись и там внутри... провода, детали электронные, катушки...

Выбежал я из комнаты, рухнул в кресло. Старик тоже прибежал. «Ну как, – говорит, – впечатляет?» А сам руки радостно потирает. И начал он мне говорить, говорить... Не слушаю, но и подняться нету сил. В голове туман какой-то, картины калейдоскопом крутятся. Картины трех наших с Катей дней. И провода, провода, провода...

Вдруг чувствую, тихо стало, замолчал старик. Вскочил, выбежал из комнаты. Там шум какой-то, разговор. Голос послышался знакомый. Катин голос!

Я вскакиваю с кресла. Дверь открывается, и входит Катя. Катя? Тут потемнело у меня в глазах, провода поплыли... Не помню, как выскочил из квартиры, как бежал по лестнице, как очутился на улице. Помню только Катин крик «Вернись!».

Минут пять мы сидим молча. Наконец Бизань говорит:

– Да. Не думал, что такое возможно. Это прямо из фантастического рассказа!

Ч. молчит, чай разливает.

– А что же все-таки варежки? Зачем там номер? – вспоминает Фок.

– Варежки? С варежками все просто. Старик боялся, что с его роботом случится что-нибудь, какая-нибудь поломка. Приедет скорая помощь, и что врачи увидят? Вот и нашел на варежки номер своего телефона.

– Значит, все же версия Грота насчет больного, который теряет сознание в общественном месте, не так уж и неверна?

– Абсолютно неверна! Неужели вы думаете, что подобный робот действительно мог быть создан?

– То есть как? – хором недоумеваем мы.

– Поверили, значит.

– Так вы нас разыгрывали?!

– Вовсе нет. Просто у этой истории есть продолжение. Я ведь тоже поверил старику. Да и как не поверить: я же видел все собственными глазами! В отличие от вас. Так вот, прошло года три. Как-то раз в компании мы сидели и пили чай, как сейчас. И как сейчас, я рассказал эту историю. А когда кончил рассказывать, один человек задал мне вопрос. Этого человека я не знал. Я заметил, как внимательно он слушал мой рассказ. Лицо его показалось мне знакомым, как будто я встречал его раньше, но не мог вспомнить, где, когда, при каких обстоятельствах. И вот он задал мне вопрос. Он спросил: «Неужели вы думаете, что подобный робот

действительно мог быть создан?» Я промолчал, пожав плечами. Тогда этот человек начал рассказывать. В общем, это оказался Сергей. Тот самый.

Никакого робота не было. Был сумасшедший старик, действительно сумасшедший. Когда-то он был неплохим изобретателем и одновременно, бывают такие совмещения, неплохим скульптором. Когда он заболел, его стала преследовать маниакальная идея: создать робота, неотличимого от человека.

Прототипом он выбрал свою внучку, Катю. Больше ведь он ни с кем не общался, из дому не выходил. Он был действительно неплохим скульптором, и ему удалось создать очень похожий муляж. Если не обращать внимания на полную неподвижность лица, глаз и на некоторые детали, то муляж вполне мог быть принят за человека. В таком состоянии, как я тогда, было, конечно, не до деталей. Старик набил муляж радиоаппаратурой: совершенно бредовые схемы, все навалом. Катя оберегала деда, но старалась, естественно, не распространяться о его болезни. Об этом знали лишь врачи и очень близкие люди.

Ну что же, дальше все было ясно. Я исчез, не оставив ни адреса, ни телефона. В конце концов Катя вышла замуж за Сергея.

– Но почему же старик, приняв вас за Сергея, назначил от имени Кати встречу в вагоне поезда? А Кате сказал, что это Сергей просил ее поехать на дачу?

– Разве я не сказал? В тот день старик решил отправить робота в большой мир, к людям. У него периодически случались такие приступы. Вот он и захотел отправить на дачу вместо Кати робота.

Катя, конечно, узнала про это, но старик в такие минуты бывал неумолим. Поэтому она попросту перетасила робота, завернутого в мешок, к соседям и поехала сама. Дед об этом не знал. Сергею же Катя позвонить не могла – у него просто не было телефона. Сергей сам случайно позвонил вечером в ту субботу, нарвался на деда и понял из его сбивчивых объяснений, что Катя поехала на дачу. До дачи он добрался уже вечером, поздно, и встретил там нас вдвоем.

– Да, удивительная история, – говорит Грот.

– Это еще не конец.

– Что же было дальше?

– Очень просто: я отбил жену у Сергея. Кстати, Катя скоро должна придти с работы. А пока – не хотите ли посмотреть?

Ч. подходит к большому шкафу, громоздящемуся в углу комнаты, и распахивает дверцу. Мы ахаем – там стоит девушка, вместо одежды с нее свисают бесчисленные провода...

В это время за нашими спинами раздается женский голос:

– Постыдился бы посторонних людей! Не Венеру Милосскую демонстрируешь.

Мы оборачиваемся. В дверях, еще в шубе, стоит женщина, копия той, что в шкафу. Впрочем, нет, в шкафу значительно моложе.

– Это она! – восклицает Бизань.

Женщина пристально всматривается в него и спрашивает:

– Так это вы меня видели?

Бизань кивает головой:

– Сегодня утром. В метро.

Женщина пожимает плечами:

– Ладно! Ну как, все он вам рассказал?

– Все, Катя, все! – торопливо говорит Ч.

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

– Вижу, что не все. Мой дед, между прочим, погиб во время войны. Я его не помню даже. А этот непризнанный литератор – кивок в сторону Ч. – решил превратить нашу семейную жизнь в объект своих литературных экспериментов. Он же все выдумал!

– Не все! Ведь были же те три дня, – горячо возражает Ч.

– Были, были. Кстати, Сергей еще не звонил? Он обещал подъехать сегодня. У него на днях открывается выставка новых скульптур.

– А вы тоже хороши! – снова обращается она к нам троим. – Поверили! Впрочем, не вы первые – у нас половина знакомых появилась на почве мистификаций. Он уже давно этим занимается. А варезки мне подруга связала. На память.

И она кидает на стол пару зеленых варезек с вышитыми на них цифрами.

НА БАКЕ ТРЕХМАЧТОВОГО КЛИПЕРА СИДЕЛИ ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА И РАССКАЗЫВАЛИ ИСТОРИИ.

И ПРОДОЛЖИЛ ГРОТ.

Я смотрел на пару варезек, лежащих на столе, на цифры, вышитые на них. Впрочем, не вышитые, а как бы намалеванные или вырезанные и приклеенные, растянутые по вертикали и узкие. Я смотрел и пытался понять, что происходит. Бизань не помнил цифр на варезках женщины в метро. После его «Прелюдии» я вспомнил другие семь цифр и записал их. Когда Фок начал звонить по этому номеру, я не ожидал никакого продолжения. И поначалу был крайне удивлен, когда мы нашли Ч., его жену Катю, их фантастическую историю и варезки с цифрами. Как могло такое случиться? Я же знал, что мои семь цифр не могли привести нас к тому, что мы искали, – к варезкам с вышитым на них номером телефона. Бизань не помнил номера, я записал на газете свои семь цифр, и они оказались тем самым номером – номером телефона женщины в метро? Этого не могло быть!

Я стоял и тупо смотрел на варезки. Потом Катя угощала нас ужином. Мы вели какую-то беседу. А я все размышлял над удивительным совпадением. И никак не мог оторвать взгляд от пары варезек с цифрами, все еще лежащих на краю стола.

Наконец меня осенило: все предельно просто! И нет никакого совпадения! Загадка разгадывалась до обидного тривиально.

Я вспомнил, что не смотрел, какой номер набирал Фок, когда звонил Ч. С чего я взял, что он набирает мои семь цифр? Наверняка, он звонил своим знакомым, Ч. и его жене Кате, с которыми заранее сговорился. Весь разговор по телефону был спланирован. Мы поехали к ним домой, и они разыграли для нас весь этот спектакль. Вот и все!

Но как же Бизань? Ведь он узнал в Кате ту женщину в метро! Ага, значит, Бизань тоже участвует в сговоре. Ну конечно, ведь Фок не мог заранее знать, что Бизань встретит женщину в метро и расскажет эту историю на баке. Они сговорились!

Теперь все ясно: Фок и Бизань решили меня разыграть.

Я не подал виду, что обо всем догадался. Пусть думают, что их обман не раскрыт. Это поможет мне отомстить. Прежде всего, нужно узнать настоящий номер телефона Ч. и Кати. Я внимательно взгляделся в цифры на Катиных варезках. Так и есть!

Это были совсем не мои семь цифр. Я наивно поверил Фоку, будто он подсмотрел цифры, записанные на газете. Не мог он звонить по этому номеру! Значит, Фок звонил по тому номеру, который сейчас вышит на Катиных варезках. Они все еще лежат на краю стола.

Ага! Они там специально лежат! Это расчет на продолжение розыгрыша: если я когда-нибудь позвоню по этому номеру, мне ответят Ч. или Катя. И я должен буду окончательно убедиться, что все является тем, чем кажется, что никакого розыгрыша нет.

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

План мести начал вырисовываться.

И вот мы снова сидим на баке, пьем чай. Я говорю:

– Почему бы нам не позвонить Ч. и Кате? Может быть, они захотят нанести нам ответный визит?

Все соглашаются. Я достаю карточку с крупно написанным на ней номером, кладу ее в центр стола и снимаю трубку телефона.

– Но это не их номер! – восклицает Фок, всмотревшись в цифры на карточке.

– Разве? – усмехаюсь я.

– Конечно! Я звонил по тому номеру, который ты записал на клочке газеты. Это был другой номер!

– В том то и дело! Но ведь на карточке те же цифры, что и на Катиных варешках. Я записал это у них в гостях. Как вы это объясните? – я улыбаюсь.

– Это очень странно, – медленно произносит Бизань. – Я как-то не обратил внимания, какие цифры у Кати на варешках.

Я уже решаю начать свои разоблачения, как вдруг Фок вскакивает, начинает расхаживать по комнате и говорить:

– Я все понял! Теперь все становится на свои места. А я-то не мог понять, как может быть такое совпадение: Бизань номер не запомнил, Грот записывает какие-то цифры (откуда он их взял?), и они оказываются номером телефона той самой женщины, которую Бизань видел в метро? Не было никакого совпадения! Вы заранее сговорились!

Решили меня разыграть? Договорились с Ч. и Катей, потом один рассказывает историю о встрече в метро, а другой подсовывает мне номер, по которому я сам же и звоню, как будто вы ни при чем. Ясно, что в этом случае на Катиных варешках могут быть какие угодно цифры. Может быть, и вовсе не номер телефона.

– Не нужно валить с больной головы на здоровую, – отвечаю я. И излагаю свою версию. Мы начинаем спорить.

Бизань в споре не участвует. Он наливает себе чай, закуривает сигарету, откидывается в кресле и начинает смеяться. Мы смотрим на него с недоумением.

– Старички! Ваш спор – это уже перебор. Не пора ли закончить представление? Я ведь с самого начала догадывался, что это розыгрыш. Номер телефона я вам не сказал, Грот записывает какой-то другой номер, Фок по нему звонит, и там оказывается Ч. с его фантастической историей, а потом приходит женщина с варешками. И вы думали, я поверю в такое совпадение?

Бизань делает глоток чая и продолжает:

– Сначала я не мог понять, как вам удалось так быстро все организовать? Потом начал анализировать последовательность событий. Рассказав о встрече в метро, я пошел на кухню заваривать чай. Минут пять-десять вы оставались одни. За это время вполне можно успеть позвонить своему знакомому, то есть Ч., и попросить организовать розыгрыш. Правда, нужно было еще придумать саму историю с роботом и варешками. На это требуется гораздо большее время, и я долго не мог понять, как вы так быстро ее придумали. К тому же, нужно было эту историю рассказать Ч. по телефону. А потом он должен был все подготовить: найти скульптуру и натурщицу, с которой эта скульптура делалась.

Бизань выпускает колечко табачного дыма и продолжает:

– Наконец я догадался – ничего вы не придумывали и не искали! Я уверен, этот ваш Ч. придумал все это давным-давно. И не один раз, наверное, и для вас тоже, рассказывал придуманную им историю про робота с демонстрацией манекена в шкафу. Вы просто вовремя о нем вспомнили. Другое дело, что в оригинальной истории Ч. не было, я думаю, никаких

варежек. Ведь, строго говоря, в этой истории сами-то варежки практически не участвуют. Они составляют какой-то необязательный довесок к истории про робота. Не случайно Ч. все время о них забывал, и не случайно его объяснение цифр на варежках так мало отличается от первой же версии, предложенной Гротом: если с роботом (или человеком – какая разница?) что-нибудь случится, можно позвонить по телефону, номер которого вышит на варежках. Наверное, пока я рассказывал о встрече в метро, кто-то из вас вспомнил о Ч. и его розыгрышах с роботом. Оставалось лишь соединить традиционный розыгрыш Ч. с варежками. А это можно сделать и за одну минуту. Я даже представляю себе телефонный разговор Грота с Ч. за время моего отсутствия. Засекайте время.

Ч.: «Слушаю вас».

Грот: «Это Грот. Мы можем сегодня провернуть твой розыгрыш?»

Ч.: «Всегда к вашим услугам».

Грот: «Но есть один нюанс. Один из нас сегодня видел в метро женщину. У нее были варежки, а на них вышит номер телефона. Пусть это будет твой номер. Мы тебе позвоним. А ты придумай, как приделать к твоей истории варежки. Идет?»

Ч.: «Будет сделано. Жду звонка».

Сколько прошло времени?

– Сорок секунд, – машинально отвечает Фок.

Бизань крайне доволен. Тушит окуроч в пепельнице, отпивает чаю и продолжает:

– Единственное, что меня удивило, так это появление Кати. Вы же должны были понимать, что я вас тут же разоблачу. Но я быстро сообразил, что это более тонкий розыгрыш. Тут все дело в психологии: после фантастической истории Ч., после демонстрации псевдоробота в шкафу появление Кати должно было не раскрыть обман, а, наоборот, усилить эффект. Кстати, в телефонном разговоре Фока и Ч., я думаю, эта тема обсуждалась. Ведь я слышал только то, что говорил Фок. Вполне можно себе представить, что реплики Ч. были совсем не те, которые нам пересказал Фок. Разговор мог быть, например, таким.

Мужской голос: «Слушаю вас».

Фок: «Извините за беспокойство, но мы случайно увидели ваш номер. На варежках. У нас возник спор: зачем на варежках телефон вышит. Есть такая версия, что...»

Мужской голос: «Я все подготовил. Даже женщина с варежками будет настоящая».

Фок: «Вы же не знаете, какая...»

Мужской голос: «Это неважно! То, что женщина окажется другой, только усилит эффект».

Фок: «А вы знаете, какие варежки?»

Мужской голос: «А вот варежки – это важно. Вы можете мне сообщить хотя бы, какого они цвета?»

Фок: «Конечно. Мы вот тут целый час сидим, пытаемся какой-нибудь сюжет на варежках построить, и ничего не получается».

Мужской голос: «Вы не можете говорить открыто? Вы все вместе сидите?»

Фок: «Трое мужчин».

Мужской голос: «Понятно. Тогда нужно придумать шифр».

Фок: «Слушаем вас».

Мужской голос: «Я вот сейчас чай пью. Вы меня спросите про чай, а цвет чая будет означать цвет варежек».

Фок: «Многозначительное совпадение – мы тоже чай пьем. У вас какой чай?»

Мужской голос: «У меня китайский жасминовый. Да нет, вы спросите, какого цвета у меня чай».

Фок: «Зеленый?»

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

Мужской голос: «Все ясно – варежки зеленого цвета. Найдём такие».

Фок: «Жасминовый? Едем немедленно! Диктуйте адрес».

Бизань широко улыбается и довольно потирает руки:

– Ну что, признавайтесь, так все было?

Я и Фок пару минут сидим молча.

– Очень забавно, – говорю я. – Каждый из нас троих пришел к выводу, что стал жертвой розыгрыша, организованного остальными двумя. Кажется, мы перебрали все мыслимые варианты.

– Ну теоретически возможны еще три варианта, – уточняет Фок. – Розыгрыш организовал один человек, а жертв двое.

– Это вряд ли, – возражаю я. – Во всяком случае, я это сделать не мог – не я же звонил по телефону!

– Но ты подсунил номер телефона! – не сдается Бизань.

– А откуда я мог знать заранее про варежки? И фокус с предварительным звонком Ч. во время заваривания чая тоже не проходит: ты же один уходил на кухню и Фок все время оставался со мной.

– По той же причине отпадаю и я, – говорит Фок.

– Ну а я и вовсе к телефонным звонкам отношения не имею, – заявляет Бизань.

– Подождите, – говорю я. – Так мы ни к чему не придем, если каждый будет подозревать каждого. Попробуем разобраться. Прежде всего, предлагаю принять как рабочую гипотезу, что никто из нас в розыгрыше не участвовал. Даже если это розыгрыш.

– Если уж рассуждать совсем теоретически, – меланхолично замечает Фок, – то для трех человек существует два в кубе, то есть восемь вариантов. Кроме рассмотренных шести есть еще два варианта: в розыгрыше участвовали все трое или никто из нас не участвовал.

– Первый из этих двух вариантов отпадает, – возражаю я. – Тогда бы не было предмета спора.

– Вы что же хотите сказать? – спрашивает Бизань. – Что никакого розыгрыша не было? Что все это было по-настоящему? Ха-ха-ха!

– Или нас разыграл кто-то четвертый, – говорит Фок.

– Или четвертая, – добавляю я.

– Катя? – удивляется Бизань. – Но ведь мы с ней незнакомы. И это не ее я встретил в метро. Я вам просто подыграл, поскольку был уверен, что вы меня разыгрываете. А если вы действительно говорите правду, то и вы ее не знаете.

– Но у нас есть телефон, – вспоминаю я. – Давайте позвоним и выясним.

– Это ничего не даст, – возражает Бизань. – Если Ч. и Катя нас разыграли, где гарантия, что на этот раз они скажут правду?

– Нет-нет, – говорю я, – я имею в виду не тот номер, по которому звонил Фок. У нас есть еще один номер – тот, который был вышит на Катиных варежках, тот, который записан на этой карточке.

– Можно попробовать, – соглашается Фок. – Все равно никакой другой зацепки у нас нет.

Я набираю номер. После трех продолжительных гудков трубку снимают.

Мужской голос: «Вас слушают».

Я: «Извините, это номер (я называю номер)?»

Мужской голос: «Да, вы не ошиблись».

Я: «Дело в том, что...»

И я добросовестно пересказываю, где и как я увидел этот номер, отмечая, что мы хотели просто проверить наши гипотезы: «Так сказать, вариант мужского пари».

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

Мужской голос: «Да, это тот самый номер. И про варезки все верно. Странно, правда, что...»

Говорящий явно мнется, он, видимо, колеблется с каким-то очень важным для него решением. Я сразу чувствую, что решение для него именно важное: «Странно, что вы прямо в точку...»

Я: «В точку?»

Мужской голос: «Вы откуда звоните?»

Я: «Из дома».

Мужской голос: «Можно я вам перезвоню?»

Я: «Пожалуйста».

Я диктую ему номер.

Телефон звонит через мгновение.

Тот же голос: «Я должен был убедиться, что это не розыгрыш».

Я обращаю внимание, что он говорит «должен», ведь естественнее было бы казать «хотел». «Я хотел убедиться...» Так говорят обычно. Но он, видимо, именно «должен». Должен?

Я: «Ну что вы, какой же розыгрыш – просто мы хотим разрешить наш маленький спор...»

Мужской голос: «Понимаю, понимаю...»

Я ощущаю в голосе говорящего странную тревогу.

Я: «Что-нибудь случилось?»

Мужской голос: «Извините, как вас зовут?»

Я отвечаю.

Мужской голос: «Извините, я сейчас к вам приеду. Это важно».

«Пожалуйста», – отвечаю я несколько растерянно и собираюсь сообщить незнакомцу адрес, но в трубке уже звучат короткие гудки.

Тем не менее он приезжает. Минут через двадцать, хотя, судя по номеру телефона, находится от нас в значительном удалении.

– Здравствуйте, говорит он, войдя в комнату. – Я майор П....

Рассказ майора П.

Так мы становимся участниками детективного поиска, поскольку случайно оказались обладателями уникальной информации.

– Произошло убийство, – говорит майор П. и, помолчав, добавляет: – Или самоубийство. Жертва – его звали Ш. – был найден застреленным в той самой квартире, куда вы звонили по телефону. В руке он сжимал пистолет армейского образца. Экспертиза показала, что выстрел был произведен именно из этого оружия. Отпечатки пальцев на пистолете принадлежали жертве, других не было.

– Самоубийство? – спрашивает Бизань.

– Может быть, – улыбается майор П. – А может и не быть. Ш. не оставил никакой предсмертной записки. Само по себе это ничего не значит, хотя по статистике девяносто процентов самоубийц предпочитают как-то объяснить свой уход из жизни. Зато были обнаружены записи совсем другого рода. На столике рядом с телом лежала школьная тетрадка, заполненная почти целиком, с аккуратно проставленными датами на каждой странице. Это

оказался дневник Ш. Честно говоря, мне еще не доводилось читать что-либо подобное. В дневнике подробно описываются события, приведшие к трагическому концу.

Ш. был профессиональным водителем. Когда-то он работал таксистом, потом недолго занимался частным извозом, а последние два года служил личным шофером одного крупного начальника. Дневник начинается с описания какой-то пьянки в лесу. По-видимому, Ш. привез туда своего хозяина. Сколько там было людей, на скольких машинах они приехали, понять трудно. Впрочем, лучше я вам прочту первую запись в дневнике. Она говорит сама за себя.

Майор П. достает из кейса синюю тетрадку в клеточку, открывает ее и читает:

«Меня проиграли в карты. Они сидели на поляне, под деревом. Кругом уже валялись пустые бутылки, закуска всякая, бумаги. Как свиньи. Даже не знаю, в какую игру они играли. Я возился с машиной, меня не приглашали. Конечно, не потому, что я непьющий, а потому, что они – большие люди, а я кто? Я шофер *МОЕГО*. Меня даже подзывают пальцем. Как собачку какую! Бери кусок в зубы и служи. Они играли, а я подошел, чтобы сказать, что колесо поменял. Я за кустом был, они меня не видели, и я услышал. Я услышал, как они меня поминают. *МОЙ* говорит: “Так и быть, ставлю на кон Ш.”. Я сначала не понял, что значит “ставлю на кон”. Куда он меня ставит? Тут другой говорит: “Смотри, проиграешь Ш., потом обратной дороги не будет. Таков уговор”. – *МОЙ* смеется: “У меня сегодня карта идет”. Вот тут я понял, что они на меня в карты играют. На живого человека. Слышал я раньше о таком, потом человек мертвый делается, когда его проигрывают. Стою и думаю: что ж это они, совсем сдвинулись? Ведь не урки какие-нибудь, известные люди, хоть и г.... порядочное. Как же это они на меня играют? Вдруг слышу, *МОЙ* ругается по-матерному, “Проиграл!” – кричит. Потом шум какой-то вроде драки. *МОЙ* опять кричит: “Да ты шулер!” Другой ему в ответ тоже что-то кричит. Я развернулся и побежал обратно к машине. Сел за руль, хотел сразу рвануть, да опомнился. Ведь все равно найдут, а чтобы отсюда уехать, я им еще нужен, пьяные все, да и водить толком не умеют. Значит, думаю, не сейчас убивать будут. Ладно, думаю, уедем, а там посмотрим».

Дата этой записи – трехмесячной давности. С этого дня Ш. стал ждать, когда его убивать будут. И готовился. На сбережения свои купил пистолет. Задорого, видно, по неопытности. Почему в милицию не обратился? Он и об этом пишет: «Кто мне поверит? Чем я могу доказать, что меня убить хотят? Только подслушанным разговором? Так ведь это даже не магнитофонная запись. Они все отрицать будут. Только обозлятся больше и тогда уж не просто убьют, а какой-нибудь помучительнее способ придумают. За то, что настучал».

Последняя запись помечена днем убийства. Или самоубийства. Она кончается фразой: «Какой-то шум в прихожей. Кажется, кто-то пытается открыть дверь...»

Майор П. закрывает тетрадку и убирает в кейс.

– Тогда это больше похоже на убийство, – говорит Фок. – Вы допрашивали этих начальников?

Майор П. внимательно смотрит на Фока и продолжает:

– Ш., в общем-то, прав: одних его записей недостаточно. Если бы он пришел в милицию со своими подозрениями, ему вряд ли бы поверили. Вы себе даже не представляете, сколько всяких шутников и клеветников к нам обращаются. Если всем верить на слово, так пол-Москвы придется арестовать.

Конечно, теперь у нас есть факт смерти. Насильственной смерти. Но у нас нет улик, у нас нет свидетелей. Если мы сейчас арестуем этих людей, они будут все отрицать и нам придется их отпустить. И если они действительно повинны в смерти Ш., мы их только спугнем и они постараются уничтожить все улики, которые еще не уничтожили. И всех свидетелей, – добавляет майор П. после паузы и продолжает: – Но кое-что нам удалось выяснить. Косвенным путем, скажем так. Во-первых, сам факт поездки в лес имел место. Так же как и игра в карты.

Во-вторых, что самое удивительное, никто особенно и не скрывает, что Ш. был проигран в карты.

– Тогда в чем же дело? – восклицает Фок.

– А дело в том, что это означает. Что означает этот проигрыш? Что, собственно, должно было произойти в результате того, что хозяин Ш. проиграл его в карты своему приятелю? Убийство? Так думал Ш., но, оказывается, у самих игроков другое объяснение.

– Какое же?

– Ш. был первоклассным водителем. К тому же непьющим, что большая редкость. Хозяин весьма дорожил своим шофером. Конечно, несколько своеобразно, как дорожат ценной вещью, тебе принадлежащей. Другой начальник хотел переманить Ш. к себе, выкупить его у хозяина. Хозяин не соглашался. Тогда и случилась эта игра в карты. Это может показаться странным, но люди часто проигрывают в карты (тем более по пьянке) то, что они никогда не отдали бы просто за деньги. Так что проигрыш должен был означать всего лишь переход Ш. на другую работу – от его прежнего хозяина к другому. Случиться это должно было не сразу, а через три месяца – таков был уговор. Кстати, Ш. подслушал в машине разговор двух игроков, в котором несколько раз упоминался этот срок – три месяца. Он решил, что его должны убить не позже этого срока. Об этом Ш. пишет в своем дневнике.

– Но если все это правда, – говорит Бизань, – кто же убил Ш.? И как раз по истечении этого срока – три месяца!

– Можно? – майор П. достает из кармана длинный узкий предмет.

– Что? – не понимает Бизань.

– Можно закурить?

– Ах да-да, конечно. Мы здесь курим.

Майор П. обрезает кончик сигары, раскуривает ее и, окутавшись облаками дыма, продолжает:

– Я уже говорил, что Ш. готовился к возможному покушению. Пистолет он всегда носил с собой. На работе старался не выходить из машины. Считал, что, пока он за рулем, он в безопасности. Во время движения убивать шофера слишком рискованно. А во время остановок он был особенно насторожен, чтобы в случае чего сразу дать газу. Постепенно Ш. пришел к выводу, что его попытаются убить в другом месте и в другое время. Он стал реже бывать дома, ночуя то у одних, то у других друзей. В конце концов он перебрался жить к своей двоюродной сестре. На телефонные звонки не отвечал. Спал с пистолетом под подушкой. Когда его сестра приходила домой, она обычно заставляла Ш. сидящим в кресле напротив двери с пистолетом в руке.

Все это Ш. подробно описывает в своем дневнике. Он описывает не только факты, но и свои подозрения, строит догадки. Эти три месяца, видимо, дались Ш. очень тяжело. Он сам пишет, что стал нервным, боялся собственной тени. Да это и неудивительно. Только представьте себе: три месяца, каждый день, каждую ночь ждать смерти!

– Так можно и с ума сойти, – говорит Фок.

Майор П. внимательно смотрит на Фока и продолжает:

– Нужно сказать, что к концу дневника записи становятся все более отрывочными и бессвязными. Местами трудно понять, то ли Ш. пишет о реальных событиях, то ли о своих фантазиях, порожденных страхом. Несколько раз встречается одна и та же фраза: «Я больше не выдержу. Пора с этим кончать!»

– Самоубийство? – спрашивает Бизань. – Самоубийство из страха? Наверное, это возможно. Тогда не нужна и предсмертная записка. Сам дневник становится такой запиской.

Майор П. поворачивается к Бизаню и почему-то улыбается. Но тут же стирает улыбку с лица:

– Может быть. А может и не быть. Вам следует знать еще об одном факте: из пистолета Ш. было произведено два выстрела. Ш. сидел в кресле напротив входной двери. Другая пуля застряла в дверном косяке.

– В кого же он стрелял? – спрашивает Фок. – В своего убийцу?

– Может быть, – повторяет майор П. – А может и не быть.

– Кстати, я ведь приехал, как вы понимаете, не только для того, чтобы удовлетворить ваше любопытство. Мне бы хотелось тоже задать вам ряд вопросов.

– Мы к вашим услугам, – говорит Фок.

Майор П. достает из кейса фотографию. На ней изображена женщина лет тридцати пяти. Ее взгляд, направленный прямо в объектив фотоаппарата, кажется серьезным, даже суровым, что странно не вяжется с несколько легкомысленной позой и одеждой – фотография сделана, видимо, где-то на природе, на пикнике.

– Может быть, кто-нибудь из вас узнает ее? Это сестра Ш., хозяйка дома. Ее зовут Надя.

– Это она! – восклицает Бизань.

– Она?

– Та женщина, что я встретил в метро. Но, к сожалению, больше мы о ней ничего не знаем. Собственно, потому для нас и началась вся эта история.

– Да, я помню ваш рассказ, – майор П. смотрит на Бизаня. – Больше вы ничего не помните? Может быть, упустили какие-нибудь детали. Вам они могут показаться незначительными, но для следствия могут представлять большую ценность. Дело в том, то Надя исчезла. Правда, пока еще прошло очень мало времени, и, может быть, она просто у кого-нибудь гостит, не подозревая, что в ее квартире найден труп ее брата. В любом случае, чем быстрее мы ее отыщем, тем будет лучше.

Мы все трое пожимаем плечами.

– Ну хорошо, – майор П. убирает фотографию в кейс. – В таком случае я попрошу у вас номер телефона Ч. и Кати. Может быть, они что-нибудь смогут прояснить. Не случайно же на Катиных варевках оказался телефон Нади.

– Да, конечно, – говорю я и пишу номер на газете, которой покрыт чайный столик. – Но я хотел бы еще спросить у вас: как же варевки? Вы ведь сказали по телефону, что с варевками мы попали «прямо в точку».

Майор П. убирает в кейс клочок газеты с номером телефона и достает зеленую варевку с вышитыми на ней четырьмя цифрами. Точнее, цифры не вышиты, а как бы приклеены или пришиты, растянутые по вертикали и узкие.

– Вот это мы нашли в квартире около входной двери. Мы предполагаем, что варевка принадлежала хозяйке дома.

– Значит, Ш. стрелял в Надю? – восклицает Фок.

Майор П. снова улыбается:

– Может быть. А может и не быть. Видите? – майор П. указывает пальцем на карточку, все еще лежащую на столе среди чашек с чаем и пепельницами. – Четыре цифры на варевке не совпадают ни с началом, ни с концом номера телефона Нади, по которому жил последнее время Ш. и по которому вы звонили.

– А где же вторая варевка? – спрашивает Бизань.

– Второй не было, – майор П. убирает варевку в кейс и внимательно смотрит на Бизаня. – Жаль, что тогда в метро вы не запомнили номер. Нам бы очень хотелось знать, чей это номер. Если, конечно, это тоже номер телефона, как на Катиных варевках. Может быть, вспомните?

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

Бизань смущенно пожимает плечами:

– Я бы рад, но...

– Хорошо, – говорит майор П., кивая.

Странно, но мне кажется, что он этим как бы доволен. Наверное, это чисто профессиональное, думаю я. Он испытывает своеобразное удовлетворение, когда оправдываются его ожидания, даже если ничего хорошего в этом нет.

– А теперь прошу меня извинить, – говорит майор П., поднимаясь с кресла. – Мне пора идти, сегодня еще много дел.

Я провожаю майора П. до двери. Когда дверь захлопывается, мне вдруг приходит в голову одна мысль. Я даже выглядываю на лестничную площадку, но лифт уже ушел. Я хочу поделиться этой мыслью с коллегами по БАКу, но, когда возвращаюсь в комнату, нахожу их в глубоком раздумье.

Бизань что-то чертит на листе бумаги и тихо бормочет:

– Три цифры – это теоретически тысяча вариантов. Но если у последней цифры есть правая вертикальная, у второй снизу нет черты, а первая снизу круглая, то тогда получается...

Фок морщит лоб и, увидев меня, медленно говорит:

– Какой телефон ты ему дал?

– Вы о чем? – спрашиваю я.

НА БАКЕ ТРЕХМАЧТОВОГО КЛИПЕРА СИДЕЛИ ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА И РАССКАЗЫВАЛИ ИСТОРИИ.

И ПРОДОЛЖИЛ БИЗАНЬ.

И вот мы снова сидим на БАКе и пытаемся говорить все трое одновременно. Никто никого не слушает. Наконец Грот берет чайную ложечку и стучит по краю чашки.

– Тихо! Остановитесь, коллеги! Я так понимаю, что каждому из нас пришла в голову какая-то важная мысль, которой нужно немедленно поделиться с остальными. Но давайте установим очередность.

– По алфавиту? – предлагаю я.

Фок возражает:

– Это нечестно – по алфавиту я всегда последний. Лучше бросим жребий.

Грот достает монетку:

– Здесь только два варианта: орел и решка. А нас трое. Можно ли определить попарно взаимный порядок выступлений?

Фок говорит:

– Конечно, можно. Сначала Бизань и Фок, потом Фок и Грот, а в конце Грот и Бизань.

Грот два раза бросает монеты и объявляет результат:

– Итак, Бизань выступает раньше Фока, а Фок выступает раньше меня. Порядок установлен: Бизань, Фок, Грот.

Фок тихо смеется.

– В чем дело? – спрашиваю я. – Что-то неправильно?

– Нет, все в порядке. Просто вы, наверное, думали, что у нас троих все шансы были равными?

– А разве не так?

– Не совсем. Для троих теоретически существует шесть порядков. Так?

– Да, получается так.

– Сколько же раз нужно было бросать монету?

– Два раза – это четыре варианта, мало. Три раза – это восемь вариантов, много. Но у нас ведь порядок установился после второго бросания.

– Но так будет не всегда. Если бы второй жребий дал другой результат, то получилось бы, что Бизань выступает раньше меня и Грот тоже выступает раньше меня, то есть я выступаю последним. Но кто из двоих – Бизань или Грот – выступает первым, а кто вторым? Значит, пришлось бы это тоже определять жребием – бросать монету третий раз. Правильно?

– Правильно, мы ведь и собирались бросать монету три раза.

– При таком способе определения порядка два варианта могут получиться уже после двух бросаний, а для остальных четырех вариантов потребуется третье бросание. Поэтому если посчитать, то окажется, что шансы оказаться последним у нас были неравны. Один из нас имел меньше шансов – вместо одной трети (то есть 33,3%) только 25%, а остальные – больше шансов – по 37,5%. Когда Грот решил установить попарный взаимный порядок выступлений, я сразу сообразил, что если последней парой будет «Грот и Бизань», то эти 25% окажутся у меня. Поэтому я и предложил такой порядок пар в жребии. Просто мне не хотелось оказаться последним.

– Это мошенничество! – смеется Грот.

– Нет – всего лишь комбинаторика и теория вероятностей.

– Можно тянуть жребий старым способом, – предлагаю я, – три бумажки из шляпы.

– Да вы не расстраивайтесь: за все приходится платить. Мои шансы оказаться первым тоже были меньше, чем у вас. В том же соотношении: 25% против 37,5%. Произошло перераспределение вероятностей, и за счет крайностей мои шансы оказаться средним увеличились в полтора раза. Правда, быть первым я тоже не очень стремился.

– Простим его? – спрашивает Грот. – Все же если и обманул, то красиво.

– Научно обманул! – соглашаюсь я. – Так я начинаю первым?

– Мы слушаем.

– Как только майор П. показал варежку, я сразу ее узнал. Это действительно была та самая варежка, которую я видел в руках женщины в метро. Теперь мы знаем, что женщину зовут Надя. И теперь мы знаем четыре первые цифры номера на ее варежках. Или последние?

– Последние, – говорит Грот. – Первая из этих четырех цифр – ноль, а с него только специальные номера начинаются: пожарные, милиция, скорая помощь. Но там номер двузначный.

– Очень хорошо. Значит, на другой варежке – первые три цифры номера. Мне нужно их вспомнить.

– Ты же сказал майору П., что не можешь вспомнить номер.

– Не мог. Но, когда Грот пошел провожать майора, в моей памяти стала всплывать картинка той сцены в метро. Я снова увидел женщину, Надю, и ее руки, сжимающие варежки. Две варежки – варежку на варежке. Цифры на нижней варежке были не видны, их загораживала верхняя варежка. А на верхней варежке было... да, вроде бы только три цифры. В том месте, где женщина держала варежки, цифры деформировались, сжимались. Но, кажется, правая цифра заканчивалась длинной вертикальной чертой, как у единицы или четверки. У средней цифры снизу было такое характерное закругление, как у нуля или восьмерки... А левая... у левой цифры снизу горизонтальная черточка закруглялась только с одной, правой, стороны, как у тройки или пятерки...

– Ну-ка, ну-ка, – Фок отбирает у меня листок с моими набросками цифр. – Как ты определил, где верх, а где низ?

– Это же видно. Хотя... на варежке, которую показывал майор П., если ее надеть на руку, цифры ориентированы так, что владелец варежки видит их в нормальном ракурсе. В метро она держала их так, что... Получается, что я видел цифры вверх ногами?

– В том-то и дело! – восклицает Фок.

– Тогда все наоборот. Левая цифра начинается длинной вертикальной чертой; это может быть 0, 1 или 6. У средней цифры сверху закругление как у цифр 0, 8 или 9. Правая цифра закругляется в верхнем левом углу – значит, это 5 или 6.

– Прекрасно! – восклицает Фок. – В таком случае мы имеем не тысячу вариантов трехзначного числа, а всего лишь $3 \cdot 3 \cdot 3 \cdot 2 = 18$ вариантов!

– Надо бы сообщить об этом майору П., – предлагаю я.

– Ему нужно сообщить еще кое-что, – говорит Фок. – Теперь моя очередь говорить?

– Мы слушаем.

– Скажи, пожалуйста, Грот, какой телефон ты дал майору П.?

– Как какой? Телефон Кати и Ч., конечно. Тот, который я записал на газете после «Прелюдии» Бизаня. Тот, по которому ты звонил.

– Кстати, мы так и не выяснили, откуда взялся этот номер телефона.

– Ну, это длинная история.

– Секрет?

– Вовсе нет, просто не было случая вам ее рассказать.

– Мы слушаем.

– Ну хорошо. Дело в том, что история о встрече в метро, рассказанная Бизанем, напомнила мне другую историю, которая произошла со мной года три назад. Но начать нужно с еще более ранних событий, событий двадцатилетней давности.

Была одна женщина. Даже не женщина, молодая девушка, лет семнадцати-восемнадцати. Окончила школу, пыталась в институт поступать. Казалось бы, ничего особенного в ней не было. Ну, красивая. Даже не красивая, а скорее интересная. Глаза у нее были странные: такое выражение, как будто она удивлена. Только это у нее постоянно было, может быть, необычный разрез глаз. И что-то еще такое во взгляде... не знаю, словами не объяснить. Просто нельзя было равнодушно скользнуть по ней взглядом, знаете, как мы каждый день скользим по тысячам лиц в метро, на работе, на улице. Чувствовалось, что непростая она, совсем непростая...

Познакомился с ней в городе N, на Урале. Я туда в командировку поехал. Почти сразу после института. Я тогда молодой был. Уже не помню, где и как мы встретились. В общем, что-то случилось между нами, что-то происходило. Наверное, это можно назвать обычным любовным романом. В таком, знаете ли, командировочном варианте. Так внешне выглядело. А на самом деле...

Я ведь и до сих пор не знаю, что на самом деле... Командировка закончилась, я уехал. От нее пришло письмо. Я ответил. Переписка наша длилась почти год. И вот меня снова посылают в командировку в N. Мы встретились... И тут стало происходить что-то... не знаю, как сказать: сильное, бурное, какое-то неуправляемое, что ли. Я понимал, что она меня любит. По-настоящему любит. Нет, дело даже не в этом. Как будто она предлагает мне что-то необычное, не вполне понятное, но такое, что требует от меня очень много. Какого-то ответа. Ответной любви? Так не скажешь. Можно сказать: ответной жизни?

А я... я не мог понять, что я чувствую. Я оказался не готов к таким отношениям. В общем, я сбежал... Внешне ничего драматичного: мы не ссорились, просто командировка закончилась и я уехал. Но она поняла, что я убежал. Ведь можно было, наверное, что-то придумать, остаться

под каким-то предлогом, отпуск взять. Можно было ее в Москву пригласить. Я ничего этого не сделал. И больше она мне не писала.

Шли годы. Я женился, дети пошли, работы много было. Много, очень многое изменилось. Это ведь жизнь шла, моя жизнь – без всякой связи с ней. Я уже редко вспоминал ее. А когда вспоминал, то думал: вот, у нее тоже идет жизнь без всякой связи со мной. Наверное, вышла замуж, дети, работа, многое изменилось...

А три года назад раздался телефонный звонок. Это была она. Не знаю, как она узнала мой номер, я ведь в этой квартире только пятый год жил. Она спросила, не сохранились ли у меня ее письма. Мы встретились, я передал ей письма. Мы ходили по каким-то по улицам, разговаривали. Она окончила институт, хорошо продвигалась по работе, правда, личная жизнь как-то не сложилась. Теперь она переехала в Москву, ее пригласили работать в какую-то большую фирму, устроили прописку...

Была зима, подмораживало, шел снег, и мы начали замерзать. Я предложил посидеть в каком-нибудь кафе, но она отказалась. Я провожал ее в метро. Мы стояли в подземном переходе. Мне уже пора было возвращаться домой. Мы стали прощаться. Она взяла мою руку и долго держала ее. Она держала ее как-то странно, обеими руками, как держат ребенка. Она держала мою руку и немного покачивала ее, как покачивают ребенка. Она ничего не говорила. Только держала мою руку и покачивала ее. И тут я понял, что ничего не изменилось, что все эти годы она меня ждала. Не искала, не пыталась встретиться, даже не пыталась узнать, как я, что я. Просто ждала. Вот так мы стояли в подземном переходе, она держала мою руку, как держат ребенка, и качала ее, качала. Так она прощалась со мной. Не тогда, когда мы расставались в городе N, не тогда, когда она перестала писать письма. А только сейчас, двадцать лет спустя, она прощалась со мной. Может быть, не со мной даже, а с чем-то... не знаю, с чем...

Грот замолкает.

Мы тоже молчим, находясь под впечатлением его рассказа. Потом он наливает себе чаю, откусывает кусочек сухарика и говорит:

– Вот такая история.

– А что же телефон? – спрашивает Фок.

– Телефон?

– Ну да, я ведь спрашивал, откуда у тебя тот номер телефона, который ты дал майору П.

– Ах телефон... Видите ли, во время той встречи, я говорил уже, была зима и Яна была в варежках.

– Кто?

– Та женщина, о которой я рассказывал. Ее зовут Яна, довольно редкое имя. Когда мы стояли в подземном переходе и она держала мою руку и качала ее, на ней были зеленые вязаные варежки. Я все смотрел на варежки, может быть, потому, что не хотел смотреть в глаза Яны. Наверное, боялся увидеть в них то самое удивление... Да, так это были не простые варежки – на них тоже были вышиты цифры. Даже не вышиты, а как бы намалеваны или вырезаны и приклеены, растянутые по вертикали и узкие. Я запомнил эти семь цифр.

– Это был ее номер телефона?

– Не знаю, я ведь потом пытался набирать эти семь цифр, но каждый раз попадал в бухгалтерию какого-то завода, где о Яне никто ничего не знал. Больше я ее не видел и ничего о ней не слышал. Когда Бизань рассказал о своей встрече в метро, я сразу вспомнил эти варежки и эти семь цифр. Вот их я и записал на газете. Но до сих пор не могу понять, почему по этому номеру оказались Ч. и Катя. Там ведь должна была находиться бухгалтерия завода! Может быть, за три года сменились номера телефонов?

– Кажется, я догадываюсь, в чем тут дело, – говорит Фок. – Ты дал майору П. вовсе не номер Кати и Ч. Сейчас наш майор, наверное, разговаривает с бухгалтерией завода. Впрочем, сейчас уже поздний вечер, и номер не отвечает.

– Стоп! – вмешиваюсь я. – Что ты говоришь, Фок? Ты же звонил Кате и Ч. по тому номеру, который Грот написал на газете, а именно этот номер Грот дал майору П. Наверное, действительно номер сменился. Или Грот был прав, и ты звонил совсем по другому номеру, а вся история с роботом, Катей и Ч. – твой розыгрыш.

– Ничего подобного! Просто здесь получился двойной перевертыш. Вот смотрите.

Фок пишет на листе бумаги семь цифр, растянутых по вертикали и узких, и показывает их Гроту.

– Это номер бухгалтерии?

– Да, именно эти цифры были на варежках Яны. И именно этот номер я дал майору П.

– А теперь обратите внимание: номер составлен из цифр 0, 1, 6, 8 и 9. А эти цифры при переворачивании остаются теми же самыми, только шестерка и девятка превращаются друг в друга. Цифры на варежках у Нади и у Кати повернуты в сторону того, кто надевает варежки. Поэтому Бизань увидел цифры вверх ногами. Наверное, и у Яны такие же варежки. И Грот увидел их тоже вверх ногами! Но он не обратил на это внимания, потому что при перевороте получился тоже вполне осмысленный номер. Конечно, это оказался другой номер – номер бухгалтерии.

Грот берет лист бумаги и переворачивает его:

– А вот так, значит, получается номер телефона Кати и Ч.?

– Конечно! Когда ты записал на газете свои семь цифр, я ведь тоже ошибся – прочитал их вверх ногами. В результате две ошибки взаимно уничтожились, и я звонил по правильному номеру. А этим номером оказался номер Кати и Ч.

– Старички! – говорю я. – Кажется, теперь выстраивается некая система. Смотрите, на варежках Яны вышит номер телефона Кати – тот, что при переворачивании превращается в номер телефона бухгалтерии. На варежках Кати – номер телефона Нади. А на варежках Нади...

– Номер Яны! – восклицает Грот.

– Теоретически, – уточняет Фок, – в цикле может быть и больше женщин с цифровыми варежками. Но, похоже, Бизань прав: каждая из известных нам трех женщин носит варежки, на которых вышит номер телефона другой женщины.

– Катя сказала, что варежки ей связала подруга – на память. Значит, этой подругой была Яна!

– Наверное, они вязали варежки со своими номерами телефонов и дарили их друг другу, – высказывает предположение Фок. – По кругу.

– Теперь я вспоминаю, – говорю я, – как реагировала Катя, когда я ее «узнал». Она внимательно посмотрела на меня и спросила: «Так это вы меня видели?» Мне еще показалось странным: ведь на самом деле я видел не ее, как же она меня узнала? Тогда я решил, что это часть розыгрыша.

– А теперь ты это как объясняешь? – не понимает Грот.

– Все дело в интонации, точнее, в интонационном ударении. Ее интонация показалась мне какой-то неправильной, как будто она оговорилась, но тогда я не придавал этому значения. Если бы она меня узнала, но, не доверяя своей памяти, хотела уточнить, она должна была бы спросить с ударением на слове «вы»: «Так это *вы* меня видели?» Но она сделала ударение на слове «меня»: «Так это *Вы* *меня* видели?» А это означает совсем другое: сомнение в том, что я видел именно ее. Сам факт, что я видел какую-то женщину с варежками, на которых были вышиты цифры, как у самой Кати, ее не удивил.

– Что означает: она знала, что кто-то носит варежки, на которых вышит ее номер телефона.

– Именно так! И теперь мы знаем, что эту «кто-то» зовут Яна.

– Не пора ли ознакомить майора П. с нашими изысканиями? – предлагаю я.

– Сначала вы должны послушать и мое выступление, – говорит Грот.

– Мы слушаем.

Грот снимает очки и старательно протирает их платком:

– Вам не показался странным этот майор П.?

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю я.

– Ну, во-первых, он почему-то приехал к нам, хотя мог вызвать нас к себе в учреждение. Тем более что номер телефона Бизаня он узнал и проверил, перезвонив.

– Что же здесь странного? – говорю я. – Может быть, он хотел побыстрее задать нам свои вопросы. Хотя... По-моему, он больше рассказывал, чем спрашивал. Немного необычно для милиции, да?

– А я первый раз увидел милиционера, который курит сигары, – заявил Фок.

Грот водружает очки обратно на нос:

– Ну это у тебя стереотип. Почему бы милиционеру не курить сигары?

– И еще, – не сдается Фок, – он постоянно повторял одну и ту же фразу: «Может быть, а может и не быть».

– Фраза стилистически немного странная, обычно говорят: «Может быть, а может быть, и нет». Но какой здесь криминал?

– Дело не в этом, – Фок морщит лоб. – Майор произносил эту фразу с какой-то жутковатой интонацией. Знаете: «не быть – убить – небытие»...

– Это у тебя уже какие-то психологическо-лингвистическо-философические фантазии. – Грот опять начинает протирать свои очки. – Речь ведь и шла об убийстве. Или самоубийстве.

– В чем-то он прав, – вступаюсь я за Фока. – Теперь мне тоже кажется странным, как майор строил свой рассказ. Он все время подводил нас то к версии об убийстве Ш., то к версии о самоубийстве. Как будто хотел узнать, какая версия нам больше нравится.

– Или какая покажется достоверней. Может быть, он просто проверял на нас разные варианты? Размышлял вслух?

– Может быть, а может и не быть, – Фок передразнивает майора. – Но мне показалось, что одна версия ему самому нравится больше другой.

– Версия о самоубийстве, – соглашаюсь я. – Каждый раз, когда майор П. подводил к этой версии и я высказывал ее вслух, он почему-то улыбался.

– И еще он улыбнулся, когда я спросил, не в Надю ли стрелял Ш. – добавляет Фок.

– Иными словами, – подводит итоги Грот, снова водружая очки на нос, – майор П. пытался нас убедить, что Ш. совершил самоубийство на почве страха и пытался убить Надю в результате помешательства на той же почве. При этом страх был безосновательным, поскольку никто не собирался убивать Ш., а всего-навсего передать его другому работодателю.

– Но это только наши домыслы, – возражаю я, – и они построены на весьма зыбкой почве. Психологическо-лингвистическо-философической, как ты выразился.

– Согласен, – продолжает Грот. – Но для чего вообще майор П. сюда приезжал?

– Узнать телефон Тани и Ч., – говорит Фок.

– А еще он хотел, чтобы я вспомнил номер на Надиных варежках, – добавляю я. – Правда... мне показалось, что он остался доволен моей плохой памятью. Я еще подумал, что это чисто профессиональное: он испытывает своеобразное удовлетворение, когда оправдываются его ожидания, даже если ничего хорошего в этом нет.

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

– Тогда возникает вопрос, – говорит Фок, – майор П. хотел узнать этот номер или он не хотел, чтобы его узнали мы.

– Это все тоже зыбко, – говорит Грот. – Я хотел сказать другое. Вам не показалось странным, как мы расстались с майором?

– Что ты имеешь в виду? По-моему, все было обыкновенно: поговорили, он распрощался и ушел.

– И его не интересует, вспомнит ли Бизань цифры на Надиных варежках? Вспомним ли мы еще какие-нибудь важные детали, о которых он спрашивал?

– Кое-что мы действительно вспомнили и выяснили.

– И как мы ему сообщим об этом?

– Позвоним по телефону... – я начинаю догадываться. – Ха! У нас же только телефон Нади. Не сидит же майор П. там днем и ночью.

– Вот именно, – Грот задумчиво глядит в потолок. – Я подумал об этом, как только он ушел. Я даже хотел его догнать, но было поздно. Майор не оставил нам своего телефона! Забыл? Маловероятно, для следователя или оперативника это чисто рефлекторное действие: если хочешь, чтобы свидетель что-то вспомнил и сообщил, оставь ему свой служебный телефон.

– Между прочим, – говорю я, – мы не попросили его показать документы.

– И он был в штатском, – добавляет Грот.

– И курил сигары, – почему-то снова вставляет Фок.

– Кто такой П.? – формулирует общий вопрос Грот. – Если не майор милиции, то кто? Учитывая его осведомленность, дневник Ш. и варежку Нади.

– Ты хочешь сказать... – у Фока вытягивается лицо.

– Мы можем попытаться восстановить всю картину, – говорит Грот. – Какие-то детали могут оказаться иными, но общий рисунок кажется мне ясным. Попробую его набросать. Ш. сидит в квартире Нади и пишет свой дневник. Убийцы открывают дверь, может быть, отмычкой, может быть, взламывают ее – это неважно. Ш. успевает сделать свою последнюю запись. Дальше убийцы врываются в квартиру, убивают Ш., стирают с пистолета отпечатки пальцев и вкладывают оружие в руку Ш. Но тут неожиданно возвращается Надя. Она открывает дверь, держа в руках варежки, и видит, что происходит. Она делает шаг, другой. Наконец все понимает и пытается убежать. Убийцы знают, что им никак нельзя отпустить Надю – она их выдаст. Но догнать ее они не могут – она уже у самой двери, дверь еще остается открытой, а они в глубине комнаты. Тогда они стреляют в Надю. Пуля попадает в косяк двери, Надя роняет одну варежку, но успевает скрыться.

– Нам нужно спешить, – говорю я. – Если наши предположения верны, П. ищет Надю. И мы должны найти ее раньше.

– Таня и Ч. в безопасности, – добавляет Фок, – а за бухгалтерию завода можно не опасаться.

– Зато можно опасаться за нас, – говорит Грот. – Вряд ли П. понравится шутка с перевернутыми цифрами.

– У нас только одна ниточка, – продолжаю я, – мы должны найти Яну. Может быть, Надя прячется у нее, у своей подруги, которая подарила ей когда-то варежки со своим номером телефона?

– Если в круге только три женщины и три пары цифровых варежек, – уточняет Фок. – Но попробовать надо. Не так уж долго сделать 18 телефонных звонков.

Мы делаем несколько неудачных попыток. И наконец... Я набираю номер. После трех продолжительных гудков трубку снимают.

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

Мужской голос: «Говорите».

Я: «Здравствуйте. Можно попросить к телефону Яну?»

Мужской голос: «Кто ее спрашивает?»

Я: «Видите ли... мы незнакомы... нас здесь трое... один из нас хорошо знает Яну».

Мужской голос: «Кто вы?»

Я: «Это долгая история... Все дело в варежках...»

Мужской голос: «Каких варежках?»

Я: «Ну, варежках с цифрами. У Яны ведь есть такие?»

Мужской голос: «Что вы знаете об этом?»

Я: «Извините, а нельзя ли все же позвать Яну? Или... может быть, Надю?»

Мужской голос: «Вот что: я не знаю, кто вы такие, но, похоже, нам придется встретиться. Где-нибудь на нейтральной территории».

Я: «Мы готовы».

Мужской голос: «Есть подходящее место, где нам никто не помешает. Мастерская художника. Через час вас устроит?»

Я: «Да, а где это?»

Мужской голос: «Записывайте адрес».

Я записываю адрес, и мы едем.

НА БАКЕ ТРЕХМАЧТОВОГО КЛИПЕРА СИДЕЛИ ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА И РАССКАЗЫВАЛИ ИСТОРИИ.

И ПРОДОЛЖИЛ ФОК.

Мастерская начинается глубоко под землей, и окна мутно белеют под самым потолком, теряющимся на невозможной высоте. Пространство делится по вертикали на две равные части. Вверху змеятся бесчисленные провода и свешиваются десятки прожекторов всевозможных форм и размеров. Внизу многочисленные гипсовые скульптуры странных вогнутых и закрученных форм, казалось, кружатся в каком-то причудливом танце. На стенах масляные картины в тяжелых темных рамах перемежаются с кусками оргалита и картона без всяких рам и просто листов бумаги, приколотых кнопками. Но на всех на них – однотипные изображения отдельных частей человеческого тела: кисти рук, ступни ног, локти, колени, бедра, ягодицы, гениталии, животы, груди, спины, плечи, шеи, уши, носы, губы, лбы и затылки.

Нет только глаз. И все скульптуры тоже безглазые.

В одном углу на длинном столе стоят в ряд три компьютера с затемненными мерцающими экранами мониторов. В противоположном углу на специальной подставке стеклянный куб, внутри которого филигранная модель трехмачтового клипера. Горят две лампы, красная и синяя, и три массивных свечи, стоящие прямо на полу. Где-то, видимо, тлеют курительные палочки, потому что по воздуху тихо плывет диковинный аромат.

В центре за большим круглым столом сидит старик – лысый, но с длинной белой бородой. Он пьет чай из высокой кружки с крышкой. Каждый раз он приподнимает крышку, делает глоток и опускает крышку на место. Рядом с ним, положив руку ему на плечо, стоит маленькая девочка в джинсах и свитере. Она жует жвачку. Мы сидим на стульях напротив и тоже пьем чай.

Старик закончил свой рассказ и ждет наших вопросов.

Первым спрашиваю я.

– Мариночка, – говорит старик, – покажи нашим гостям.

Девочка идет к компьютерам. Бегаёт пальчиками по клавиатурам. Откуда-то сверху доносится низкий гул и раздается серия резких щелчков. Вспыхивают разноцветные

прожектора. В перекрестии их лучей появляются изображения Тани и Ч. Они быстро уплотняются, подходят к столу, здороваются, садятся на стулья, берут себе чашки и начинают пить чай.

– Как продвигается ваш Сюжет? – вежливо спрашивает Таня.

Ее голос слегка вибрирует, а сквозь лицо чуть просвечивают черные волосы на затылке.

– Мариночка! – укоризненно говорит старик.

– Я не виновата, дедушка, – отвечает девочка, – эта лампочка все время перегорает.

– Ну так включи резервную.

Девочка идет к компьютерам и берет пальчиками короткий аккорд на левой клавиатуре.

Вспыхивает еще один прожектор, и лицо Тани перестает просвечивать.

Я что-то отвечаю, но разговор не клеится.

– Пожалуй, мы немного потанцуем, – говорит Таня.

Звучит тихая музыка. Таня и Ч. кружатся в медленном танце.

Вторым спрашивает Бизань.

– Мариночка, – говорит старик.

Девочка снова идет к компьютерам. Бегают пальчиками по клавиатурам. Опять что-то шумит наверху и вспыхивают разноцветные прожектора. В перекрестии их лучей появляется изображение Нади и чуть позже – двух мужчин. Один, в милицейской форме, – майор П. Другой, в кожаных перчатках с обрезанными пальцами, мне не знаком. Ш., догадываюсь я. Они подходят к столу, здороваются, садятся на стулья, берут себе чашки и начинают пить чай.

– Как продвигается ваш Сюжет? – вежливо спрашивает майор П.

Бизань что-то отвечает, но разговор не клеится.

– Пожалуй, мы немного поиграем, – говорит Надя.

Они отходят к креслам, садятся вокруг низкого журнального столика. Ш. достает колоду карт, тасует ее и начинает раздавать.

Третьим спрашивает Грот.

В перекрестии лучей появляется изображение женщины до сорока лет, невысокого роста, хорошего сложения, с выразительными глазами, приятность которых не портили ни пучки микроморщинок в уголках, ни темные мешки под глазами, ни жестковатость взгляда.

– Это Яна, – говорит Грот.

Рядом с женщиной возникает мужчина.

– Познакомьтесь, это Сергей, – говорит Яна, подсаживаясь к столу. – Он скульптор, это его работы вы видите вокруг.

Мы пьем чай.

– Как продвигается ваш Сюжет? – вежливо спрашивает Сергей.

Грот что-то рассказывает, но разговор не клеится.

– Вы не возражаете, если мы немного погуляем? – говорит Яна.

Они надевают дубленки, меховые шапки и выходят на улицу.

– А что же варежки? – спрашиваем мы.

– Варежки, – отвечает старик, – это ключ ко всему. Мариночка, принеси, пожалуйста.

Девочка приносит шкатулку и ставит ее на стол. Старик открывает крышку и достает три пары зеленых вязаных варежек с вышитыми на них цифрами. Нет, цифры не вышиты, они как бы намалеваны или вырезаны и приклеены, растянутые по вертикали и узкие.

– Вы видите три семизначных номера, – объясняет старик. – Их можно расположить по сторонам треугольника так, что в углах один номер переходит в другой, но при этом цифры переворачиваются. Цифра в углу заканчивает один номер и начинается другой. В левом углу это цифра 1, в правом углу цифра 8, и наверху цифра 6 заканчивает номер, а цифра 9 начинается

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

следующий номер. В серединах сторон треугольника находится цифра 0 – это для симметрии. Остальные цифры расположены в оставшихся позициях по сторонам треугольника.

– А почему нет цифры 3? – спрашиваю я.

– Ей соответствует центр треугольника, – поясняет старик. – Так устроен мой телефон – немного вычурно и старомодно, но в целом эффективно. Мариночка, а не обновить ли нам чаёк?

Девочка скрывается за дверью кухни.

– А я пока покажу кое-что нашим гостям.

Мы идем в угол комнаты, где в стеклянном кубе по синей пластмассовой воде плавает трехмачтовый клипер. Старик щелкает выключателем, и корабль освещается розоватым предзакатным светом.

На баке клипера я различаю три миниатюрные человеческие фигурки. Одна из них чем-то похожа на Бизаня, другая – на Грота. А третья, наверное, я, думаю я. На какой-то миг мне слышится плеск волн и шум ветра. Я вижу длинные белые облака в синем небе, похожие на седую бороду. Если дать волю воображению, можно различить в причудливом скоплении облаков, освещенных предзакатным солнцем, лицо старика. И две темные точки зрачков. Или это две птицы парят в вышине?

– Кажется, теперь очередь Грота рассказывать историю, – говорит Бизань и размазывает по щеке соленые брызги.

ТРЕХМАЧТОВЫЙ КЛИПЕР ПО МОРЮ ПЛЫЛ. ВЕТЕР ДУЛ В ПАРУСА. ПРЕДЗАКАТНОЕ СОЛНЦЕ СВЕРКАЛО НА ГЛАДКОЙ ВОЛНЕ. ЧАЙКИ КРИЧАЛИ.

Прожектора в замедленном ритме вспыхивали и гасли. Мариночка разливала чай. Голограммы наложились друг на друга, слились в единое целое и разлетелись в разные стороны, слившись со странно вогнутыми и закрученными скульптурами. Старик замерцал, зарыбил и померк.

– Мама сейчас придет, – сказала девочка и улыбнулась мне.

Двери закрылись, и тут она опять поглядела на меня. Она глядела мне в глаза, не отводя взгляда, не шевеля губами. Ресницы не двигались. Микроморщинки у глаз казались нарисованными. В ее взгляде было какое-то движение: не по горизонтали или вертикали, не по радиусу, – это было движение вглубь. Подобное уходящему поезду.

И я уже не видел ее и не видел ее взгляда, а только то, что уходило вглубь, что было там – в глубине. Но что это было, я не знал. Она смотрела на меня сквозь стекло. На стекле была надпись. Я ее не видел. Она смотрела на меня, удаляясь, – долго, пока поезд не скрылся в тоннеле. И только тогда она чуть-чуть улыбнулась, почти незаметно. Или мне показалось?

Мы сидели на БАКе и пили чай. Раздался телефонный звонок. Бизань снял трубку и сказал: «Да». Через пять минут молчания он повесил трубку.

– Это была она, – сказал он.

– Как она узнала твой телефон? – спросил Фок.

– Она сказала свой номер? – спросил Грот.

– Вы же слышали, – ответил Бизань, – мы молчали.

ТРЕХМАЧТОВЫЙ КЛИПЕР ЗАСТРЯЛ ВО ЛЬДАХ. ВЕТЕР ЗВЕНЕЛ, УДАРЯСЬ В КОЛОКОЛ СВЕРКАЮЩИХ ПАРУСОВ. СНЕЖИНКИ КРУЖИЛИСЬ СПИРАЛЯМИ ВДОЛЬ ФАЛОВ.

Она пришла к нам на бак и присела на край бухты якорного каната.

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

- Ты мерзнешь? – спросил я.
- Немного, – ответила она.
- Почему ты не наденешь варежки? – спросил я.
- Разве это так важно? – спросила она.

Мы снова пили чай.

– В конце концов, – сказал Фок, – комбинируя цифры, мы получим практически бесконечное число вариантов Сюжета.

- Но сам Сюжет рожден из маленькой зрительной картинке, – сказал Грот.
- Или звуковой, – добавил я.

Ее зовут КАЯННА. Она любит кататься на лыжах, бродить подземными переходами и ездить в метро. Ее можно вызвать комбинацией цифр. Она является независимо от твоего желания. Она является неожиданно. И ты ожидаешь ее постоянно. Разматывая жизнь, как свиток сна, ищи в сплетении лиц, голосов и цифр иероглиф «КАЯННА». Ты думал, что это уже не случится. Теперь ты знаешь, что это может случиться всегда. Это не прекращается.

Если бы не читать газеты в метро... Если бы не бояться подземных переходов... Если бы купить жене варежки...

Звонок телефона. Он снимает трубку. Звонок телефона. Она снимает трубку.

Мужской голос: (молчит).

Женский голос: (молчит).

Ветер: (шумит).

Снег: (падает).

Цифры: (мелькают).

Поезд: (уходит).

Любовь Ушакова. Отражение. Владимировка. 2011 г.

ПРОЗА

Наталья Новохатняя

(Молдова, Кишинёв)

УТЕШИТЕЛЬ

...Удобное кресло. Мягкое, кожаное. Правда, вначале чуть холодило спину, но потом кожа нагрелась и стало хорошо. Вернее, было бы хорошо, если бы это было обычное кресло, а не кресло в зубном кабинете. Нет, ничего ужасного со мной здесь не делают, просто удаляют зубной камень, но все равно страшно. По привычке, наверное. Да и сама процедура не слишком приятная.

Руки, что колдуют над моим ртом, очень умные, они знают, что и как надо. Поэтому иногда причиняют боль. Это нужно, я понимаю, но тело не хочет боли. Тело вжимается в кресло, напрягается до мышечного онемения, истекает потом. Приходится его мысленно подбадривать: ну что ты, ты же сильное, ты ничего не боишься, а тут... Как ребенок, честное слово!

На время помогает. Еще помогают ветки, что качаются за окном. Они как символ внекабинетной жизни, где все здоровы и счастливы. Наверное. Еще – красивая медсестра Маша. Грациозно выглядывающая из белоснежного халата Машина шея (лебедь, не иначе) очень утешает. Как вообще утешает любая красота. Что еще? Ах да, ацтеки! Но это уже в моей голове.

Прочитала, что ацтеки избавлялись от зубного камня с помощью корня под названием «тлатлаукапатли». Перемешивали его с солью и чистили этой смесью зубы. Странное свойство памяти: имена, цифры, вся эта простая и нужная информация в памяти почему-то не удерживается, а тлатлаукапатли – запросто. Вот только действие должно быть другим, под стать слову – многослойным и красочным.

Хотя бы так: садится желтозубый ацтек на землю, а вокруг уже толпятся его соплеменники. Набедренные повязки, перья на головах. Соплеменники озабочены, они страдают вместе с ацтеком. Но вот они выстраиваются по периметру круга и пускаются в пляс. Энергично перебирают мускулистыми ногами, трясут головами, и перья на головах тоже трясутся в ритме танца. На самом деле это не просто танец – магический ритуал. «Изыди, изыди!», – кричат ацтеки громко и страшно. А в руках у них... да-да, тот самый тлатлаукапатли!

И зубы сразу белеют, попробовали бы не. Мои, впрочем, тоже. Правда, не совсем, осталась самая малость – посидеть полчаса с лекарством. Вернее с пропитанной лекарством ватой, которую только что запихнули мне в рот. Ваты много, и кажется, что она заполняет не только рот, но вообще всю голову, и мыслям не остается в ней места. Хотя какие мысли в зубном кресле – разве что танцующие ацтеки!

...С разбухшей от ваты нижней челюстью сижу на банкетке в коридоре. В зубной поликлинике таким видом никого не удивишь, но мне неловко и я прячу челюсть в салфетку. Не только из-за неловкости – накопившиеся во рту слюни так и норовят хлынуть наружу. Салфетка, конечно, сдерживает поток, но все-таки откидываю голову назад, чтобы наверняка.

Из коридорных динамиков, а может, с потолочного неба, льется голос Патрисии Каас. Хрипловатый, страстный, он поет про любовь. О чем еще может петь такой голос, тем более по-французски? Тот, кто придумал всю эту историю с динамиками, в выборе музыки, видимо, руководствовался терапевтическим эффектом. Эффект от Каас, конечно, был, но немного другой: сидящие напротив меня парень с девушкой вначале просто обменивались томными взглядами, а потом и вовсе стали обниматься. Пусть. Это лучше, чем трястись от страха.

Однако слюни все текли и текли. Да это не рот, это какая-то фабрика по выработке слюны! А ведь еще двадцать минут, целая жизнь...

– Вы в этот кабинет?

Задавший вопрос мужчина, как и дверь, на которую он указывал, были от меня далеко. Я бы и внимания не обратила, если бы он не повторил вопрос, добавив слово «девушка».

– Вы в этот кабинет... девушка?

«Девушка» в данный момент была я одна – не делить же, в самом деле, четырехрукое существо напротив на отдельные особи. Поэтому я отреагировала: отрицательно помотала головой. И хотя сделать это было непросто (слюни, слюни), но вежливость, но врожденная деликатность...

Мужчина моих усилий не оценил. Казалось, он вообще ничего не замечал: ни моей задранной головы, ни прикрывающей рот салфетки. Может, он так перепуган предстоящим визитом к зубному? Только этим можно объяснить его следующий вопрос.

– А вы уже или еще?..

Вот как тут ответить с килограммом ваты во рту?!

Парень с девушкой, перестав обжиматься, с интересом посмотрели на мужчину, потом на меня. А потом они захихикали. И тут до мужчины дошло. Он подошел поближе и снова спросил, но на этот раз после «уже» сделал паузу.

Я с облегчением закивала. Слюноотделение усилилось.

– Вы только ничего не говорите, – громко зашептал мужчина, подсаживаясь ко мне. (Как будто я могла это сделать!) Я вовсе не собираюсь испытывать ваше терпение, но я чувствую, вам нужна помощь. Поэтому я буду говорить, а вы просто слушайте.

Говорил он много. Рассказывал какие-то анекдоты, причем один анекдот очень его смешил и мужчина все возвращался к нему, любовно перебирая детали. Что-то там было про мужа, пиво, воблу и жену, какой-то пазл, который у меня никак не складывался по многим причинам. А вот у собеседника моего, судя по всему, давно сложился и вызывал целую гамму чувств. Особенно его занимала, нет, даже умиляла, жена, и, в очередной раз процитировав ее, мужчина по-детски радостно вскрикивал «нет, вы представляете, представляете?!».

Я не представляла. Я правда не представляла, почему это со мной происходит: мужик этот, анекдоты. Может, сумасшедший?..

Внимательно оглядела своего непрошеного визави. Одет вроде чистенько. Взгляд побитой собаки, кажется, приласкай – пойдет за тобой на край света. Наверняка одинокий. Есть в одиноких мужчинах какая-то неприбранность. Так и тянет их переодеть. Нет, вначале душ, потом накормить, а уж потом переодеть. А весь этот секунд-хэнд выбросить. Или сжечь. Сжечь лучше, вдруг у него там звери какие.

Я стала медленно отодвигаться на противоположный край банкетки.

А мужчина тем временем продолжал. С чего вдруг в общую канву вплелись Иисус с Буддой, я пропустила, видимо, боролась с новым наплывом слюноволн. Впрочем, на высоком он заикливаться не стал, вернулся к женщинам.

– Женщины обрабатывают раны лучше мужчин. Знаете почему? Потому что лучше умеют их наносить!

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

– Надеюсь, я не очень злоупотребляю вашим вниманием? – оборвав сам себя, вдруг поинтересовался мой собеседник.

Тут бы мне и захлебнуться навек, если бы дверь не отворилась и Маша, прекрасная Маша, не позвала меня в кабинет.

Ох как я рванула к плавательнице, с каким упоением выдала из себя все! Вату, измученных пляской ацтеков, анекдоты эти дурацкие, пиво с воблой, чью-то осточертевшую жену. И одиночество. Чужое, неприбранное, жалкое.

Когда я вновь оказалась в коридоре, Каас по-прежнему пела о любви. А вот парня с девушкой не было. То ли их поглотил соседний кабинет боли и скорби, а может, просто передумали и, вдохновленные музыкой, ушли заниматься более приятным делом. Но мой визави был на месте.

– Благодарю вас за попытку облегчить мои страдания, – подражая его манере, с улыбкой сказала я.

Мужчина посмотрел куда-то сквозь меня и рассеянно кивнул. Здоровая, улыбающаяся и – главное! – в состоянии ответить, я была ему абсолютно неинтересна.

Любовь Ушакова. Натюрморт с грушей. 2013 г.

ПРОЗА

Александр Сороковик
(Украина, Одесса)

ТЕАТР

*Все может произойти, все возможное вероятно.
На крошечном островке реальности воображение
прядет свою пряжу и ткёт новые узоры.
Сквозь внешний бытовой слой просвечивает иной,
таинственный и загадочный пласт реальности...*

Август Стриндберг

(финальная фраза из фильма
Ингмара Бергмана «Фанни и Александр»)

– Эге-гей, публика почтенная, полупочтенная и так себе просто! Мимо не проходите, в наш балаган загляните! За медную четвертинку увидите чудесную картинку! За бронзовую полушку поглядите пьесу – не безделушку! А за серебряный грош к нам и герцогский повар вхож! Довольно вам тешить брюхо, у нас потеха для глаза и уха: не стоят сокровищ этого мира представления по пьесе сэра Уильяма Шекспира! Безумства любви и шпаги, яда и стилета в невероятной тр-р-рагедии «Ромео и Джульетта»!

Зазывала прыгал, жестикулировал, хохотал, скликая публику в ярко раскрашенный полотняный балаган, расположившийся на ярмарочной площади. Одетый в разноцветное трико и шутовской колпак с бубенчиками, он закрывал лицо трагической белой маской с опущенными уголками рта и нарисованной крупной слезой, вытекающей из левого глаза.

Почтенная, полупочтенная и всякая другая публика довольно охотно тянулась к балагану, были тут и оборванцы, и народ почище, мастеровые, деревенские гуляки, ремесленники, служанки. Важно прошествовал богатый купчишка с расфуфыренной женой и двумя дочками – юными девицами, скромно потупившими взгляд, однако изредка стреляющими глазками по группкам молодых парней, нарочито не обращающих на них никакого внимания.

– Нет, ну это ужасно, Донатий! Просто какое-то издевательство! Трагедия Шекспира в балагане на ярмарочной площади! Ну что ты молчишь, несносный! Неужели тебя это не возмущает?

– О да, моя госпожа! Это действительно ужасно! Бродячие комедианты посмели играть трагедию Шекспира, безумцы! Святотатцы! Может, прикажете их повесить? Одно слово – и наши brave воины вмиг прекратят это безобразие...

– Донатий! Если я кого-то и прикажу повесить, так это тебя! Почему ты все время надо мной смеешься? Мне надоели твои шуточки! Я хочу говорить серьезно!

– Но моя госпожа! – благородный дворянин изобразил недоумение. – Я серьезен, как папский нунций на приеме у короля! Разве когда даже в мыслях я мог посметь послушаться вас?

Только прикажите, и ваш верный Донатий тут же обнажит свою шпагу и заколет любого врага, или даже себя – как вам будет угодно!

– Хорошо, Донатий! Сейчас ты мне докажешь свою преданность! – его собеседница, совсем юная гордая герцогиня Изабелла, порывисто протянула руку в сторону разноцветного балагана. – Мы идем на представление сюда! И даже не смей возражать мне! – она сердито топнула изящной ножкой.

– Слушаю и повинуюсь, моя госпожа! – ее спутник преувеличенно смиренно поклонился. В руке его появилась мелкая монетка, которую он подбросил невысоко на ладони. Тут же возле него образовалась стайка мальчишек-оборванцев.

– Хозяина балагана ко мне! – коротко приказал Донатий, не глядя кинув монетку мальчишкам. Самый ловкий из них, высоко подпрыгнув, поймал ее и с радостным воплем помчался к балагану. Вскоре оттуда вышел невысокий плешивый толстяк в потертом, заношенном камзоле и поспешил к Донатию и его спутнице. Сдержанно поклонился и спросил:

– Чего изволят почтенные господа от недостойного комедианта?

– Моя госпожа желает видеть твой спектакль. Два места в центральной ложе!

– Господь с вами, ваша светлость! Откуда в моем рыночном балагане ложи? Это же не столичный театр!

– Тогда – два лучших места в первом ряду! И чтоб вокруг – только приличная публика, никакой черни! – Донатий достал сверкающую золотую монету, хотел бросить хозяину, однако передумал и вложил в его руку. Тот принял дорогую монету почтительно, но не раболепно.

– Слушаюсь, ваша светлость! Все будет сделано в лучшем виде!

Он поспешил внутрь шатра, а его светлость с легким поклоном обратился к своей юной спутнице:

– Вы не передумали, моя госпожа? Это все же балаган на рыночной площади...

– Я никогда не меняю своих решений, Донатий. Пора бы уже запомнить!

– О, прошу прощения, я и впрямь забылся... Давайте отойдем в тень, к фонтану, там прохладнее.

Миновало совсем немного времени, появился толстяк – хозяин театра, протянул руку в приглашающем жесте и важно изрек:

– Прошу вас почтить своим присутствием наш спектакль. Только уж не серчайте, ваши светлости, если увидите не совсем то, что ожидали, тут народ простой, мы больше для них старались...

– А если народ такой простой, зачем вы Шекспира для них ставите? Попроще пьесы не нашлось? – девушка смотрела на толстяка прямо, слегка постукивая сложенным веером по раскрытой ладони...

– О ваша светлость! – хозяин трагически воздел руки к небу. – Вы не представляете, как эти простецы любят Шекспира! На той неделе мы давали «Гамлета», так представьте, аншлаг провисел на кассе всю неделю! Впрочем, кажется, это было в другом городе. А что вы желаете увидеть сегодня, любезная госпожа?

– Как это «что»? Кажется, твой зазывала с утра еще кричит о том, что у вас тут за спектакль!

– Да, конечно, ваша светлость, представление объявлено, отрепетировано и будет разыграно в лучшем виде! Но вопрос-то в другом. Каждый видит то, чего он ждет, за чем пришел и за что заплатил свои деньги. Реальность у каждого своя. Кому-то по душе будут драки и дуэли, а кому-то – объяснения в любви. Вон тот почтенный отец семейства лишний раз убедится, что детей надо держать в крепкой узде, а вон та барышня, вытирая слезы, будет

строить планы, как помочь влюбленным убежать от родителей, разумеется, видя себя на месте героини! А что хотите увидеть вы?

– Я хочу увидеть пьесу Шекспира! – надменно произнесла девушка.

– Да не прогневайтесь ваша светлость, если я скажу еще несколько слов. У меня не простой балаган, а вы, госпожа, не простой зритель. Вы прекрасно знаете, что все это было в Италии, двести лет назад. Вам известен сюжет, время и место действия. Вы помните, что, к примеру, сперва Тибальт убьет Меркуцио, а затем – Ромео Тибальта, и это послужит началом цепочки различных событий, которые и приведут к трагическому концу. А если бы это происходило здесь и сейчас? Либо совсем в другой стране, через двести лет? Или это невозможно? Может быть, потом у людей будут другие проблемы? Или проблемы останутся теми же, но решать их будут по-другому?

– Но ведь Шекспир писал не об этом! – юная герцогиня начинала гневаться.

– Разве мы знаем, о чем на самом деле писал Шекспир? И как он написал бы свою трагедию сейчас? Либо через двести лет? Но ведь можно попробовать узнать это, правда, ваша светлость? Смотрите представление, смотрите внимательно. И если захотите, я помогу вам выйти из рамок этой трагедии, увидеть из-за ее контуров новый узор, другой пласт, иное время... Впрочем, я умолкаю, тем более что пора начинать. Покорнейше прошу проследовать в зал!

Толстяк не обманул. Для них поставили два роскошных, принесенных откуда-то специально ради такого случая кресла в первом ряду. Вокруг кресел и позади публики также была весьма приличной: тот самый купчишка с женой и дочерьми, несколько горожан побогаче, пара-тройка щеголей в почти новых камзолах.

Все они почтительно поклонились, когда их светлости проходили к своим местам. Донатий отвечал легким кивком, а Изабелла не обратила на их поклоны ни малейшего внимания. В первых трех рядах с креслами и стульями наступила тишина, дальше, где стояла чистая публика попроще, витал легкий шум. На галерке же веселье не прекращалось, только чуть притихло.

Слуги начали гасить специальными колпачками на длинных палках свечи в настенных светильниках, в зале стало темно. Только сцена с опущенным грубым занавесом освещалась несколькими масляными лампами. Вот на ней появился печальный клоун-зазывала со скрипкой в руках. Он молча поднял ее к плечу и заиграл невыразимо грустную, щемящую мелодию. Остановился, прислушался, опустил скрипку. Посмотрел в зал, выдержал паузу и со вздохом произнес:

*Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте...*

Занавес начал раздвигаться, на сцене появились слуги двух враждующих семейств, все сразу, причем в количестве явно большем, чем в пьесе. Недолго думая они взялись лупцевать друг друга палками и кулаками.

Галерка оживилась еще больше. Послышался одобрителный свист, подбадривающие реплики. Вскоре появились и господа, начались дуэли на шпагах. Тут уже оживилась и «чистая» публика.

Постепенно сражения словно иссякали. Промелькнул, как сон, бал в доме Капулетти. Вот остался на сцене только балкон, юная девушка на нем, пылкий юноша внизу.

О чем говорят они? Все еще только начинается, их диалог совсем обыден, не так ли? Но нет, это уже не диалог, а прекрасная песнь любви...

Зрители застыли в молчании. Кто-то заскучал, потому, что кончились драки, кто-то заслушался этой странной песнью без музыки, одними словами... Донатий сидит рядом, взор его не выражает ничего определенного, он словно отсутствует.

Возле одной из кулис появился толстяк-хозяин, он улыбается заговорщицки, прижимает палец к губам, зовет за собой. Изабелла приподнимается со своего кресла, делает неуверенный шаг в его сторону. И вот она уже на балконе, где стоит Джульетта, а толстяк исчез, словно его и не было.

И сейчас надо уговорить юношу бежать, бежать немедленно, не ждать до утра, девять часов – это так поздно! Изабелла словно закрыла собой юную Джульетту, спрятала ее внутри себя, а какая разница, ведь та сама же сказала: что значит имя? Теперь она останется здесь, а они пусть бегут. Бегите, юные и влюбленные, бегите в тот мир, где на рассвете верный Лоренцо обвенчает вас, где не случится этих глупых поединков, где Тибальт и Меркуцио останутся живы, а Ромео не станет убийцей и не убежит в Мантую! Все будет хорошо!

И Изабелла кричит, кричит им: «Надо убегать прямо сейчас, пока еще не поздно!», но они не слышат ее, пытается хватать их за плечи, но руки проходят сквозь тела, они поют свою песнь любви, и у них еще нет слез, они счастливы и не знают, что обречены...

И у Изабеллы, стоящей на балконе, тоже нет больше слез. Все идет так, как и задумал творец этого действия, и не ей выступать против его воли...

«А я никого не люблю, и не любила», – грустно подумала Изабелла. В кулисах появился хозяин балагана, он сочувственно улыбнулся ей, снова приложил палец к губам. На секунду показалось, что все вокруг словно окутал туман, предметы стали какими-то вязкими, потеряли абрисы. Но эта секунда быстро кончилась...

Действительность начала обретать четкость. Размытые контуры становились резкими, ясными. Девушка опять оглянулась, не понимая, где она. Балкон стал каким-то угловатым, с большими прозрачными окнами. А под ним не было привычной площади, не просматривались соседние дома, и наступал уже вечер. Почему-то казалось, что она находится очень высоко над площадью, убеждать в этом не хотелось – слишком страшной казалась сама мысль всмотреться в эту бездну. Но где-то в глубине сознания зрело и крепло понимание того, что эта бездна привычна и обыденна, в ней нет ничего страшного.

Одежда тоже казалась чужой, непривычной. Не было тяжелого, многослойного платья; ноги, открытые на всю длину, обтягивала до колен плотная темно-синяя ткань. Откуда-то пришло название *бриджи*, и вскоре она перестала чувствовать инородность этой казавшейся еще недавно совершенно неприличной одежды.

То, что было надето на ней сверху, открывало руки ниже локтя, живот, а также оттопыривалось на груди. *Топик*, вот что это! Постепенно уходило все, связанное с настоящей жизнью, а все необычное, непонятное, дикое и непривычное становилось родным и понятным: и ничем не прикрытые короткие волосы, и странная мягкая обувь на тонкой подошве, и золотая цепочка на лодыжке. Последняя тень удивления промелькнула в голове, когда она подняла к лицу плоскую блестящую коробочку, которая вдруг засветилась огнями и зазвучала красивой мелодией.

Она долго смотрела на игру огоньков, потом вспомнила, что нужно делать и провела пальцем по прозрачной крышке, на которой красовался портрет юноши с короткой прической и выразительными синими глазами. *Смартфон* – мысль прозвучала отдаленным эхом, и больше ничего уже не напоминало девушке о старинном городе, узких улочках и ворохе нелепой одежды, стесняющей движения...

– Белка, ну ты чё, опять трубу кинула куда-то, найти не можешь?

– Сам ты Белка! – огрызнулась она. – Еще раз так назовешь, пошлю на фиг. Послушаю папеньку и выйду замуж за Пáрика. Он богатенький, не то, что ты!

– Ага, давай! Парик пацан конкретный, твои выбрыки терпеть не будет, не то, что я! Это точно!

– Ладно, Юр, кончай гнать! – примирительно произнесла девушка. – Только больше не называй меня Белкой, сколько же можно тупить? Сказала ведь – Бэла! С одним «л», как у Лермонтова! Ты где?

– В Караганде! На аллейке тут рядом, на лавке. Давай уже спускайся, а то припрутся твои родаки и не пустят!

– Иду уже, иду!

Юра ждал на лавочке в скверике неподалеку, потягивая светлое пиво из бутылки. Бэла плюхнулась рядом, недовольно проворчала:

– А мне не мог взять, кавалер?

– Ох, блин, как же это я? Счас закажу такую же! – Он приподнялся, запустил руку за спину, вытащил еще одну бутылку. – О, молодцы. Уже доставили! Прошу, мадмуазель!

– Трепло ты, Юрчик! – девушка потянулась к нему, поцеловала. – Спасибо!

– Ладно уж, пей на здоровье. Как с папенькой, говорила?

– Толку с ним говорить... Он ведь как? Все конкретно спросит, по пунктам: где жить собираетесь, на что жить, а твой университет, а если ребенок? Это все, скажет, несерьезно, а я вас обеспечивать не собираюсь...

– Да, сурово... А ты чего ответишь?

– Чего-чего! Что я ему расскажу? Про работу твою дивную и зарплату дерьмовую? Про хату, которую нам снять не на что? Про диванчик на кухне, который нам у твоих предков светит в лучшем случае? А ну его, надоело! И вообще, он вчера веселый пришел с корпоратива, а в таком состоянии не говорит о делах, сразу обрывает. Зато я у него пару копеек выцыганила «на мороженое», давай зависнем где-нибудь, развеемся?

– Зависнем, конечно, куда ж мы денемся! – парень обреченно махнул рукой. – Лучше б папенька твой за меня словечко замолвил, пристроил куда, ты же знаешь, я работать могу, да только с улицы на хорошие места не берут!

– Слушай, ну кончай кишки мотать, и так тошно! Смотри, вон пацаны с программами, куда-то приглашают, узнай, чё там у них?

Юра поднял руку, сделал ладонью приглашающий жест. Шустрый паренек в желтой футболке оказался самым расторопным и подскочил к парочке, опередив двоих конкурентов. Он быстро вручил ребятам программки и привычно затараторил:

– Наше новое арт-кафе «За углом» дает умопомрачительный креативный ремейк старинной драмы мистера Шекспира про безумную любовь и пролитую кровь, про острую шпагу и заколотого беднягу, про фейковый яд и похоронный обряд...

– Ладно, хватит по ушам ездить! – Юра грубовато остановил распространителя. – Давай два билета, только самые лучшие, понял?

– Нет, ну до чего дошли! – Бэла покачала головой. – «Ромео и Джульетта» в арт-кафе, среди публики, между столиками! Как они там играть-то будут, а?

Они поднялись и медленно пошли в сторону арт-кафе, которое и вправду было за углом, совсем рядом.

– А так и будут, – Юра отчего-то развеселился. – Джулька свой яд не успеет выпить, как его какой-нибудь халявщик из-за столика стянет и вылакает! А у Ромки свистнут кинжал, и он начнет шарить по столикам, чтоб заколоться столовым ножом. Вот смеху будет!

– Дурак ты, Юрка, и уши у тебя... Это же классика, драма, трагедия! Почти что про нас. Там ведь тоже родки их довели.

– Да не, у тех круче, вроде как воевали они. А тут твои олигархи с моими пролетариями даже говорить не будут. Ну и ваще...

– Слышь, Юр, – перебила его девушка, – а ты, если б меня увидел вот так, ну, типа, отравленную, закололся бы?

– Ага, щас, закололся! Я б тебя в реанимацию отвез!

– Скучный ты, Юра! Нет в тебе романтики. Ладно, вроде пришли, давай заходим, начнется скоро, посмотрим что ли, чё эти креативщики там начудили!

Станный какой-то зал, подумала Бэла, когда они вошли. Но еще более удивило ее то, что представление уже было в разгаре. Ромео бродил с одной стороны зала, Джульетта – с другой, они еще не видели друг друга, а только слышали.

Бэла резко повернулась, чтоб возмутиться обманом: почему сместили время начала спектакля? Почему в зале нет столиков, слишком темно и по закопченному потолку пляшут трепещущие тени, словно на стенах горят свечи, а не бра. К ним спешил лысоватый толстяк, кого-то напоминающий, раздражающе знакомый.

Он улыбался ей, протягивал руку, что-то говорил. Воздух вокруг словно заколыхался, стал гуще, помутнел. Она с удивлением почувствовала на себе вместо привычной одежды какие-то длинные складчатые и тяжелые *одеяния* с кружевами, оборками и лентами.

Попыталась нащупать телефон, чтоб позвонить кому-нибудь, зацепиться за привычный, устойчивый мир, но рука вместо гладкого корпуса ощутила что-то шершавое, длинное, но уже почти привычное.

«Только бы не упасть», – успела она подумать, падая в темную, вязкую бездну. А на убогой сцене с самодельным занавесом, над телами юных влюбленных плакали, обнявшись, бывшие враги – Монтекки и Капулетти...

– Моя госпожа? – Донатий склонился над ней, сидящей в кресле и сжимающей в руке сложенный веер. – Представление окончено, нам пора идти!

Девушка словно очнулась, подняла голову. Внимательно посмотрела на своего спутника, оперлась на его протянутую руку, встала. Они не спеша направились к выходу среди уважительно расступающейся публики, вышли на площадь. Тут же подкатила карета, ловкий молодой кучер соскочил с козел, открыл дверцу и почтительно поклонился. Они уселись на мягкие сиденья, и карета неспешно покатила по дороге – кучер хорошо усвоил, что юная герцогиня не любит ездить быстро.

– Что скажете, моя госпожа? Понравилось вам представление в балагане?

– Донатий, – девушка была необычно серьезна, – отчего ты никогда не зовешь меня по имени? Отчего называешь госпожой? Мне не нравится это титулование, не называй меня так! Какая я тебе госпожа – твой род знатнее и богаче моего, титул – не хуже, а состояние – гораздо больше. Ты относишься ко мне как к маленькой девочке, но при этом почтительно называешь госпожой.

Я действительно, словно маленькая девочка, путешествовала сегодня по другим мирам. То я была в Вероне во времена Шекспира, пыталась спасти влюбленных. Потом ощутила себя совсем в другом мире, на мне был очень дикий костюм, я держала в руках какие-то дикие вещи, говорила на диком языке... Но опять я чувствовала себя Джульеттой, только это была Джульетта из какой-то другой страны, незнакомая.

Я словно стала понимать какие-то вещи, которые не понимала раньше, что-то произошло, Донатий! Этот странный балаган, странный хозяин, странные его слова...

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

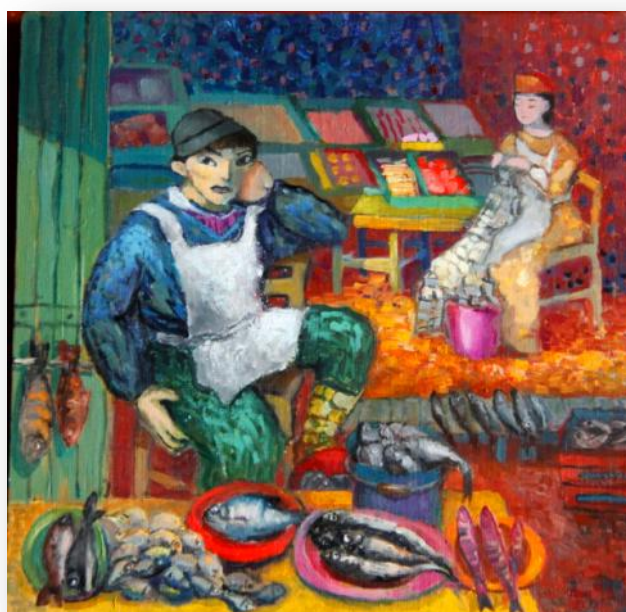
– Наверное, ничего странного, Изабелла. Иногда все вокруг кажется необычным, но этот мир достаточно прост. Надо только принять его таким как есть, и не думать о том, где кончается явь и начинается сон. Ты права, Изабелла, мне пора уже относиться к тебе по-другому, ты повзрослела, а я не заметил этого.

– Я не знаю, Донатий, может, и так. Но на сегодня сны кончились, я вернулась домой... И мне почему-то кажется, что на площади уже нет этого балагана, что комедианты торопливо сложили шатры с костюмами и несутся теперь в своих повозках в другое место, а гривы их коней развеивает встречный ветер...

Карета подъезжает к дому отца Изабеллы. Или к замку Капулетти. Или к квартире Бэлиного папеньки. Но, возможно, это и не карета вовсе, а дорогой автомобиль. И кто знает, какие узоры выткнутся на этом островке, какой пласт проявится... Кто знает...

Любовь Ушакова. Впечатление 1. 2013 г.

Любовь Ушакова. Впечатление 2. 2013 г.

ПРОЗА

Джон Маверик

(Германия, Саарбрюккен)

ДРУГАЯ КОМНАТА

Недостроенный дом пахнет сырой стружкой, еловой смолой, свежей побелкой, пылью и солнцем. Он похож на лабиринт – почти одинаковые комнаты, без оконных рам и дверей, с голубиным пометом и строительным мусором на полу, пустые коридоры и яркие, как витражи, лоскутки неба между стропилами. Внизу все основательно и прочно – бетон, камень, дерево, а вверх – изменчиво и текуче. Струится, течет шелковый свет, текут облака и солнечные блики, и черными стежками по фиалковой скатерти – птицы, и подхваченные ветром бело-розовые лепестки. Мирко запрокидывает голову и словно ныряет с берега в беспокойное море. Он дышит ароматами лета и воздухом стройки, плавает, барахтаясь, по синим волнам, только не соленым, а сладковатым, медово-приторным. Снаружи, за стенами, цветет шиповник. Чуть подальше, у соседского забора – душистый звездопад. Облетает сирень.

Брат Виктор и его жена Хайди бродят по дому гордые, с видом хозяев осматривая свое будущее семейное гнездышко, а Мирко ступает за ними вслед – шаг в шаг. Он не боится потеряться, просто это такая игра – повторять все за братом.

Виктор сунул руки в карманы – и Мирко сделал то же самое. Задумчиво поскреб затылок, в сердцах стукнул кулаком по притолоке, так что стена содрогнулась. Буркнул себе под нос: «Вот это хорошо».

– Хорошо, – пискнул Мирко.

Виктор обернулся с широкой улыбкой.

– Нравится, братишка? Пока тут не очень уютно, но дай нам месяц-другой, и ты ничего здесь не узнаешь. Крышу сложим, крыльцо... Сад вокруг разобьем. Камин в гостиную. Добрый дом будет. К осени, надеюсь, управимся. А как вырастешь, женишься, мы и тебе такой построим. Договорились?

Мирко важно кивнул.

– А это что? – спросил он и наобум ткнул пальцем в странно выпирающий угол.

– Это дымоход для камина.

– А там?

Виктор засмеялся.

– Сейчас я тебе все покажу. Давай руку.

Они медленно обходят дом. Сжимая в огромной лапище маленькую ладошку Мирко, брат рассказывает.

– Тут сделаем кухню. Видишь эти две трубы? Одна газовая, вторая – водопроводная. К первой подключим плиту, а вон там повесим раковину. Здесь будет выход на терраску. Там – кладовка. Ванная. А тут – другая комната.

Мирко словно в воздух подкинуло. Он чуть не вывихнул плечо – так резко и сильно рванулся прочь. Другая комната!

– Да ты что? – опешил Виктор. – Чего испугался? Не бойся, дурачок. Да куда ты бежишь?

– В другую комнату нельзя заходить! – в панике закричал Мирко. – В ней нельзя находиться! Это опасно! Там – мертвые!

Виктор с женой смущенно заулыбались.

– Малыш, – примирительно сказал брат и потрепал Мирко по щеке, – ну конечно, нельзя! Но мы и не собираемся. Просто она еще не готова, она пока не настоящая. Посмотри – нет потолка, нет двери. И стекол в окнах тоже нет. В нее задувает ветер, гадят птицы. Другая комната должна быть закрыта, запечатана от чужих взглядов, как шкатулка с драгоценностями. А сейчас это просто четыре стены, пол и стропила. Святыня только тогда становится святыней, когда ничто не может ее осквернить. Ты согласен?

Мирко неуверенно пожал плечами.

– И потом, что значит – опасно? Ничего в ней опасного нет. Никаких мертвецов. Забудь ты бабулины страшилки – это все ерунда, на самом деле все гораздо проще. Другая комната – это место, где живет память. Где мы почитаем тех, кого больше нет с нами. Мы не заглядываем в нее из уважения к нашим дорогим ушедшим, а вовсе не из страха. Это всего-навсего красивая традиция, обычай, который мы хотим и будем соблюдать. Но бояться не надо. Сечешь, братишка? Ну вот.

Мирко, пожившись, кивнул. Он понемногу успокоился, но хмурился недоверчиво. Ведь бабушка все объясняла иначе.

Он вспомнил себя совсем маленьким – четырех- или пятилетним – у нее на коленях.

– Бабуль, а что там? – спрашивает он, получив шутливый – на бабушкин манер – выговор за то, что тянулся к латунной ручке на неприметной бежевой двери. – Я только погляжу тихонечко и ничего не буду трогать!

– Нет, нельзя.

– Ну почему?

– Это комната смерти.

– А что такое смерть?

Бабулин голос дребезжит, как дверной колокольчик, и говорит она непонятные вещи.

– Это разлука, расставание... В священных книгах написано, что по-настоящему человек не умирает, а просто выходит в другую комнату. Вот как если бы папа сидел рядом с тобой и читал книжку или помогал строить замок из конструктора. А потом встал и вышел. Ты больше не видишь его, но знаешь, что он по-прежнему в доме и думает о тебе.

– А если я его позову?

Бабушка поправляет очки и строго смотрит на внука. Ее глаза, серые и скользкие, прячутся за толстыми стеклами. Они пугливы, как рыбки в пруду, плавают туда-сюда, туманятся и блестят живым серебром.

– Он не ответит, потому что очень занят. Он... ну, у него там много всяких своих дел.

– А если я пойду к нему? – допытывается Мирко. – Он меня прогонит?

– Нет, не прогонит, но тогда ты тоже умрешь. Ты ведь не будешь торопиться, правда?

– Нет...

Маленький Мирко изучает цветастый бабушкин подол. Разноцветное ситцевое поле – васильки и маки, и высокие белые гладиолусы, колокольчики и желтые пирамидки люпинов, все вперемешку. Смерть – это что-то книжное, представляется ему, какое-то заумное и неприятное слово, никакого отношения не имеющее к их веселой и крепкой семье: к нему,

брату, маме и папе, бабушке. Это нечто такое, что никогда с ними не случится – и вообще ни с кем из его знакомых.

Вот как это виделось ему тогда.

В то же лето умерла бабушка.

Это был единственный в памяти Мирко день, когда дверь в другую комнату слегка приоткрылась. На полсантиметра, наверное, или даже меньше. Приоткрылась обыденно – ни яркий свет не вырвался оттуда, ни сладкая музыка, и сквозняком не потянуло, страшным и тоскливым, и жаром не полыхнуло в лицо. Узенькая щелка, в которую, как ни приноравливайся, никак не получалось заглянуть. Пугливо съежившись на холодном полу, Мирко приткнулся к ней губами.

– Бабушка, – прошептал он, – ты здесь?

Любой шорох показался бы ему сейчас ответом, но в другой комнате царила тишина – пыльная, сплошная, в которую сознание Мирко куталось, как в пуховое одеяло. Если бабушка и находилась там – она, вероятно, спала. А может быть, сидела, задумавшись, утопив подбородок в ладонях, как любила отдыхать когда-то, вроде бы совсем недавно, и грустила о прожитой жизни.

– Я люблю тебя, – шепнул Мирко, – милая бабулечка, пускай тебе там будет хорошо!

Едва сдерживаясь, чтобы не зареветь, он отвернулся от двери – и тотчас получил затрепину от незаметно подошедшей сзади матери.

– Ты куда лезешь, кретин! Прочь руки! Не смей подходить к этой двери... О, Мирко, прости меня, прости, малыш... Мне тоже очень больно, мы все скучаем по бабушке... Но ты не должен приближаться к этой двери, а тем более открывать ее. Нельзя ее даже касаться! Ты не представляешь себе, насколько это плохо! Насколько недостойно тебя, сын!

Мирко рыдал, уткнувшись лицом в теплый мамин живот, и бормотал, всхлипывая:

– Почему она ушла? Почему? Зачем нам эта противная комната?

А потом они сидели на веранде и серьезно, неторопливо беседовали, как двое взрослых, и Мирко чувствовал себя большим, повзрослевшим сразу на несколько лет. Мама заваривала чай по бабушкиному рецепту, плотно укутав заварочный чайник махровым полотенцем, и это было так, словно бабуля опять с ними, восседает во главе стола с большой фарфоровой чашкой в руке. Запахи бергамота и мяты таяли в воздухе, струясь колечками беловатого пара, щекотали ноздри. Аромат их общего горя.

– Понимаешь, сынок, люди должны умирать, – говорила мама отрешенно, словно думая о чем-то своем, – так устроена жизнь. Человек приходит и уходит, когда наступает его час. Он по-прежнему рядом с нами, но сам меняется, становится другим. Смерть – это иное состояние тела, а душа остается прежней.

– Значит, бабушка – все еще наша бабушка? – допытывался Мирко.

– Конечно. Но заходить к ней нельзя. Да и в комнате она не одна – наш дом старый. В другую комнату ушли и дедушка, и моя сестра Барбара – твоя тетя. И прабабушка – но ты ее не застал.

– И они там все вместе?

– Наверное.

– А почему к ним нельзя? Они могут сделать что-то плохое? Они изменились и стали злыми?

– Злыми? Нет... не думаю. Не знаю, как объяснить, сынок. Живое не должно касаться мертвого. Они – как негашеная известь с водой, понимаешь?

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

– А у нас в садике есть мальчик христианин и еще девочка мусульманка. У них дома нет другой комнаты! Они сами рассказывали! – волновался Мирко, не знавший, что такое негашеная известь.

Мама ласково провела ладонью по его волосам и тут же – рассеянно – по своим, поправляя растрепанную прическу.

– Дружок, ну конечно, есть. Только она называется не так. Например, кладовка, куда никто не заглядывает, чулан или просто большой и темный стенной шкаф. В каждом доме есть такие потайные уголки. У людей могут быть разные верования, но все они вовлечены в круговорот жизни и смерти.

Он мог бы так спрашивать до бесконечности – настолько все было интересно и ново, и так нравилось ему это неожиданное ощущение взрослости, – но вдруг заметил, какие у мамы глаза: яркие и большие и блестят, как эмалированные плошки.

– Мамочка, ты плачешь?

– Нет, сынок... Нет.

Сперва он очень тосковал по бабушке, но дверь с латунной ручкой обходил стороной. Тем более что находилась она в конце коридора и приближаться к ней не было никакой нужды. Но по ночам, лежа в постели, Мирко представлял свою любимую бабулечку в другой комнате. Что она там делает? Читает книжку, подслеповато щурясь сквозь толстые очки, или пьет бергамотовый чай, или играет с дедушкой в карты на щелбаны, или смотрит в окно, за которым нездешний пейзаж, солнечный райский сад, клумбы и огромные стрекозы, похожие на целлулоидные вертолетки? А может, овощные грядки, или горная долина, или лесная просека, или увитый хмелем балкон... О чем она думает? Тепло ей или холодно? Каково это вообще – быть мертвой? Ей нельзя общаться с живыми, и все-таки при мысли о том, что она близко, отделенная от Мирко парой тонких стен, становится немного легче.

Вереницей тянулись дни – осенние, красные, точно спелые ягоды, и зимние, белые и стылые, как жемчужины, и весенние, зеленые, будто молодые горошины, и летние, нарядные, как бабочки, радостные и солнечные. Они складываясь в недели, месяцы... а там и год пролетел. Мирко купили ранец и коробку для завтраков. Мальчик готовился к школе, мечтал о новых друзьях и по складам разбирал строчки в новехоньком букваре.

Однажды он сплел веночек из полевых маков и положил его на подоконник, в двух шагах от двери в другую комнату. К вечеру цветы исчезли, а мама отругала его:

– Венкам место на кладбище!

– Но бабули там нет! – защищался Мирко. – Там только земля, трава и деревья... И гроб с мертвым телом, которому не нужны цветы.

– Ее и здесь нет! Она – по ту сторону двери.

Мирко кивнул, соглашаясь. Он понимал, что поступил глупо.

Слова брата взволновали его, пробили брешь в логичном и в общем-то уютном мирке. Недостроенная другая комната – «четыре стены и стропила». Место, где живет память.

«Нет там никого, – шепотом повторял Мирко слова Виктора, украдкой бросая взгляд туда, где латунная ручка поблескивала маняще и смутно, точно болотный огонек. – Забудь ты эти страшилки. Ведь ты ее видел – ничего в ней особенного нет. Обычная комната».

Он снова начал захаивать в конец коридора. Как бы случайно – задумался и заблудился. С кем не бывает?

«Там нет бабушки, – твердил он себе, – только память о ней. Как на кладбище. Как в ее бывшей спальне, где все еще пахнет лекарствами. Память – это не опасно».

Память – это просто картинки из прошлого... Любовь... Печаль... Ощущения и запахи. Безделушки, которых касалась рука дорогого человека. Фотографии. Подушечка для иголок.

Засушенные листья и журналы с потемневшими страницами. Это разношенные тапочки, которые не выбрасываешь, потому что их носила бабушка. Очки. Железная лейка, в которой мама этой весной посадила тюльпаны. Земляничная грядка под окном. Зонтик, пылящийся на полке в прихожей. Невинные вещи, которые нет смысла держать за закрытой дверью. Наоборот – их бережно хранят у всех на виду. Мирко не мог сформулировать, что такое на самом деле память, но чувствовал, как тает его страх перед другой комнатой, уступая место жгучему любопытству. Что в ней находится? Почему на это нельзя смотреть? Потому что так написано в глупых книжках?

Он терялся, путаясь в совсем не детских вопросах. Если бабушка не в другой комнате, то где же она тогда? Мирко пытался выпрашивать у своего приятеля по детскому садику – христианина, и у скромной девочки-мусульманки, но те отвечали настолько сложно, что он совсем расстроился. Как может человек пребывать на небесах? Там не на что опереться, негде сидеть, лежать или стоять. Даже если он отрастит крылья, все время летать невозможно – устанешь. Ведь и птицы не выют гнезд в облаках. Пернатым нужна земля, и насекомым тоже: бабочкам, пчелам, шмелям, стрекозам и всяким летучим жукам. Никто не живет в небе.

Может быть, ответ хранится в другой комнате? Да, наверное, так! Самая страшная тайна, которую взрослые скрывают от детей, а может быть, и от самих себя.

Наверное, ничего бы не случилось, не останься он в тот день один дома. Родители собрались на новоселье к Виктору, а у Мирко слегка поднялась температура. Он капризничал, дышал через рот, жаловался на ломоту в спине и ногах и все время пытался лечь.

– Мам, пап, вы идите, я все равно буду спать, – говорил он, – я не хочу в гости!

Родители переглянулись.

– Не стоит мучить ребенка, – вздохнул папа. – Пошли, а он пускай отлежится. Ничего страшного, мальчик уже большой. Обыкновенная простуда, денька два в постели – и все пройдет. Да и мы долго не задержимся, выпьем с гостями – и обратно.

– А если это что-то серьезное? – забеспокоилась мама. – Вдруг ему станет хуже?

– Ну позвонить то он сможет?

– Сынок, – сказала мама и положила рядом с ним на подушку свой телефон, – если что, нажимаешь на зеленую кнопку, а потом на цифру два. Мы сразу приедем. Запомнил?

– Знаю, не маленький, – буркнул Мирко и закрыл глаза.

– Ну, бывай, парень, – потрепал по голове отец, – не скучай без нас.

Он слышал, как родители в коридоре продолжали спорить. Их шаги медленно гасли, удаляясь. Гроыхнула входная дверь, и наступила тишина.

Мирко лежал и считал. Сперва до десяти, потом снова до десяти, потом еще раз... Какое число идет дальше, он забыл. Сейчас, представлялось ему, мама с папой садятся в машину. Выезжают из ворот, которые, должно быть, опять не закрываются автоматически. Папа ругается, вылезает из автомобиля, нажимает на рычаг, и створки со скрипом ползут навстречу друг другу.

А сейчас они мчатся по шоссе, и навстречу им несутся деревья, пыльные и лохматые, с первыми блестками золотой седины в шевелюрах, и круглые скирды соломы посреди желто-коричневых полей. Тянется длинный пруд. Оплетенные диким виноградом до самых крыш белые домики с палисадниками. Пастбища. Еловый лес. Хвойный ветер хлещет в приоткрытое окно и треплет мамины волосы. Мама думает: «Как там, интересно, мой Мирко?», а папа спокойно придерживает руль одной рукой и смотрит на дорогу.

Мальчика знобило, и ужасно не хотелось вылезать из теплой постели. Но когда еще представится такой случай? Мирко откинул одеяло и сел, опустив босые ноги на холодный пол.

В каждую ступню точно впились десятки ледяных гвоздей. На мгновение стало так больно, что он чуть не потерял сознание.

Мир перед глазами моргнул красным, потом черным, и, словно акварель по бумаге, потекли его краски, смазались, перемешались на жесткой палитре стен и потолка. Шатаясь, Мирко встал, как цыпленок на тонкие лапки. Отыскал ногами тапочки.

– Никого там нет, никаких мертвецов, – подбадривал он себя. – Просто они меня пугали. Бабуля пугала, и мама тоже. А я не боюсь. Я – смелый. – И добавлял, повторяя когда-то сказанные бабушкой слова: – Маленький храбрец, вот я кто.

Он жался к стенке, вовсе не чувствуя себя храбрым, и поминутно оглядывался – но длинный коридор оставался пуст. Напрягал слух – но огромный дом изумленно молчал, дивясь его решимости. Не хлопали окна и двери. Не скрежетали автоматические – якобы – ворота. Не скрипели шины на подъездной дорожке. Не проседали под шагами родителей старенькие ступеньки.

– Мама с папой вернутся не скоро, – шептал Мирко. – Они поехали на целый день. А я быстренько... одним глазком гляну – и сразу назад. Никто не узнает.

Ему показалось, что дверь в другую комнату слегка приоткрыта. Не как в день бабулиной смерти – зазор уже... тонкий, как ниточка. Нет, как паутинка. Едва заметная несплошность, которую Мирко не столько увидел, сколько нащупал подушечкой мизинца.

«Странно, – подумал он с испугом, – с чего бы так? Ведь в доме никто не умер».

И тут же одернул себя. Детские страшилки! Виктор бы над ним посмеялся.

Пальцы легонько стиснули латунную ручку. Плавно как по маслу отворилась дверь. Мирко зажмурился, шагнул в комнату. И... ничего не произошло. Мальчик открыл глаза и с любопытством осмотрелся.

Красный плюшевый диванчик у стены. Мирко его как будто смутно помнил – хотя дома у них такой совершенно точно не стоял. Ковролиновый пол. Старинная фарфоровая люстра, подвешенная к потолку на трех медных цепях. Малахитовый столик и единственный стул из черного дерева. Кто, интересно, поставил сюда весь этот антиквариат? Наверное, прабабушка и прадедушка, которых Мирко никогда не видел. Ему представлялись очень старые люди, с седыми, как пенька, волосами и мудрыми морщинистыми лицами. Его предки, как уважительно говорила мама. Они двигали зеленый столик, заносили в комнату стул, бочком проталкивали диван. Их дом был тогда совсем юным. Стены и стропила, возможно – потолок, строительный мусор на полу и незапечатанная святыня.

Мирко недоверчиво разглядывал открытый книжный шкаф, уставленный пухлыми кожаными томами, и каждый видом напоминал Библию. На корешках – тисненные золотые буквы. Задернутое белыми шторками окно, сквозь которое струился мягкий дневной свет. Обычная комната.

Мирко почувствовал себя обманутым. И это от него прятали? Старая мебель, какие-то книги. Он и сам не знал, что ожидал увидеть, но уж точно не стол и диван. Может быть, зеркала – глубокие и темные, как осенние пруды, или черные свечи в высоких подсвечниках, или фамильные портреты. Что-то необычное и торжественное. Покрытое вековым слоем пыли.

Мирко вздрогнул. Провел пальцем по малахитовой столешнице. Чисто. Диванчик яркий, словно его только что пропылесосили. На полу – ни соринки. Шторки – как свеженаколотый сахар. Мирко почудилось, что в воздухе еще витает едва различимый запах стирального порошка и хлорки. Как будто кто-то перед его приходом сделал влажную уборку. Значит, или мама говорила неправду и сама заходила в комнату, или... Мгновенно воскресли его страхи. Прижав обе ладони к груди, Мирко отступил к двери. Бежать! Скорее уносить ноги, пока не

случилось что-то страшное, пока все призраки не выползли из углов и не набросились на незваного гостя. Зачем только он не послушал маму? Почему не поверил бабушке?

Откуда-то потянуло сквозняком. Слабо шевельнулась белая шторка на окне. Застонав от ужаса, Мирко бросился вон из комнаты... Вернее, хотел броситься. Дверь оказалась захлопнута, и с внутренней стороны не было ручки.

Он лежал на диване, устало всхлипывая, уткнувшись лицом в красный плюш. Маленький мальчик, изможденный долгими часами крика и плача. Свет за окном сперва заалел – и белые шторки на сквозняке полыхнули, будто осенние листья, затем потускнел и сделался темно-вишневым, как столовое вино. Красные тона в нем постепенно гасли. Вино превращалось в кофе, а потом и вовсе – в чернила. Родители должны давно быть дома. Они бы ни за что не оставили больного Мирко ночью одного. Но их нет или они его не слышат. Может быть, стены в другой комнате не проницаемы для звука?

Наверное, мама с папой ищут своего сыночка, бегают по всему дому, выкликая его имя. Потом обратятся в полицию. Те заявятся с собаками, будут вынюхивать и выстукивать каждый уголок. Обзвонят всех его знакомых. Расклеят его фотографии на каждом перекрестке, а может, и в газету дадут объявление: «Пропал человек». Но в другую комнату они не заглянут.

Мирко медленно засыпал. Он знал, надо что-то придумать, иначе так и умрет здесь от голода и жажды, но мысли ворочались тяжело, как ложка в густой сметане. Снова начался озноб, но какой-то странный. Мальчик трясся от холода, словно лежа на ледяном ветру, – и при этом как будто взлетал. Он не чувствовал под собой дивана. Красный плюш сделался податливым и мягким, неуловимым на ощупь, как облако, пах сыростью и вспаханymi полями, дымом костра и палой листвой.

Утро брызнуло в лицо – ослепительное и свежее, точно первый снег. От ночной зябкости не осталось и следа. Мирко сонно заморгал, не понимая, что произошло и откуда взялось это невыразимое сияние. Только минуту спустя он сообразил, что на окне отодвинута шторка. Да и не окно это вовсе, как оказалось, а стеклянная дверь вроде балконной. За ней смутно виднелся кусочек сада – цветочные клумбы, кудрявая ветка яблони с желтыми плодами, туманное голубое небо.

Мирко улыбнулся. Надо же быть таким дурачком! Рвался в закрытую дверь, вместо того чтобы как следует осмотреть комнату. А ведь говорила ему мама: «Если кажется, что выхода нет, попытайся найти другой выход». Вот так. Он легко вскочил на ноги – и куда подевалась вчерашняя лихорадка! Распахнул стеклянную дверь и с криком «Мама, я здесь!» выбежал в сад. Он успел подумать, что родители станут, конечно, браниться, но не сильно. Они обрадуются, что он жив и здоров, что ничего плохого не случилось.

У клумбы с настурциями возилась бабушка с лейкой. Белая косынка повязана аккуратно – ни один волосок не выбьется. Цветастое ситцевое платье с подоткнутым подолом. Васильки и люпины, и полевые колокольчики... Такая знакомая, родная... Не злая и не мертвая, а его – самая лучшая, самая добрая в мире – бабуленька! Услышав шаги Мирко, она обернулась и оттого, должно быть, что солнце светило ей в глаза, посмотрела на внука из-под руки.

– А, Мирко! Что ж так рано? Ну да ладно, раз пришел – бери лейку и помогай мне поливать цветы. Засушливое нынче лето... – И, отвернувшись, крикнула кому-то в мешанину ветвей: – Это мой младший.

– Мирко? – откликнулся глубокий женский голос. – Ну, дал Бог, познакомимся...

– А нас дождями залило, – застенчиво пробормотал Мирко. – Совсем мокрое лето в этом году. Вся морковь в земле сгнила. Слизни – вот такие!

И он показал на пальцах, какие слизни – получилось сантиметров десять.

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

Мальчик был безумно рад видеть бабушку, но стеснялся незнакомой женщины.

– Да, не знаешь, что лучше, – вздохнула та, по-прежнему невидимая, а бабуля строго – так что и не поймешь, в шутку или всерьез, – сдвинула брови. Мол, хватит болтать, работа сама себя не сделает.

Такая она – бабушка, праздности не любит, но и сердиться по-настоящему не умеет.

«Бабулечка, ты жива! Как я скучал по тебе! Как мне тебя не хватало!» – хотелось закричать Мирко, но вместо этого он схватил лейку и, счастливый, побежал поливать настурции.

Любовь Ушакова. Трио. 2013 г.

*Любовь Ушакова.
Натюрморт с гитарой. 2014 г.*

ПОЭЗИЯ

Ольга Уваркина

(МОССАЛИТ, Москва)

ЭТО

О Боже мой, как все до боли просто:
Мгновение, зажавши в кулачок,
В пространстве раствориться каплей воска,
Не обжигая пальцы горячо.

Моя свеча... Она не догорела.
В ночи мерцать ей до сороковин.
Жила-была душа на свете белом
Не надо слез... лишь тихое «Аминь».

Открылся мир... Совсем другой – инакость.
Живущим это тайною дано:
Прозрение души в астральных знаках
Там, за потустороннюю стеной...

Я вижу вас... и призрачное *это*.
Я слышу все и всех, кто рядом был,
Храня чужой закон и тайну – вето
Всевышних сил до смерти, до могил.

Знаю...

Обижать пожилых не советую,
Даже словом плохим – за глаза.
Знаю я эту женщину светлую,
О которой хочу рассказать.

Нипочем не признается в слабости,
Так прилюдно ровна, весела,
Прожила долгий век не напакостив.
С виду дама – кремень и скала.

Помнит мудрость: всему своя очередь,
Но в бессонных ночах до зари
Шепчет слезно: «Возьми меня к дочери...
Поскорее, Господь, заberi...»

Космическая пауза

Застыло липко время гранулой...

Борис Булатов, «Безвременье»

<http://www.clubochek.ru/vers.php?id=40437>

Застыло липко время гранулой
И, выражая свой протест,
Слеза Господня с неба капнула,
Мир растворился и исчез...

Он погрузился в тьму великую,
Прорвав пространство – бытие,
Свернувшись спящею улиткою,
Забыв о суете сует.

Никто не понял знака хаоса,
А в ирреальности – числа.
Одна космическая пауза
Без слов все жизни унесла...

Островок

Ее надежды были тайною,
А вера в жизнь всегда светла.
На островок необитаемый
Любовь на крыльях принесла.

Он свой визит у Бога вымолил,
Зарею ограничив срок.
Небесному, земному сыну ли,
Но отказать Отец не мог.

Катились звезды, в море падали,
И ночь была светлее дня.
А им, обоим, много надо ли?
Быть рядом, целый мир обняв.

Над темно-голубой лагуною
Слова и слезы, смех и плач.
А две луны бочками лунными
Толкались, как играя в мяч.

Когда лучи светила раннего
Коснулись краешка земли,
Два смертью разлученных
странника
Разжать объятья не смогли.

Ее с тех пор нигде не видели,
О нем забыли вспоминать.
Остались вечно в той обители,
Раю земном,
И сын, и мать.

Love story

К нему от жалости сбежала,
От мужа-деспота, пожалуй,
И от желания любви.
Но из мечты гнезда не свить.
Судьбе одних хотений мало.

В убогой темной комнатенке
Ни попугая, ни котенка,
Ни мух, ни паука...
Разбитый старый стол да шкаф,
А на полу матрасик тонкий.

То утро выглядело бледно,
Апрель был первым и последним,
Когда вот так, вдвоем.
Оконный застилал проем
Тумана дух тысячелетний.

Ох, не пророки были, чтобы...
Но вмиг почувствовали оба
Отчаянный финал,
И даже видела она,
Как ясно тень мелькнула гроба.

И страх, и боль, и безнадега
Грозили пагубным итогом –
Смирившись, разойтись...
А голос разума затих
Под властью черта или Бога?

Сирень опала накануне.
Он умер в памятном июне.
Обратно хода нет...
И для нее померкнул свет.

Но кто сказал, что мир безумен?..

Иною быть...

*А я и вовсе иная птица...
И. Царев*

Быть птицею иною – не как все,
Летать и петь... А гнезда вить с оглядкой.
Она в силки судьбы попала, в сеть
Своих фантазий, бедная беглянка!

Ей тешить их до старческих седин
Со взглядом непосредственности детской,
Как парус алый – Александр Грин.
Иною быть... Куда ж от доли деться?..

Не всем увидеть тайности дано.
(Прозрачна мишура в парадном блеске.)
В ночи инакой вечно жить одной:
Так стынет плач совы над перелеском.

Когда дрожит, играя на заре,
Речная гладь, не виден черный омут.
Иною быть – земное обогреть,
Доверив радость чувства неземному.

Порой не выйдет в месяц ни строки,
А мир из слов души слезами вышит.
Иною быть – как инокиней в скит,
Но не убить дарованного свыше.

Катя и котя

Каждой твари на земле бы – пару,
Но ее семья в миру ином.
И куда деваться бабе старой,
Если жизнь страшнее, чем в кино?

На ребенка пенсии не хватит
Да силенок прежних нет почти.
И осталось доброй бабе Кате
В доме только кошку завести,

Чтоб судьбы остаток беспечальный
Провести хозяйшка смогла...
Вот и привезли в Москву (случайно?)
Кошку из рязанского села.

Не пришлось бабуле потетешкать
В зыбке внуков (эка доля зла!),
Вот и пригодилась, значит, кошка
Для утехи женской и тепла.

Зацелует Катя котю-кроху,
Та ж в нее – взаимно – влюблена.
Катерина видится дурехой,
Каждый день старается она

В тихий час посудую не вошкать,
Дабы попокоить существо.
Нет же никого роднее кошки,
Да и ближе нету никого.

Любовь Ушакова. Владимировка. 2015 г.

Царство OZ

*«От О до Z» – «OZ», страна OZ»
(вторая – и завершающая –
часть земного каталога.
Автор Фрэнк Баум)*

Напишу... Говорить-то надо ли?
Мой стишок по-житейски прост.
От Москвы до мерзлот Анадыря
Есть любимый душе погост,

Как земля, что за жизнь не пройдена.
В богом данном прожитом дне
Это место – синоним Родины
И, не скрою, еще родней...

Прописались, согласно хронике
Дат скупых на участках, здесь
Только пятеро милых кровников,
А не кровников– и не счесть...

Где не место смешкам с иронией
(А когда-то был свет не мил),
Здесь надежды мои схоронены
И мечты в цветниках могил.

Так несметны кресты, надгробия
По тропинкам, что вдаль да вдоль.
Всепрощения мир, беззлобия,
Вечной скорби моей юдолю...

Эх ты, счастьеце эфемерное,
Плод фантазий и грустных дум!
Вон, горят красотой смертную
Розы в инее и во льду.

Минул год. Чьи-то дни сосчитаны.
Снова в камне сорняк пророс...
Я вернусь сюда. «Здравствуй, Митино,
Неизбежное царство OZ...»

**Любовь Ушакова.
Кремлевский дворик. Этюд.
Вологда. 2013 г.**

ЛЕТОпись

Рвал резвый ветер листья с веток,
К утру совсем ослаб.
Стоял июль – вершина лета,
Без жара и тепла.

Лупил по жестяному сливу,
Слегка кося, дождь.
Старалось лето быть счастливым,
Но пробирала дрожь.

Крылатки явора краснели,
А вишни отошли,
Когда осталось две недели
До праздника Ильи.

И было в мире беспокойно,
А тишь в душе лгала.
Не прекращались склоки, войны,
Бесстыдства и хула.

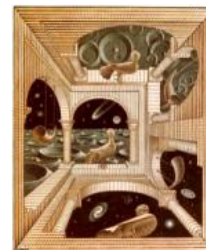
Блуждала Правда между сосен,
Слезилась трын-трава...

*Р. С. Две тысячи пятнадцать весен
С Христова рождества.*

ПОЭЗИЯ

Белла Йордан
(Германия)

Окно в детство

Распахну в свое детство до боли родное окошко –
как невеста к венчанью, наряжен цветением сад,
где румяное солнце гуляет по чистым дорожкам,
по-гусарски топорщит усы молодой виноград.
Там в заботах отец –
он встречает зарю с петухами
и не может без дела, находит работу чуть свет,
в светлой кухоньке мама, как жрица в языческом храме,
совершает обряд, ежедневный готовя обед.
Пахнет свежим укропом, вареной картошкой и сдобой,
детством пахнет беспечным... а годы летят чередой...
Проживи хоть сто лет – дома отчего запах особый,
словно имя твое, навсегда остается с тобой.
Лечь под вишней в траву и смотреть в полуденное небо,
где спешат корабли-облака в синеве без границ...
Ничего нет вкуснее горбушки хрустящего хлеба,
ничего нет светлее улыбки родительских лиц.

Спешишь ко мне,
Но я гостей не жду
И этого неждания не скрою.
Лицо подставляю теплomu дождю,
Быть может, он с лица досаду смое.
А ты забудь о том, что где-то есть
Уютный город, адрес, голос, имя,
Забудь меня, других вокруг не счесть,
Не огорчусь, что ты уйдешь с другими.
Без рук твоих, поверь, не загрущу,
Не пожалею, что одна осталась.
Так не спеши. Тебя я не впущу!
Моя седая, немощная старость.

Вчера и завтра

ВЧЕРА – значит в прошлом.
А будет ли ЗАВТРА?..
Живу только нынешним днем
и так же не знаю, что может внезапно
меня подстеречь за углом.
Заманчивы цели, но к ним не успею –
не хватит ни рвенья, ни сил, –
довольствуюсь тем, что сегодня имею,
года поубавили пыл.
Мечты ничего уже больше не значат,
а время торопит коней...
Лишь горсточка лет, как монеты на сдачу,
зажата в ладони моей.

Уборка

С утра в шкафах порядок навожу,
блокноты сортирую, книги, фото,
листочки рукописные без счета,
в коробки упакованное что-то...
Куда все деть? Ума не приложу.

Так хочется для близких сохранить
мои труды, альбомы, сувениры
и строчки, продиктованные лирой...
Снести на свалку сущность микромира –
заранее себя похоронить.

Вот здесь в конвертах письма от друзей
и к праздникам открытки-поздравленья,
стихи, что мне дарили в дни рожденья...
Еще доинтернетовское время,
архив души и памяти музей.

Вот сына-первоклассника тетрадь,
картинки, нарисованные внучкой,
морской конек – вопросом-закорючкой,
и две совы забавные под ручку...
Всё выбросить – как ближнего предать.

Здесь мой досуг, друзья, любовь, дела.
Здесь я.

Но что грешить самообманом:
когда отправлюсь в путь к небесным
храмам,
возможно, что сочтут родные хламом
все то, что я для них же сберегла.

Что грело душу мне, пока жила.

*Любовь Ушакова.
Осеннее настроение. 2015 г.*

Сиреневый день

Дожди... дожди...
И вдруг – чудесный день!
С утра смеется солнце в настроенье,
И сладостно-душистым наважденьем
Обильно расцвела в садах сирень.

Лиловый цвет закрасил хмарь и грусть,
Плывет дворами нежный, тонкий запах,
И чей-то кот, привстав на задних лапах,
Смешно соцветья пробует на вкус.

А память вдруг припомнила до слез
Давным-давно забытый день весенний
И мальчика, что мне букет сирени,
Мучительно смущаясь, преподнес.

Прекрасна жизнь!
А нам тринадцать лет.
Цветущий май. И первое свиданье.
И лестным было мальчика вниманье,
А сверстники свистели нам вослед.

Он был недолгим, детский наш роман,
Цветы в стеклянной вазочке завяли,
И тот букет я вспомнила б едва ли,
Когда бы не сиреневый дурман.

Осенняя элегия

Горят багряно кленов башлыки,
заплатами пришта к небу просинь,
и, скинув с ног цветные башмаки,
на цыпочках крадётся в город осень.

За ней ложатся жёлтые стежки –
на желтый цвет объявят нынче моду, –
рябит вода, и уток утюжки
старательно разглаживают воду.

И рвутся листья в свой последний час
по наущенью ветра-доброхота
покинуть ветви, чтобы только раз
познать восторг свободы и полета.

И мне бы так – за листьями вослед,
оставив на земле свои невзгоды,
лететь туда, где розовый рассвет
расцвечивает прожитые годы...

Прозрачный день прозреньем озарит
и мудростью прощенья,
и, пожалуй,
растает лёд печалей и обид
от всполохов осеннего пожара.

Ночь

Сентябрь.
И в ночь открытое окошко.
Созвездия Плеяд мерцает гроздь.
У ног чужая шёлком вьется кошка –
нежданный, самозванный частый гость.

Мурлычет и, конечно же, не знает,
что в жизни существуют ложь и лесть,
а значит, и меня воспринимает
бесхитростно – такой, какая есть.

Она и звезды – круг друзей надежных,
не ранят словом и не предадут,
любые тайны им доверить можно
и знать, что тайны с ними же умрут.

Нам с кошкой по душе ночные бденья.
Мурлыка из дворовых, я – сова.
И дарят ночи радость вдохновенья,
и в образы слагаются слова.

Играет в прятки лунный свет с тенями,
а звезды – как ромашки на лугу,
и ясен в небо тянется ветвями,
сорвать пытаюсь яблоко – луну.

Как тихо.
Спит уставшая дорога.
Ни шороха, ни шума, ни звонков.
До первых петухов уже немного,
и жаль, что нет в округе петухов.

Любовь Ушакова. Золотая осень. 2015 г.

Предутреннее

Уходит ночь...
Не скрипнет дверью дом.
Лишь тенькают спросонья птицы в гнездах.
И жнет рассвет серебряным серпом
созревшие к утру на небе звезды.

Он жнет...
И вдруг с небесного жнивья
цветком полей невидимого рая
к земле слетает светлая звезда.

А кто-нибудь желание загадает...

Ещё бы спать – за окнами темно,
да только в растревоженном сознание
кружится разных дум веретено,
наматывая нить воспоминаний.

Мелькают лица близких мне людей...

Даруй им, Боже, годы жизни долгой
и не оставь их милостью своей,
дай лугом путь, а не стернёю колкой.
Пусть им во тьме укажет выход свет,
пусть минут их печали и тревоги...

А тем, кого уже сегодня нет,
открой, Всевышний, райские чертоги...

Ещё прошу: помилуй и спаси
того, кто нынче в горестях и болен,
ему ещё так рано в небеси,
а каждый вдох – в твоей Господней воле...

Дай, Боже, мне – уйти в единый миг,
избавь меня лежать недвижным грузом,
чтоб жизнь моя в итоге для родных
не стала лишь досадною обузой.

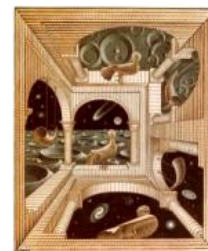
Дай, Бог...

Заря спешит в объятья дня,
и ждут дела – обычное, мирское...

Спасибо, что Ты выслушал меня,
хоть знаешь сам, что дать, а что... не стоит.

ПОЭЗИЯ

*Алексей Казарновский
(МОССАЛИТ, Москва)*

Баллада о Хастинге

Красой и славой диких данов
Была прекрасная Арнбьёрг,
Прохладу северных туманов
И утра нежного восторг
Таил ее опасный взгляд,
Он стал истоком многих бед.
Из уст ее услышал «нет»
Богач, и воин, и поэт.
Ответ один был всем подряд.

Был юный Хастинг, знатный воин,
В нее, как многие, влюблен,
Но, как и все, был удостоен
Презрительной насмешки он.
Он обещал в порыве страсти:
«Дай только срок – к ногам твоим
Повергну славный гордый Рим!
Мы покорим и разорим
Гнездо былой имперской власти!»

Смешон ей пыл его любви.
Ответ хлестнул, как злая плетка.
«Хвастун! Сначала покори!» –
Небрежно бросила красotka...
В душе его взметнулась ярость,
Как зверь, разбуженный в берлоге.
«Я Рим возьму! Пусть слышат боги!
Отныне нет другой дороги!
И это все, что мне осталось...»

Давно Европа жаждет мира,
Но не дано ей тихих снов.
Занесена над ней секира
Норманнов – севера сынов.
Пределы франков разорив,
За Геркулесовы столбы
Среди бушующей воды
Плывут посланники беды
Под птиц морских речитатив.

Горя мечтой о бранной славе,
На кон поставив жизнь свою,
Спешат кровавый праздник справить
В чужом неведомом краю.
Свирепый Хастинг – данов вождь –
Силен, жесток, неумолим.
Он войнам обещал своим
Столицу мира – гордый Рим.
Что им волна, туман и дождь!

И что им ветер злой и шалый!
Их цель уже совсем близка:
Видны уже крутые скалы
С полоской желтого песка.
Оскал змеиной головы,
Ребристых крыльев-весел взмах,
Летит, качаясь на волнах,
Дракон, внушая зябкий страх,
Суля беду страшней чумы.

Уже видна вдали на суше
Гребенка каменной стены,
И предвкушенье греет души
Неистовых детей войны.
Жар побежал по руслам вен,
И вождь рванул на шее ворот.
А вал воды, форштевнем вспорот,
Бежит, туда, где виден город
В кольце суровых грозных стен!

И вот песка коснулись днища,
И люди, прыгая с бортов,
Спешат на берег, место ищут
Для очага и для шатров.
Но мрачен вождь, его смутила

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

Защитных стен крутая высь.
Они столь грозно поднялись,
Что лучше даже и не тщись
Преодолеть их грубой силой.

Но с ним языческие боги,
И конунг слышит их совет:
Коварство выстелит дороги,
Когда на штурм надежды нет.
И вот от данов в город людный
Пошли послы. Без гордых слов
Смиренно просят мир и кров,
Изгоям северных краев,
Скитальцам моря бесприютным:

«Не одолели ветра злого,
К родным вернуться берегам
Мы не смогли. Судьба сурова.
И здесь пришлось причалить нам.
Покинув родины пределы,
Мы разгромили франков рать,
Нам довелось завоевать
Их города, и пировать
Могли б на тех руинах смело,

Но, видно, пасынками рока
Мы рождены не в добрый час,
Хоть и хранил он нас до срока.
Наш конунг болен. Просит вас
Он окрестить его скорее.
На сердце груз грехов лежит.
И о спасении души
Молиться б он хотел в тиши.
Пусть веры свет его согреет!»

Был городской совет смущён
В глухом предчувствии обмана.
Что значит сей смиренный тон
В устах надменного норманна?
«Мы рады, – все ж ответил граф, –
Всем, приходящим ко Христу.
Воздав молитве и посту,
И подчинив себя кресту,
Он перед богом будет прав!»

Епископ слышал эти речи,
Сомнений беса прочь гоня,

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

Купель готовит, ставит свечи
И ждет назначенного дня.
Он викингу откроет двери,
Долг пастыря велит ему
Без лишних слов помочь тому,
Кто сам решил, покинув тьму,
Предаться христианской вере.

И вот в урочный час к воротам
Несут носилки. Что за день!
Лежит в них конунг, тих и кроток,
Чуть жив и бледен, словно тень.
Внесли в собор под гулкий свод.
И окрестили. В добрый час
Услышал варвар божий глас!
Свершилось, Хастинг душу спас!
И ликовал тогда народ.

Минули дни, и снова вскоре
Пришли, печальны, словно дождь,
Послы и возвестили горе:
«Скончался данов славный вождь.
Мир покидая навсегда,
Ярмом грехов отягощенный,
Но верный богу и крещеный
Хотел он в месте освященном
Найти покой до дня Суда».

Нет ни отказа, ни обмана
Тому, кто в мир идет иной.
Могилу вырыли норманну
В тени собора под стеной.
И вот толпа угрюмых данов
Несет вождя в последний путь.
Для них ворота распахнуть
Спешат, чтоб в город как-нибудь
Впустить горюющих норманнов.

Питомцы бранного успеха
На поясах несут мечи.
Их много, в боевых доспехах,
И ни иконы, ни свечи...
Так, не спеша, в носилках скорбных
Под гул напуганной толпы
Без лишних слов и суеты,
Минуя арки и мосты,
К центральной площади соборной

Несет вождя норманнов племя.
В плаще, что золотом расшит,
В кольчуге, в островерхом шлеме
И при оружии он лежит.
Велит так викингу обычай.
Но смерть тут, видно, ни при чем —
Покойник вдруг, повел плечом,
Вскочил, потом взмахнул мечом:
«А ну, вперед! Бери добычу!»

Мечи блеснули в тот же миг,
Волну людей сдавили стены,
И многократный дикий крик
Наполнил узких улиц вены.
В толпы тугую круговерть
Лихие Одина сыны,
Как будто слуги сатаны,
Исчадья ада и войны,
Ворвались, щедро сея смерть,

Рубя налево и направо,
Вонзая в плоть клинки ножей,
Неудержимые, как лава,
В безумной жажде грабежей.
Не помогла ни стен, ни башен
Глухая каменная сень.
В тот жуткий и кровавый день
На город смерть сошла, как тень.
Был Хастинг возбужден и страшен.

В крови росли добычи горы.
Из храмов, лавок и жилья
Тащили лихо, без разбора
Все — от крестов и до белья...
К судам на берег из ворот
Толпа норманнов окрыленных,
Лихой забавой опьяненных,
Трофеи и рабов плененных
Несет и гонит, словно скот.

Вождь, упоен кровавой баней,
Бессильным пленникам своим
Кричал: «Смотрите, христиане,
Я — Хастинг — взял великий Рим!»
Ответ рабов был слабым стоном,

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

Шум ветра ропот погасил,
Но вдруг, собрав остаток сил,
Один бесстрашно возгласил:
«Теперь меня послушай, конунг!

Все решено за нас судьбой,
Пусть пали мы тебе под ноги,
Но посмеялись над тобой
Твои языческие боги!
А ваши скальды сложат руны
И промах твой осудят строго!
Ведь ложною была дорога,
И Рим спасен по воле бога –
Ты взял прибрежный город Луна!»

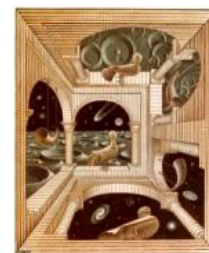
Он сбросил волосы со лба,
Глаза сверкнули диким светом...
Удар секиры стал ответом
Злорадной дерзости раба...
Тут Хастинг злобно зарычал,
Свиреп и грозен как медведь:
«Всех перерезать! Сжечь! Стереть!
Чтоб и следов не видеть впредь!
Чтоб ни концов и ни начал!

Будь проклят этот жалкий город!
Стремясь обет исполнить свой,
Я шел сквозь кровь, сквозь страх и голод,
Борясь с суровою судьбой.
Ведя с ней бесконечный торг,
Я впал в нелепый глупый бред.
Теперь уже надежды нет
Исполнить давний мой обет!
Прощай, надменная Арнбьёрг!..»

Пылал восток, пожару вторя,
Огонь стекал на грань воды,
Когда драккары вышли в море,
Покинув капище беды.
Тогда в рассветной синеве
Всплывали темные картины:
Вдали горящие руины,
Гребцов натруженные спины,
И мрачный конунг на корме...

ПОЭЗИЯ

Анна Монмарт (Тюмень)

Я – Демиург

Слова людей, как шорох ветра в листьях,
Их страхи и надежды – зыбкий морок,
Я вне людской молвы – пью чай с мелиссой
И уплетаю булочки и творог.

Свободный человек не ищет счастья,
Не держится за прошлое, ведь вечность,
Как будто мать, зовет его в объятья
И укрывает звездной шалью плечи.

Мне некуда идти, ведь все едино,
Но я иду вперед без всякой цели.
Ложится путь не пухом лебединым,
И каждый шаг от этого бесценен.

Спокойный человек растет и зреет,
Наполнив до краев сознание светом.
Как будто став на капельку мудрее,
Я не даю непрошенных советов,

Не задаю бессмысленных вопросов,
И не терзаю сердце понапрасну.
Смотрю в окно на то, как пляшет осень,
И понимаю снова – жизнь прекрасна.

И каждый миг несет в себе начало
Моей вселенной, чистой и безмолвной.
Я – демиург, а это означает,
Что бытие, как прежде, безусловно.

Крылья

Я ношу белоснежные крылья за пазухой.
Им летать не дано, потому что привязаны
Мои мысли к земному тугими канатами:
Если прыгаю вверх, то, конечно же, падаю.

Белоснежные крылья трепещут и просятся
Полетать хоть чуть-чуть над пылающей осенью.
Им бы в небо густое и к солнцу за тучами,
Только я не решаюсь подняться и мучаю

Белоснежные крылья под пыткой сомнения.
Утекает вода, растворяя мгновения.
Жизнь уходит, и бьются теперь все отчаянней
Два крыла, что отрезал однажды случайно я.

Отделил от души, чтоб другие бескрылые
Мне раскрыли объятья. Кто скажет, а был ли я?
Все забыто... И небо, и солнце осеннее
Нынче кажутся сном... А живу не во сне ли я?

Где набраться мне веры, надежды и смелости,
Чтоб полет в облаках не казался нелепостью,
Чтоб легко и свободно, как прежде, крылатому,
Мне случилось летать над землею, не падая...

Рыжий кот

Рыжий кот в зеленом шарфе прогуляться вышел в осень:
На земле желтели листья, падал дождь на листья косо.
Он ходил неторопливо посреди шуршащей охры,
Исчезали в небе птицы, капал дождь на шерстку мокро.

Кот с блестящими глазами цвета сладкой карамели
Улыбался непогоде, словно Будда, еле-еле
И потягивался долго, провожая капли взглядом.
Лишь ему понятно было, что за пламенным нарядом

Осень прячет мглу и холод надвигающейся ночи.
День, минута за минутой, становился все короче,
И намокшею конфетой растворялось бабье лето,
Оставляя привкус грусти, ведь зима бродила где-то.

Где-то прятались метели, бесконечный снег и стужа.
Кот их чувствовал дыханье, видел отражение в лужах:
Между оголенных веток, тут и там мелькали тени.
Скоро скроет белый морок все дороги без сомненья.

Лишь ему известно было: круг замкнется неизменно,
И придет кот снежно-белый рыжему коту на смену.

Любовь Ушакова. Осенние дары. 2013 г.

Благодать

Не затем ты растила меня сквозь асфальт и бетон,
Чтобы вылить всю воду живую по капле на камень
И от жажды застыть, закрываясь от солнца руками...
Не о том ты мечтала, просила во тьме не о том.

Вот зерно набухает и зреет, чтоб выйти на свет,
Пробивается к небу упругий и ласковый стебель,
Он напоит тебя и накормит любовью и хлебом,
Даже если пройдет много долгих засушливых лет.

Вот цветок распускается нежно, и капли росы
Или слезы пролитые щедро седыми ночами
На тычинках сверкают, и крылья растут за плечами –
Это значит, что в сторону жизни качнулись весы.

Это значит, что все не напрасно – и выдох, и вдох
Заключают в себе бесконечно глубокие смыслы.
Их почувствуешь сердцем, когда не останется мыслей
И немислимым лесом покажется тонкий росток...

Твои крылья окрепнут и смогут, конечно, летать,
Ведь я знаю теперь все каноны, псалмы и молитвы.
Обернись и увидишь, как, выиграв главную битву,
Сквозь асфальт пробивается к свету моя благодать....

Тропа

Как дитя, заблудшее в лесу,
Ищешь человеческую суть.
Ну а кто-то ропщет в небесах:
«Чадю потерялось в трех соснах!»

Ты на голос ласковый ступай!
Видишь, открывается тропа?
И беги, беги не чуя ног
От своих сомнений и тревог.

Он тебя, поверь, не подведет,
Обойдешь и тьму, и тонкий лед!

И укроет от нагрянувшей беды –
Видно все с небесной высоты,

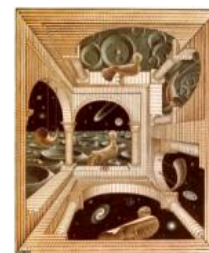
Даже этот бесконечный страх,
Что несут холодные ветра
И швыряют серой мглой в жизнь.
Ты за голос ласковый держись!

И беги, беги, что будет сил,
Даже если путь невыносим!
И меня, прошу, возьми с собой,
Я ведь тоже шел не той тропой...

ПОЭЗИЯ

Владимир Колодкин

(г. Слободской, Кировская обл.)

Скажи мне, музыка

Когда, споткнувшись на бегу,
К печали жизнь моя причалит,
Я брошу в музыку печали,
Как искры в белую пургу,
Как в звезды мой короткий стих,
Как в шторм морской щепотку соли –
Мне все великая позволит
И все пожизненно простит.
Возьмет – и властной силой чар
Закинет в край чудес бездонный
И снова явит обновленным
В наш грешный мир, как божий дар.
Пусть не на век – на краткий срок –
Я вознесусь душой из лиха,
Я светел в ней, как ангел тихий,
И счастлив, что не одинок.

Берег. Тихий челн в неслышном беге
Музыку уносит в камыши.
Нежат звуки. Вдруг из светлой неги –
Вздых... по мне тоскующей души.
Он!.. Вовек не спутать. Из купели
Тонкого скрипичного ручья
Дрогнул полустон виолончели
Коротко и горько: «Это я...»
Сгусток тихой радости и боли
Мне давно знаком до мелочей, –
Чудом появился из неволи...
Чей он, голос милый? Возглас чей?!
Кто в своей неистовой погоне
Шел за мной векам наперекор?
Встреча – миг. И так смертельно стонет
Боль виолончели – мне укор.

Скажи мне, музыка, поведай –
Кто звук вознес в апофеоз,
С какой божественной победой
Тебя Создатель в мир принес?
Ведь ты явилась не случайно,
Как алый парус в море лжи...
Какая выразилась тайна
В твоём звучании, скажи?
В толпе бездарных поколений
Ты чудом выбрала его,
И он – обычный, грешный гений,
Стал сердцем храма твоего,
Один в непревзойденном ранге,
Шальной семье мелодий мил...
Земной или небесный ангел
Его так дивно вдохновил?
Зачем тебе такая сила?
Пленить – ну что за ремесло?
Меня небрежно зацепила,
А как пушинку понесло!
С тех пор крадусь стыдливо следом,
Таюсь в потоке лиц и дней,
И до сих пор никто не ведал
О страсти бешеной моей,
Что я, огонь ее несметный
Под маской сухости тая,
В толпе большого зала тщетно
Ищу безумного, как я...

Высокомерная богиня!
Рабыня. Вздорная жена,
Я власть твою покорно принял...
Вот только благо ли она?

Я ушел в сотый раз, укоряя разлуку.
В сотый раз ты одна, лишь свеча на окне.
Призадумался сад, тихо умерли звуки –
Утонули во тьме, оборвались во мне...
Вдруг слышался Григ, разливаясь по пруду...
Задуманный рояль пробуждению рад.
Сколько в памяти струн незабвенного чуда,
Сколько в струнах души, и чудес, и утрат!
Ангел-музыка, в божьи пределы окошко,
Вряд ли сможет понять, что на сердце твоём...
И не надо, и пусть... Дай свободу ладошкам,
Поиграй, погрусти, и всплакните втроем.

Погас аккорд протяжный, сонный,
Огромный, чувственный, густой.
И сразу пауза бездонно
Зияет гулкой пустотой,
Вползает вакуумом в уши,
Встает над прошлым, как стена,
И мысль шальным восторгом душит
Ее взрывная тишина.
Чем удивит, сразит, одарит?
Несмелой ласки ручейком
Или безжалостно ударит
Аккорда бешеным скачком –
Нещадным, как топор на плаху,
Почти у самого лица...
Четвертый такт – восторгом страха
Терзает пауза сердца.

Благостная летняя прохлада.
Сонная аллея. Тишина.
Ночь медвяным запахом пьяна,
Ночь полна забвением и рада,
Что никто покой ее до срока
Сглазить не посмеет и во сне...
Лишь самозабвенно в вышине
Лист шальной кружится одиноко.
Вроде бы движения просты –
Лист кружит... но что меня тревожит?
Музыка, на дивный сон похожа,
В такт ему струится с высоты!
Музыка доверчиво чиста,
Трепетна, застенчиво лучиста –
Небом воплощенный гений Листа
В танец одинокого листа.
Жизнь его, как пламя у свечи:
Что за блажь – летать в разгаре лета?
Вряд ли даже хватит до рассвета
Сил на эту музыку в ночи –
Нежную в заботливом укорее...

Это с болью падающих рос
Ангел «Утешение» принес
В мир наш, изнывающий от хвори.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

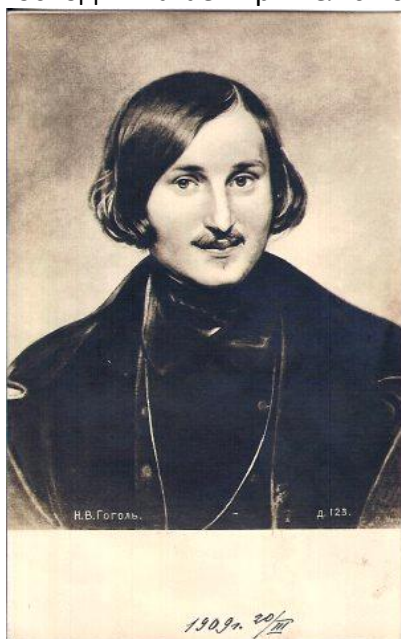
Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)

ОХОТНИКИ ЗА ЧЕРЕПАМИ

В 1929 году в рамках борьбы с религией было принято решение о закрытии Свято-Данилова монастыря в Москве. В 30-м году он был закрыт, самым последним в России, а на его территории был организован изолятор НКВД для детей репрессированных лиц. Однако еще оставался монастырский некрополь. В 1931 году и его решили убрать, а наиболее выдающиеся могилы перенести на Новодевичье кладбище.

Главной заботой стали могилы поэта Николая Языкова и Николая Васильевича Гоголя. Чтобы придать этому действию хоть какую-то торжественность, пригласили литераторов. Господин Катаев пришел с ножницами.

Н. В. Гоголь (фото портрета сделано в 1909 г.)

Николай Васильевич не был бы Гоголем, если бы оставил все это дело без внимания. И преподнес-таки сюрприз. Могила оказалась более глубокой, чем предполагали; раскапывая ее, наткнулись на прочный каменный склеп, в котором не обнаружили замурованного отверстия и только к вечеру нашли боковой придел, через который в основной склеп и был вдвинут гроб. Гроб вскрыли.

Вот как описывает увиденное Владимир Лидин, тоже присутствовавший при осквернении могилы: «Верхние доски гроба прогнили, но боковые с сохранившейся фольгой, металлическими углами и ручками и частично уцелевшим голубовато-лиловым позументом были целы. Вот что представлял собой прах Гоголя: черепа в гробу не оказалось, и останки Гоголя начинались с шейных позвонков; весь остов скелета был заключен в хорошо сохранившийся сюртук табачного цвета; под сюртуком даже уцелело белье с костяными пуговицами; башмаки тоже полностью сохранились.

Башмаки были на очень высоких каблуках, приблизительно 4-5 сантиметров, это дает безусловное основание предполагать, что Гоголь был невысокого роста». Вот тут и пригодились господину Катаеву ножницы: из полы гоголевского сюртука он вырезал кусок ткани, чтобы сделать переплет для своего издания «Мертвых душ». Впрочем, и другие не отставали. Так, Всеволод Иванов не погнушался ребром Гоголя, А. Малышкин взял фольгу из гроба, а директор кладбища Аракчеев, комсомолец, между прочим, унес с собой башмаки Гоголя. Кусок ткани с сюртука получил и Лидин. Говорят, пропал еще перстень писателя, но кто умыкнул его, история умалчивает.

Старая могила Н. В. Гоголя
в Свято-Даниловом монастыре в Москве

Есть версия, что мальчишки, проживающие в приюте, по приказу надзирателей вскрывали могилы и забирали оттуда все ценные вещи. На все эту историю лично Сталиным был наложен гриф секретности. Но слухи по Москве ходили еще долго, вплоть до брежневских времен. Говорили, что скелет Гоголя лежал на боку в неестественном положении, а крышка гроба была изнутри исцарапана, что якобы является свидетельством того, что Гоголь был похоронен живым и ворочался в гробу.

Гоголь действительно страшно боялся быть погребенным заживо. Это было связано с душевной болезнью, которой он страдал в конце жизни. Завещание в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» начинается словами: «Находясь в полном присутствии памяти и здравого рассудка, излагаю здесь мою последнюю волю. Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения... Упоминаю об этом потому, что уже во время самой болезни находили на меня минуты жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться...» Никаких достоверных подтверждений этому на сегодняшний день нет.

Но вот куда делся череп, никто не знал. Но умы эта история будоражила. А помните украденную из гроба голову председателя правления МАССОЛИТа Берлиоза, отрезанную трамвайными колесами на Патриарших прудах? Возможно, именно эта история с исчезнувшим черепом Гоголя и способствовала появлению данного сюжета в романе Булгакова «Мастер и Маргарита».

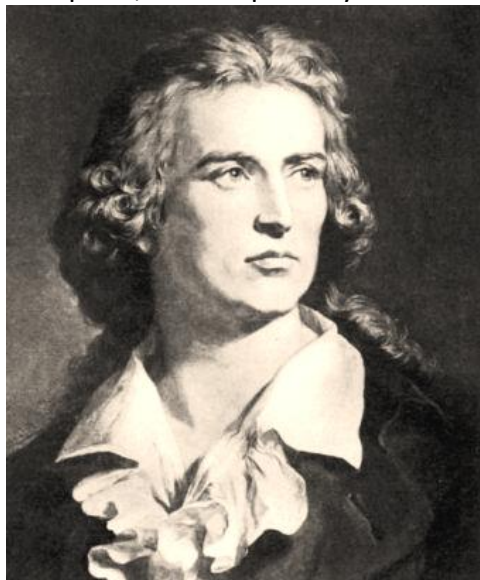
Есть предположение, что в 1909 году, когда проводилась реставрация могилы Гоголя, миллионер и коллекционер театральных реликвий Алексей Бахрушин (театральный музей его имени ныне находится на Павелецкой), весьма экстравагантная личность, за хорошие деньги при помощи могильщиков умыкнул череп. Говорят, он носил его в медицинском саквояже среди анатомических инструментов. Что было дальше с черепом, неизвестно. Бахрушин унес эту тайну в могилу.

Возможно, череп забрал внучатый племянник Гоголя лейтенант российского императорского флота Яновский с целью захоронить в Италии, которую так любил Гоголь. А дальше начинаются уже совсем фантастические предположения. Поехать сам в Италию Яновский не смог и попросил командира итальянских миноносцев господина Боргезе это сделать. Но тут тоже случился казус. И младший брат этого самого Боргезе почему-то взял с собой череп в увеселительную поездку с друзьями – студентами Римского университета. Но

Новая могила Н. В. Гоголя
на Новодевичьем кладбище в Москве

Николай Васильевич, как всегда, решил пошутить, вытворил что-то мистико-фантазмагорическое, и поезд навсегда исчез в туннеле, хорошо, что Боргезе-младший успел выпрыгнуть. В общем, вот такая история. Где сейчас череп, и сохранился ли он, никто не знает. Наверное, так и странствует в таинственном экспрессе.

Иоганн Кристоф Фридрих фон Шиллер

Однако Гоголь не одинок. С этими черепами вообще одна сплошная мистика. Вот жил-был Шиллер. Замечательный немецкий поэт, философ, драматург и теоретик искусства, военный врач и профессор истории Иоганн Кристоф Фридрих фон Шиллер, автор «Оды к радости», измененный текст которой, положенный на музыку Бетховена, является гимном Европейского сообщества. Очень дружил с Гёте. Умер рано, в 45 лет, от туберкулеза. Был похоронен на веймарском кладбище Якобсфридхоф в склепе Кассенгевёльбе, специально отведенном для почитаемых жителей Веймара, как это было тогда принято, вместе с другими умершими. То есть в общей могиле. Ничего особенного для тех времен. Моцарта так же закопали. Потом, правда, откопали. Моцарта ли – неизвестно. Но памятник поставили.

Вот и с Шиллером решили проделать то же самое. Через 20 лет бургомистр города Веймара Карл Леберехт Швабе тайно могилу вскрыл и раскопал 23 скелета. Раскопки продолжались три ночи. Как он описывает, зловоние распада было таково, что только курение могильщиков как-то отбивало тошнотворный запах. Какой именно череп принадлежит Шиллеру, понять уже было невозможно, выбрали самый большой, сверяя с посмертной маской. А действительно, у умного человека и ум большой, а для большого ума нужно большоеместилище.

Когда родственники других захороненных в склепе узнали об этом, то были сильно возмущены. Однако великий герцог Карл-Август Саксен-Веймарский и Гёте выразили Швабе благодарность. Шиллера решено было захоронить на почетном месте. После некоторых размышлений 17 сентября 1826 года череп перевезли в библиотеку Анны Амалии и водрузили на специально сооруженный пьедестал. Гёте не принимал участие в церемонии, однако ключи от «Череп Шиллера» хранились только у него.

По этому случаю было написано знаменитое стихотворение «В созерцании черепа Шиллера». Говорят, через некоторое время Гёте забрал череп и держал его на синей бархатной подушке под колпаком в своем садовом домике. Вот так и представляю себе, как долгими зимними вечерами господин Гёте и череп Шиллера вели философские беседы: «Ну что, брат Гёте?» – «Да так, брат, – отвечает, бывало, – так как-то все...» Большой оригинал!

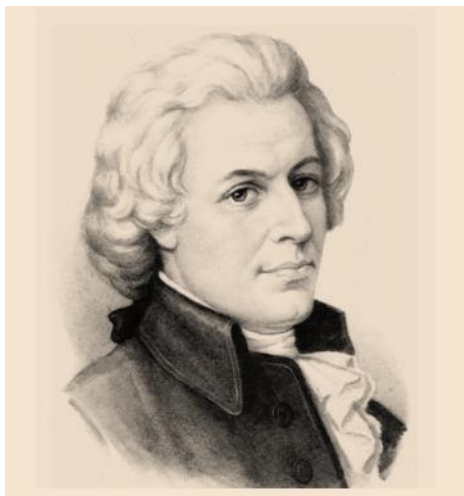
29 декабря 1826 года в письме к жене немецкий ученый и писатель Вильгельм фон Гумбольдт писал: «Сегодня днем был у Гёте и видел череп Шиллера. Гёте никому его не показывает и просил меня никому не говорить об этом». Есть даже предположение, что Гёте захоронил череп в своем саду. Однако 16 декабря 1827 года эти останки Шиллера были захоронены в княжеской усыпальнице, где впоследствии был захоронен и Гёте рядом с другом. Захоронили, правда, не только череп, но и скелет.

А в 1911 году вдруг объявился еще один подлинный череп Шиллера... Его предъявил медик Август фон Фрорип. В 2008 году проведенная генетическая экспертиза показала, что ни тот ни другой череп Шиллеру не принадлежат. Более того, скелет, захороненный с черепом, и вовсе принадлежит Луизе фон Гехгаузен, главной придворной даме герцогини Анны Амалии, которую Шиллер при жизни терпеть не мог. Вот как бывает. Теперь гроб пуст. А где ныне пребывает череп господина Шиллера, неизвестно. Может, вместе с черепом Гоголя путешествовать в римском экспрессе...

Могилы Гёте и Шиллера

А теперь вернемся к Моцарту. Думаете, здесь все просто? Отнюдь. Вольфганг Амадей Моцарт, величайший композитор, гений, умер 5 декабря 1791 года. Погода в тот день стояла довольно теплая для зимы, было туманно и сыро, но без осадков. Похоронили Моцарта в общей могиле по третьему разряду, плата составила 8 флоринов 56 крейцеров. Это была именно общая могила, а не яма, и тело композитора покоилось в гробу, а не в мешке, как это любят показывать в кино.

Вольфганг Амадей Моцарт

В этой же могиле были захоронены 4 взрослых и 2 ребенка. Такие захоронения были в те времена нормой. Через 10 лет они перекапывались и освобождались под новые захоронения. Естественно, никаких надгробных памятников не ставилось. Таким образом, определить точное погребение Моцарта через 10 лет уже не представлялось возможным.

Однако некоторые все же точное местонахождение знали. И вот в 1842 году венский ювелир Якоб Хиртль получает якобы череп Моцарта. А получил он его от могильщика с кладбища св. Марка, который, в свою очередь, унаследовал сию бесценную реликвию от своего товарища Йозефа Ротмайера. Предположительно, Ротмайер запомнил точное место захоронения композитора и при перекопке могилы в 1801 году тайно унес череп.

Ничего особенно в этом нет. В то время торговля останками великих людей была весьма доходным делом. А черепа особенно ценились. На них пытались отыскать местонахождение гениальности. А где ж ей еще быть, как не на черепе? Ну что говорить, если на четвертый день после похорон композитора Йозефа Гайдна 4 июня 1809 года за приличное вознаграждение от неких господ могильщик раскопал могилу и отсек покойнику голову!

Правда, в данном случае вычислить подельников удалось довольно скоро, ими оказались бывший секретарь князя Эстерхази Карл Розенбаум и его друг Иоганн Петер. Но вот забрать у них голову Гайдна не удавалось довольно долго. То они подсовывали череп другого человека, то жена Розенбаума, притворяясь больной, во время обыска все время пролежала на черепе. А воссоединилась голова с хозяином лишь в 1954 году! Ох уж эти охотники за головами! Во всяком случае, в данной истории голова все же нашла своего хозяина.

Но вернемся снова к Моцарту. После смерти Якоба Хиртля череп достался его брату, Йозефу Хиртлю, известному профессору анатомии. Вот как описывает череп Людвиг Август Франкль, друг Хиртля, которому анатом не без удовольствия показал доставшийся по наследству раритет: «Нижняя челюсть была подвязана проволокой. В верхней челюсти с правой стороны виднелись пять коренных зубов, а слева два коренных зуба. В нижней челюсти справа было два, а слева три коренных зуба».

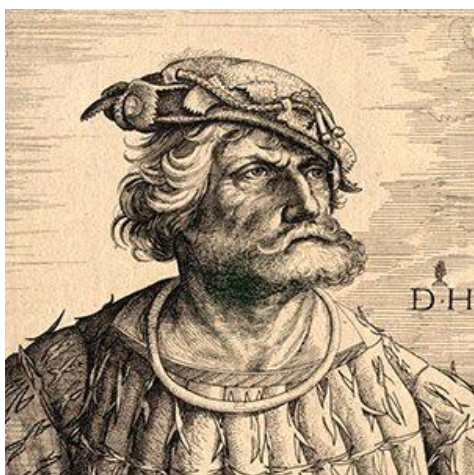

Предполагаемый череп Моцарта

Но только через 24 года было официально объявлено, что череп великого композитора найден и в газете опубликована данная записка Франкля, кстати, завизированная Хиртлем. Что очень важно, потому что дальше с черепом начинают происходить загадочные метаморфозы. А именно: после смерти Хиртля его коллекция черепов перешла мёдлингскому сиротскому приюту. Но черепа Моцарта среди экспонатов не было. Чудесным образом он появился через 7 лет. Его нашли среди бумаг Хиртля в ящике, хранившемся на чердаке того же приюта.

Об этом тут же сообщили все газеты и даже опубликовали рисунок черепа, сделанный Йозефом Майерхофером, художником, участником чудесного обнаружения черепа. А уже через несколько недель перевезенный в Зальцбург череп был представлен публике. Причем у черепа не было нижней челюсти, зато на верхней зубов было шесть справа и пять слева, то есть одиннадцать, когда до этого в записке Франкля, заметьте, завизированной Хиртлем, зубов было семь... Когда же они успели вырасти, науке неизвестно. По нынешнее время череп хранится в Моцартеуме. Проведенная генетическая экспертиза принадлежность черепа великому композитору не подтвердила. Так где же подлинный череп, и был ли он вообще?

Черепы продолжают исчезать...

Кlaus Штёртебекер, гравюра XV в.

В 2010 году из Гамбургского музея исчез череп знаменитого пирата Клауса Штёртебекера, предводителя Виталийских братьев – пиратов, грабивших суда в XIV–XV веках в Балтийском и Северном морях, прототипа легендарного Робина Гуда.

Череп Штёртебекера

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

В июне 2015 года с Юго-Западного кладбища в Штансдорфе, недалеко от Берлина, бесследно исчез череп знаменитого режиссера немого кино, мастера экспрессионизма и ужасов Фридриха Вильгельма Мурнау.

Семейный склеп в Штансдорфе под Берлином, где также похоронены братья режиссера Мурнау

Фридрих Вильгельм Мурнау, 1921 г.

И поверьте, это отнюдь не весь список. Его можно продолжать и продолжать.

А не замахнуть ли нам на Уильяма, понимаете ли, нашего Шекспира? – как говорил известный персонаж из фильма «Берегись автомобиля». Ведь в истории с Шекспиром тоже не все гладко. Тем более что 2016 год – это год 400-летия со дня смерти великого английского поэта и драматурга.

Уильям Шекспир умер 23 апреля (3 мая) 1616 года и был похоронен в церкви Святой Троицы в Стратфорде-на-Эйвоне. На надгробии эпитафия:

*Good frend for Iesvs sake forbear,
To digg the dvst enclosed heare.
Blest be ye man yt spares thes stones,
And cvrst be he yt moves my bones.*

*Друг, ради Господа, не рой
Останков, взятых сей землёй;
Нетронувший блажен в веках,
И проклят – тронувший мой прах.
(Перевод А. Величанского)*

Вскрывать могилу великого драматурга строжайше запрещено.

Однако еще в 1879 году появились слухи, что якобы череп Шекспира был украден в конце XVIII века. Поскольку никаких доказательств представлено не было, серьезно к данной информации никто не отнесся, посчитав все это вымыслом.

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

И вот уже в XXI веке исследовательская группа археологов из Стаффордширского университета во главе с Квином Коллсом провела сканирование места захоронения при помощи электромагнитного радара. И выяснились любопытные подробности! Ну например, тело Шекспира лежит не в гробу, как считалось ранее, а завернуто в саван. Оно вовсе не в вертикальном положении и не на глубине 5 метров, как было принято считать, а в горизонтальном и на глубине 1 метра. Считалось также, что жена, дети и другие родственники похоронены в одной могиле. Оказалось, они лежат раздельно. Ну и на том месте, где должна покоиться голова Шекспира... ничего нет. Так показал радар.

«Я считаю, что очень вероятно, что черепа Шекспира вообще нет в церкви Святой Троицы», – сказал Квин Коллс, предположив, что он был украден с той же целью – изучить причины и местоположение гениальности. Таким образом, версия о вскрытии могилы Шекспира и похищении черепа подтвердилась.

Могила Шекспира
в церкви Святой Троицы
в Стратфорде-на-Эйвоне

Остается только вопрос: существуют ли эти черепа сегодня или давно утеряны? Может быть, хранятся до поры до времени в коллекции некой таинственной организации в глубокой тайне с определенной целью? Кто знает, может быть, будущие поколения смогут лицезреть на улицах будущих городов гуляющих по бульварам Гоголя, Моцарта, Шекспира, ведь наука не стоит на месте, ее достижения потрясают воображение, и клонирование – одно из перспективных направлений.

Вот только можно ли клонировать гениальность?

Любовь Ушакова. Белый натюрморт. 2013 г.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Материал об истории Дома-музея статского советника
А. В. Суханова (Владивосток) читайте в предыдущем выпуске
«Московского BAZAR'a», № 4 (18) 2015 г.¹, с. 10, 21.

Анна Тарабрина
(Находка)

В МУЗЕЕ СУХАНОВЫХ

27 февраля состоялась поездка во владивостокский Мемориальный дом-музей семьи Сухановых.

...По вечерам они любили посидеть на крылечке всей семьей. С порога дома открывался великолепный вид на бухту Золотой Рог – внизу корабли и миноносцы, снующие между судами китайские лодчонки, скользящие по волнам света. Мама любила читать детям сказки, отец рассказывал разные истории. Но такие вечера бывали крайне редкими, ведь глава семейства статский советник Александр Васильевич Суханов всегда был загружен делами...

Революция и войны, сменявшиеся формации и эпохи повлияли на судьбы семерых детей, а впоследствии и на жизнь других постояльцев особняка. Дом со временем стал музеем. Изначально он имел революционную тематику и был посвящен младшему сыну чиновника революционеру Константину Суханову. Теперь это единственный в России музей царского сановника, расположенный в деревянном особняке XIX века. Впрочем, в нем нет особенного деления на чины и ранги, прежде всего это бережно хранимая информация о судьбах и людях, живших в то далекое и грозное время.

Владивосток. Золотой мост через бухту Золотой рог

Связавшись с директором музея Жанной Владимировной Славинской², я договорилась о поездке в музей, в котором нам предлагали не только историческую экскурсию, но и презентацию чайной церемонии в дворянской семье.

В назначенное время мы въехали во Владивосток по Золотому мосту и, полюбовавшись городом с высоты Орлиной сопки, подъехали к музею.

¹ http://www.mossalit.ru/-libflash/mb_december_2015_final/

² Интервью с Ж. В. Славинской там же.

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

Деревянный особняк, чудом сохранившийся в окружении высоток, имел небольшую площадку перед входом. Рядом оживленная трасса и виды современного Владивостока, резко контрастирующие с деревянным фасадом исторического здания.

Дом-музей, ремонтные работы, июль 2011 г.

Дом-музей Сухановых, 2013 г.

Мы вошли внутрь, где нас приветливо встретили Жанна Владимировна и сотрудники музея, и, закрыв за собой двери в городскую суету, словно перенеслись на машине времени в XIX век. В обстановке гостиной полностью восстановлена атмосфера дворянского быта: граммофон, круглый стол со старинными стульями, фортепиано и кушетка; портреты хозяев, а на противоположной стене подробная родословная семьи Сухановых; скатерть со свисающей бахромой и мягкие сиденья уютных стульев.

Здесь встречали гостей, устраивали фортепианные вечера, а перед Рождеством ставили для детей елку. Подарки к празднику покупали заранее и не показывали их вплоть до того момента, пока ребятя, поужинав, не входила в украшенную гостиную.

Смежная с ней комната – каминный зал с прямоугольным столом посередине, буфетами со старинным серебром и фарфоровой посудой. У камина кресло-качалка. Важный элемент: на стене групповая фотография, на которой запечатлен хозяин дома Суханов-старший в окружении сослуживцев. Человек по натуре деятельный, он не только занимался делами службы, но и вел большую общественную работу.

Александр Васильевич Суханов
(15.08.1853 – 22.06.1921)

Александр Васильевич Суханов (1853–1921), выходец из семьи бурятских священников, обладал недюжинным умом, твердостью характера, неподкупностью, энергией. Эти качества выдвинули его на видное место в государственном аппарате России. Он дослужился до должности старшего советника Приморского областного правления. Был награжден практически всеми орденами и медалями, положенными за выслугу лет. В частности за примерный порядок в округе, отличное состояние дорог в уезде в 1891 году был удостоен личной благодарности цесаревича Николая Романова.

Суханов-старший был личностью известной в Дальневосточном крае. С 1897 года Почетный мировой судья Владивостокского окружного суда. Член попечительского совета женской гимназии. Избирался во Владивостокскую думу, Общество изучения Амурского края. Являлся учредителем

Приморского сельскохозяйственного общества и главным редактором газеты «Приморский хозяин». Женился на девушке-сироте, с которой познакомился в юности. В браке с Анной Васильевной родилось семеро детей: три мальчика и четыре девочки. По-разному сложились их судьбы...

Поднявшись из каминного зала на второй этаж, мы посетили рабочий кабинет хозяина и прошли в комнаты мальчиков и девочек. Воспитание было раздельным, девочкам прививали хорошие манеры, приучали вести хозяйство, а мальчиков ориентировали на получение хорошего образования и дальнейшее продвижение по службе. На лестнице, предваряющей вход в комнату мальчиков, на стене лестничного пролета демонстрировался фильм о Константине Суханове. В самой комнате стоял шахматный стол, блестили железные спинки кроватей, накрытых белоснежными покрывалами и увенчанных горкой подушек. Над кроватью Кости висела балалайка. Он был одарен музыкально и любил помузицировать. На окне в комнате – телескоп, подарок Александра Суханова, профессора ДВФУ.

Семья Сухановых прожила в доме почти 26 лет. Анна Васильевна в 1919 году ушла из жизни, в опустевшем доме продолжал жить Александр Васильевич. В 1921 году не стало и его, и дочь передала дом жилищному кооперативу. До 1926 года в нем проживали разные семьи, а после 1932-го дом и вовсе был превращен в коммуналку, в которой проживало от шести до восьми семей. Он был разделен сколоченными наспех деревянными перегородками, чтобы хоть как-то изолировать друг от друга постояльцев, живших здесь вплоть до послевоенного периода. В конце пятидесятых – шестидесятых годов улица Суханова кардинально поменяла свой облик, обитатели коммуналок переехали в высотки, а в особняке был открыт временный детский сад.

В 1971 году Владивосток посетил Георгий Константинович Суханов (сын Константина Суханова), который прилетел из Москвы и с фотокорреспондентами посетил Дом Сухановых. А в 1975 году по инициативе ветеранов Гражданской войны и жителей города в доме был открыт музей, который имел революционную направленность и был посвящен Константину Суханову-младшему, сыну советника Суханова, – первому руководителю ревкома «города нашенского». Константин Суханов был прекрасным организатором с присущими ему исключительными нравственными качествами. Погиб в 1918 году. В честь Константина был назван сквер во Владивостоке, а улица Нагорная переименована в улицу Суханова.

Проследовав в кабинет Александра Васильевича, мы остановились перед внушительным столом с зеленым сукном и изысканной резьбой по периметру. Стол ручной работы, сделанный без единого гвоздя. Жанна Владимировна прикоснулась к потайной кнопке сбоку, и внезапно выскочил ящик, в котором, как она сказала, мог храниться пистолет. Особое внимание было уделено портрету государя и рассказу об именных часах Павла Буре, подаренных статскому советнику в 1891 году.

Александр Васильевич очень дорожил этим подарком. Часы были золотыми, их завода хватало на два дня. Они исполняли несколько мелодий, в том числе и государственный гимн. Были переданы отцом по наследству старшему сыну и в период экспроприации бесследно исчезли. В музее на стене висит их фото и перечисление характеристик, рядом портрет Николая Романова. Тут же стенд с наградами статского советника.

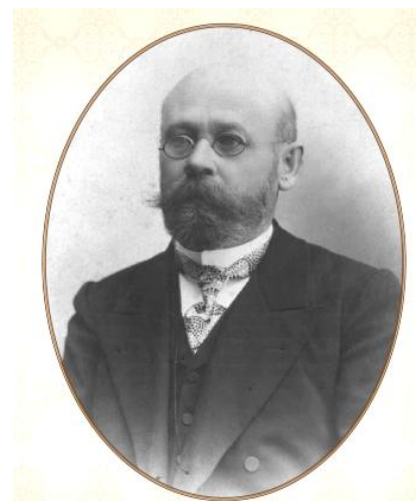
По всему Приморскому краю разбросаны топонимы, связанные с деятельностью статского советника. Помимо Владивостока в Уссурийске, Спасске и Партизанске есть улицы Суханова. В Ханкайском районе есть Сухановский перевал, есть железнодорожная станция Суханово. Среди его потомков есть кадровые офицеры, ученые в области космонавтики, астрономии, заслуженные учителя. Внук Александра Васильевича Суханова Константин Георгиевич – профессор, доктор технических наук, директор и главный конструктор Научно-производственного объединения им. С. А. Лавочкина.

Михаил Григорьевич и Александра Дмитриевна Шевелёвы

Владимир, Ангелина и Маргарита Шевелёвы

Виктор Ананьевич Панов

В заключение экскурсии мы прошли в столовую, где нас уже ждал накрытый стол, который буквально ломился от горок хвороста, блинов, варенья и меда. Причем хворост был испечен по рецепту семьи Сухановых, а варенье было принесено женщиной из их рода, живущей в частном доме в одном из районов Владивостока. Чай, заваренный с травами, был великолепен. Возможно, именно в этой столовой сидели когда-то знаменитые гости дома. Сухановы дружили с Янковскими, Шевелевыми, Бриннерами. И даже сам правитель Южно-Уссурийского края Унтербергер заглядывал на огонек. Частенько бывал в доме и купец Старцев – известная личность.

ГОСТЬ ДОМА СУХАНОВЫХ

Алексей Дмитриевич Старцев

Коммерции советник купец 1-й гильдии Алексей Дмитриевич Старцев (1838–1900) был известным краеведом, крупным меценатом, членом Общества изучения Амурского края. Его имя тесно связано с историей острова Путятин.

Незаконнорождённый сын декабриста Николая Бестужева и бурятки Сабиллы, он рано потерял родителей и воспитывался в семье друга Бестужева купца Д. Старцева. Начиная работать в его лавке приказчиком, затем работал у купца Лушников. В 1861 году в возрасте двадцати трех лет ушел с торговым караваном в Китай. Почти три десятилетия прожил в Тяньцзине, приобрёл состояние на торговле чаем. Построил в Тяньцзине 40 домов, типографию, демонстрационную железную дорогу.

Алексей Дмитриевич свободно говорил на бурятском, монгольском, китайском и нескольких европейских языках. Имел бесценную коллекцию фарфоровых буддийских изделий и уникальную библиотеку, за которую Лувр предлагал сумасшедшие по тем временам деньги – 3 миллиона франков. В покупке было отказано. Все, кто встречался со Старцевым, были одного мнения: это благородный, умный и большой культуры человек... Недаром китайцы прозвали его Бау-ши, что в переводе означает «драгоценный камень».

В 1881 году Старцев обосновался на острове Путятин. Часть земли была куплена, а часть взята в аренду на 99 лет. Таким образом, Алексей Дмитриевич стал его полноправным владельцем. Нынче не осталось и следа от бывшего великолепия. А ведь некогда имение, получившее название «Родное», включало себя различные производства, которые обслуживало 700 человек. В основном это были китайцы и японцы, поскольку вольнонаемных русских, за исключением каторжан, в то время на Дальнем Востоке было мало.

Павел Фёдорович Унтербергер
генерал-губернатор Приморской области

Сам Павел Фёдорович Унтербергер, правитель Южно-Уссурийского края, отмечал: «Старцев не жалеет средств на различные опыты по сельскому хозяйству, отодвигая вопрос по извлечению материальной выгоды на задний план». На острове разводили лошадей, скрещивая английских скакунов с выносливыми забайкальскими лошадками. Выращивали йоркширских свиней, холмогорских коров, уток, здесь же был олениный питомник и питомник змей. Старцев разбивал сады, раздавая крестьянам бесплатно черенки фруктовых деревьев, разводил пчел, насаждал виноградники.

Любимым детищем Алексея Дмитриевича был фарфоровый завод. Весь остров был украшен фарфоровыми скульптурами, особенно хорош был бюст Пушкина в натуральную величину. Завод работал на местной глине, выпуская до 12 000 (!) штук различной продукции ежемесячно.

Это были огромные – почти в человеческий рост – вазы, тонкая работа и роспись которых не уступали знаменитым китайским аналогам. Фарфор, способный удовлетворить самый изысканный аристократический вкус, расписывали тут же; были и сервизы лубочного вида для повседневного пользования среднего класса. Заведовал скульптурным цехом бывший каторжанин, фальшивомонетчик...

Было на острове налажено и производство шёлка, который не уступал по качеству китайскому. Функционировал кирпичный завод, выпускавший 10 000 кирпичей в сутки. Кирпич доставлялся морем во Владивосток, и из него были построены многие ставшие историческими здания, которые стоят и поныне. Возможно, и кирпичная пристройка в доме Сухановых была сделана из этого кирпича.

Доподлинно известно, что купец Старцев входил в число известных дворян, бывавших в гостях у Сухановых и поддерживавших с ними дружбу. Флот Старцева состоял из 4-х единиц – одной паровой и трех парусных шхун. Там же на острове, в бухте Назимова, был эллинг для ремонта судов. Имение «Родное» получило серебряную медаль Министерства финансов Российской империи, его достижения также были отмечены медалью на Хабаровской выставке.

Теперь об этом периоде напоминают лишь гора, названная именем Старцева, и мыс на острове. В 1922 году остров был экспроприирован Советской властью, хозяйство разграблено и разрушено. Впоследствии были восстановлены некоторые производства, и этот период был относительно стабильным, пока не грянула перестройка, превратившая в руины многие дома.

Остров оживает с приходом жары и началом цветения лотоса. Нет никаких исторических данных по поводу его появления на озере Гусином, но в книге известного краеведа Бориса Дьяченко я вычитала, что в бытность на острове купца Старцева у него работал китаец, доктор тибетской медицины, который занимался питомником змей и разводил плантации чудодейственных растений. Кто знает, может именно он и бросил в озеро семена, ставшие потом зарослями реликтового цветка, полюбоваться на красоту которого едут на остров со всей округи.

Лотосы существовали еще в меловом периоде, когда по земле ходили динозавры, а по небу летали птеродактили. Об этом свидетельствуют их ископаемые останки, найденные археологами в разных частях света. Лотос имеет почти тридцатисантиметровую чашу бордово-розовых лепестков и обладает удивительным свойством, которое называется положительный фототропизм: его лепестки всегда повернуты к солнцу.

Именно за эту удивительную способность он обожествляется во многих странах. Так, по преданию в лепестках лотоса родился Будда. В Индии лотос посвящается Лакшми – богине здоровья и благополучия, а также является символом воспроизводящей силы.

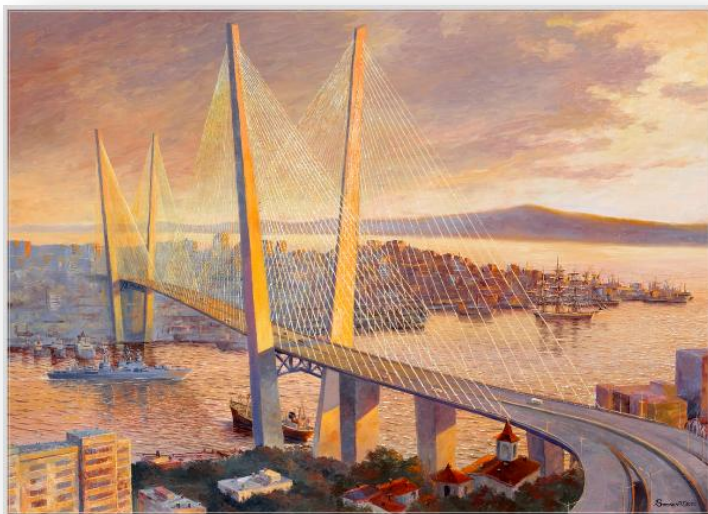
В центре знаменитого мавзолея Тадж-Махал в Агре находится гробница, украшенная цветками лотоса, каждый из которых имеет 64 драгоценных камня. Беломраморное сооружение, названное в народе «Легендой о любви», – памятник могущественного Шаха Джахана, правившего три с половиной столетия назад, своей жене.

Много удивительных легенд и поверий связано с лотосом. Не осталась и я равнодушной к красоте цветка, написав о нём несколько стихотворений. Вот одно из них:

Рождение лотоса

Живое озеро, живое – кувшинки, шелест камышей.
Оно водою дождевою, оно водою ключевою
Питает чашу от корней.
И в глубину озерной мути, туда, где мрак и тишина,
Зерно упало – искра сути, зарывшись в рыхлый ил у дна.
И вот росток остроуголавый из глубины озерных вод,
Зеленый стебелек шершавый, пробив пласты, к лучам ведет.
Подводный мир преодолён – раскрылся розовый бутон.

...Улица Суханова расположена высоко над морем. Недаром ее первоначальное название было – Нагорная. С порога дома открывается великолепный вид на бухту Золотой Рог. Только теперь там не крейсера и миноносцы позапрошлого века, а современные суда и ставший достопримечательностью мост через бухту под названием Золотой. В его вантах гуляет солёный приморский ветер, а красота пейзажей, открывающаяся с моста, никого не оставит равнодушным. Вдали очертания изящного архитектурного сооружения, не имеющего аналогов в мире, моста на остров Русский.

Валерий Шильяев. Золотой мост. 2016 г.

Современный Владивосток устремлен в будущее. Это площадка для проведения саммитов АТР и современный портовый город. Свободный город-порт, за который когда-то отдал жизнь молодой Костя Суханов и многие другие, что отстаивали Приморье в горниле Гражданской войны. А затем строили уникальную крепость и обороняли рубежи от японских интервентов, которые, зная о мощи орудий, даже не посмели сунуться. Потому что Приморье – это наша земля, наша Родина.

Белый корабль Белого дома.
К берегу моря брошен швартовый.

Крепко Россия на рубежах
заякорилась.
И на мостах,
тех, что стрелами вонзаются в тучи,
Солнце на запад – пульсирует лучик.

Там еще тень на Кремлевских курантах,
Солнце лучами запуталось в вантах.

Здесь уж рассвет над страной великой,
Необозримой и многоликой.

Флаги азийские
и российский
Объединил
окружением стран
Самый большой
материк на планете,
Самый большой
мировой океан³.

³ Стихи А. Тарабриной.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Татьяна Алексеева
(г. Королёв)

Член ЛИТО им. С. Н. Новикова-Прибоя, г. Королёв. Поэт-песенник. Дипломант Всероссийского конкурса «Гринландия» в номинациях «Поэзия» (2013 г.) и «Автор слов» (2014 г.). Дипломант городского конкурса им. С. Н. Дурьиной г. Королёва в номинациях «Стихи и проза для детей» за 2013 г. и в номинации «Поэзия» за 2015 г.

В 2014 г. вышел первый сборник стихов «Апельсиновое утро». На стихи автора написано более 30 песен.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Семь воробьёв и песня

Семь воробьёв на ветке
Решали, как им быть.
Как песенку о лете
По нотам сочинить?

Распределили роли:
Кто фа, кто соль, кто си,
И стали во всё горло
Чирикать-голосить.

Не слушают друг друга:
Кто в лес, кто по дрова.
Проснулась от испуга
Премудрая сова:

— Ну что вы голосите?
Не слышу песни я.
Вы лучше расспросите
Про ноты соловья.

Ведь он певец отменный,
Каких не видел свет,
И вам он непременно
Хороший даст совет.

Но мудрого совета
Не слышат воробьи,
Чирикают о лете
Без всяких нот они.

Туча

Туча по небу ползёт,
Как огромный бегемот.
У неё сердитый вид,
Всё ворчит она, ворчит:

— Разбегайтесь по домам,
А не то я вам задам!
Берегитесь, не шучу!
Всех до нитки намочу!

Разноцветные горошки

Разноцветные горошки
Покатались по дорожке –
В сарафанчиках, панамках,
Ярких шортиках на лямках.

Саши, Павлики, Маришки,
Коли, Стасики, Иришки
В детский сад с утра шагают
И без умолку болтают.

Всё на свете, всё на свете
Знать хотят плутишки эти,
Скачут весело вприпрыжку
И девчонки, и мальчишки.

В небе солнышко хохочет.
Тёплым лучиком щекочет.
Подмигнуло из-за тучки:
– С добрым утром,
почемучки!

Шла старушка

Шла по улице старушка,
Очень старенькая, с клюшкой.
Ей навстречу мальчик Петя
Мчался весело на скейте.

Разлеглась меж ними лужа,
Обойти её бы нужно.
Только Петя, ради смеха,
Въехал в лужу. Вот потеха!

Тихо охнула старушка,
Зацепилась вдруг за клюшку,
Прямо в лужу приземлилась.
Вот прикольно получилось!

Петя громко рассмеялся,
С глаз долой быстрее убрался.
Вам смешно? А мне не очень.
Это гадко, между прочим.

*Амелия, 7 лет. Веснушки (девочка-весна).
Гуашь, А3. 2015 г.*

Про муху

– Жу-жу-жу, – жужжала муха, –
В доме чисто, в доме сухо.
Что по улице летать?
Здесь я буду проживать!

На стекле она сидела
И на улицу глядела.
Всё жужжала и жужжала,
Так хозяйину мешала!

У хозяина от пенья
Просто лопнуло терпенье,
Он на кухне веник взял.
Муху из дому прогнал.

Муха села во дворе
На собачьей конуре.
Всё жужжала и жужжала,
И собаке спать мешала.

А собаке это дело
Очень скоро надоело –
Пасть свою она раскрыла,
Муху сразу проглотила.

У бабушки

У любимой бабушки
Вкусные оладушки,
А ещё у бабушки
В доме есть чердак.

В этом сонном царстве,
Царстве-государстве,
Нужные предметы
Не найти никак.

Ищем мы часами
Банку с огурцами,
Старые калоши,
Чтоб пойти во двор,

Мамины сапожки,
Ящик для картошки,
Где-то позабытый
Дедушкин топор.

Здесь лежит немало
Красочных журналов,
Разные газеты
Можно почитать,

Поглядеть немножко
В круглое окошко,
В старые игрушки
Снова поиграть.

В полумраке тесном
Очень интересно,
Сказочные тени
Чудятся кругом,

Шевелятся тени.
Я, поджав колени,
Притаившись, слушаю,
Как вздыхает дом.

Солнечный зайчик

Солнечный зайчик скачет по лужам.
Радугой в небе был он разбужен.
Птицы запели: «Соня, проснись!
Дождь прекратился. Беги, порезвись»!

Амелия, 7 лет. Заливные луга. Гуашь, А3. 2015 г.

Детские сны

Колыбельная

Ночь в свои права вступает.
Ночью дети спать должны,
И тогда к ним прилетают
Из страны волшебной сны.

Невесомые такие
Над кроватками кружат,
Словно пчёлки золотые,
Тихо крыльями жужжат.

Удивительные сказки
Из карманов достают,
Закрывают детям глазки,
Колыбельную поют.

Спят девчонки и мальчишки.
Сладко носики сопят.
К непоседам, шалунишкам
Завтра день придёт опять.

*Амелия, 7 лет. Моя любимая игрушка.
Гуашь, А3. 2015 г.*

Александр Лобив, 6 лет

Гном

В дубе столетнем гном проживал,
Дверцей секретной вход закрывал.
Сплёл из травинок мягкий диван,
Из паутинок – тёплый кафтан.

С лучиком солнца рано вставал
И у оконца сонно зевал.
Быстро во двор выбегал он босой
И под цветком умывался росой.

Дудочку брал он, гном-чародей,
И развлекал он птиц и зверей,
Чтоб не грустили в чаще глухой,
Чтобы дружили между собой.

Ремонт

Мы затеяли ремонт.
Вот уж не было забот!
У меня, у папы с мамой
Дел теперь неупорот.

Мне задание дано –
Должен красить я окно.
Ну покрасить, так покрасить –
Удовольствие одно!

Кисть большую достаю,
Крашу, песенки пою.
Не могу налюбоваться.
На работу на свою.

Ничего, что белый нос,
Что на кухне грязь развёз.
Заглянули мама с папой,
Хохотать взялись до слёз:

– Вот помощник, боже мой!
Что же делать нам с тобой?
Растворителем придётся
Отмывать тебя, герой!

Завтра снова помогу.
Как из школы прибегу,
Будем мы обои клеить.
Я сумею, я смогу!

Амелия, 7 лет. Весна в окно стучится...
Гуашь, А3. 2015 г.

Хочу летать

Я не птица, не умею
В небе весело кружить.
Подскажите мне скорее,
Где же крылышки купить?

Полечу я выше-выше.
И увижу вдруг внизу
Маму, бабушку, и крышу,
И рогатую козу.

Буду в небе кувыряться,
В салки с птицами играть,
И на облаке кататься,
Сверху ножками болтать.

А когда настанет вечер,
Заскучаю и вернусь.
К маме с бабушкой навстречу
Я помчусь-помчусь-помчусь.

Московский BAZAR, № 1 (19) 2016 г.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Виктория Муравьева
(г. Королёв)

Член ЛИТО им. А. С. Новикова-Прибоя, г. Королёв. Член МГО СП России. Многократный дипломант различных конкурсов, в том числе конкурса «Лучшая книга 2014–2015 г.» за книгу стихов «Под небом Валдая», конкурса «Самый короткий рассказ» СПП, дважды дипломант городского конкурса им. С. Н. Дурылина (г. Королёв). Нагрудный знак «За солнечную деятельность» – 2010 г. Памятная медаль «60 лет МГО Союза писателей России» (Диплом «За верность русскому слову») – 2014 г.

Автор трёх сборников стихов: «Полёт души» (2009 г.), «Неуловимые секунды» (2011 г.) и «Под небом Валдая» (2013 г.).

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Колыбельная

Ветер спрятался под крыши,
Ночь крадётся тише мыши.
Тьмой окутаны дороги,
Прочь уходят все тревоги.

В доме тихо и уютно,
От камина тени выются.
Возле ног свернулась кошка,
Захотелось спать немножко.

За окошком вечер снежный.
Голос мамы нежный-нежный.
Ждёт любимая кроватка,
Где так спится сладко-сладко.

Стихли шум и разговоры.
Будут сниться лес и горы,
Рек извилистых прохлада,
Веки сомкнуты усладой.

Шаловливые детишки
Под подушки прячут книжки.
Тишина царит повсюду,
Отдыхать ложатся люди.

Прочь уходят все тревоги,
Тьмой окутаны дороги.
Ветер спрятался под крыши,
Ночь крадётся тише мыши.

Кот Васька

Ты чего же, Васька, спишь?
За палаткой бродитмышь,
На зелёной на лужайке
Поползни собрались стайкой.

Ты охотник или нет?
Не даёт мне кот ответ.
На сосне кричит сорока.
Поднимайся, лежебока.

Будим целый день кота.
Васька спит, но неспроста:
Был всю ночь он на охоте
И теперь поспать не против.

Любит мама нас безмерно!
Просто так, всегда-всегда.
Мы бываем непримерны,
Расшалимся иногда.

Мама может успокоить,
А где нужно – отругать.
Математику усвоить,
Чтобы нам умнее стать.

Ох и трудно нашей маме,
Самой доброй и родной,
Как юла, она меж нами.
Надо дать ей выходной.

И отправить на Канары,
Подарить букет цветов,
Чтоб растаял вид усталый.
И обнять без лишних слов.

Стефания, 9 лет. Детство. Гуашь, А3. 2015 г.

Наше детство

Мы секреты вам откроем,
Нас послушать просто стоит!
Быть ребёнком так чудесно,
Наше детство интересно!

Это славно, ХО-РО-ШО!

Этот мир нам очень нужен,
Чтобы бегать в нём по лужам!
Хорошо бы научиться
В этом мире нам учиться!

Это правда ХО-РО-ШО!

А ещё узнать поближе
Обо всём из разных книжек.
Интернет – и тот освоить,
Это стоит, стоит, стоит!

Вместе дружно ХО-РО-ШО!

В мир огромный, интересный
Мы шагаем с нашей песней.
Каждый весел, смел и ловок
И стремится к жизни новой

Непременно ХО-РО-ШО!

Зиму любим мы и лето,
Крепче дружбы нашей нету!
Это знают все в округе,
Взрослых просим об услуге:

Не мешать нам, ХО-РО-ШО?

Любим всех мы без отбора,
Любим лазать по заборам!
Можем быть везде и всюду
И забыть слова «НЕ БУДУ».

Значит, это ХО-РО-ШО!

Стефания, 8 лет. На лугу. Акварель, А3. 2014 г.

Быть здоровым и удачным –
Нет важней для нас задачи!
В нашем сердце свет и радость,
А в карманах только сладость!

Это тоже ХО-РО-ШО!

Взрослые, коль вам взгрустнётся,
Детство пусть в душе проснётся!
Повторяйте с нами хором
Все слова, и будет скоро

Всё на свете ХО-РО-ШО!

Хорошо, что нас все любят
И помогут выйти в люди!
Только будем мы стараться,
Что бы в детстве задержаться

ХО-РО-ШО? – ХО-РО-ШО!

Снеговик

На площадке детской грустный снеговик:
Чем-то он напуган, почему-то сник,
С каждым днём худеет прямо на глазах,
И во взгляде снежном появился страх.

Солнышко смеётся, шлёт ему лучи,
Шествуют в колонне важные грачи.
Наглые вороны щиплют за бока.
Что же происходит? Не поймёт пока.

Жизнь была прекрасна в кружевных снегах!
Заметала город, веселясь, пурга.
И горели алым цветом снегири,
И встречал детишек утром снеговик.

А теперь куда-то делись холода.
Нашему герою без зимы – беда.
Только не случайно начал таять лёд:
Снеговик наш понял, что весна идёт...

Матвей

Э-ге-гей, – кричит Матвей, –
Я сегодня всадник!
Шашку в руки – и скорей
В детский сад на праздник!

Двадцать третье февраля –
Праздник всех военных.
Я на снежного коня
Заберусь мгновенно.

Полетит мой быстрый конь,
Высекая искры.
Пусть ненастоящий он,
Но зовётся Быстрый!

Подрасту немного я
И пойду в солдаты.
Жди, армейская семья, –
Стану я усатым.

Буду зорко охранять
Родины границы.
Вот бы повзрослее стать,
С детством распрощаться.

Ягодки для мамы

Ягодка по ягодке – набралось лукошко.
Приустила очень я, отдохну немножко.
Обошла полянки я светлые в лесу
И для милой мамочки ягодки несусь.

Как придёт, усталая, вечером с работы,
Ей налью прохладного молока с охотой.
На тарелке ягоды спелые лежат,
Я хожу, вдыхаю нежный аромат.

Съесть, конечно, хочется –
 надо удержаться,
Если я попробую, может не остаться...
Как часы настенные медленно идут!
Я пойду на улицу – не могу ждать тут.

Амелия, 7 лет. Магия леса. Гуашь, А3. 2015 г.

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведёт Анна Народицкая

(МОССАЛИТ, Москва)

ХИМИЯ ЖИЗНИ, или ЛУЧШЕЕ – ВРАГ ХОРОШЕГО

Все мы любим вкусно поесть. Ну или почти все. Вот и я, придя в свое любимое кафе, заказала кружку американо, салат и пирог с яблоками. Сначала немного подкреплюсь, а уж потом примусь за работу. Мой ноутбук всегда со мной: память ненадежная штука, и я предпочитаю записывать все идеи сразу. Так потом легче разбираться.

Салат оказался приличным, хотя немного солоноватым и привкус бальзамического уксуса навязчиво доминировал над ароматом свежих овощей. А вот пирог меня разочаровал совершенно: тесто клеклое и начинка весьма приторная. Разве это сравнится с домашним яблочным пирогом, называемым в народе шарлоткой?

Смакуя кофе небольшими глотками, я задумалась о том, какое значение имеет в нашей жизни еда. Ведь это понятие абсолютно неоднозначно. Я лично знаю некоторых людей, в жизни которых еда стоит на последнем месте. Попросту говоря, им все равно, что есть! Но для многих людей наслаждение едой, ее вкусом и ароматом, сочетаниями специй и ингредиентов, является очень важной частью жизни, добавляет красок повседневности, улучшает настроение и помогает общению. Эти мысли отбросили меня в прошлое на много лет назад...

Я вспомнила маму, хлопчущую у плиты, любовно смазывающую чугунную сковороду кусочком сала, наколотого на вилку. Сковорода шипит, и мама, черпая половником из глубокой миски сливочное тесто, выливает его на раскаленный чугун. Получается аккуратный блин, он сразу же начинает пузыриться, и в нем появляются аппетитные дырочки. Мама ловко переворачивает румяный кружочек и, обжарив с другой стороны, выкладывает на большую тарелку, где уже дымится стопка таких же румяных и ароматных блинов. Я хватаю самый верхний и, блаженно зажмурившись, кусаю край. Корочка хрустит, а сам блин, тонкий и нежный, в меру солоноватый и слегка сладкий, буквально тает во рту. Эх! Я заностальгировала и предалась воспоминаниям о семейных рецептах, а их было великое множество. У меня даже сохранилась тетрадка, в которой красивым маминым почерком записаны ее собственные и чужие рецепты пирогов и тортов, супов и запеканок, компотов и солений. Какое счастье, что эта тетрадка сохранилась!

А ведь сегодня мало кто готовит так тщательно, как это делали наши мамы и бабушки. К моему великому сожалению, полуфабрикаты замороженная еда и фастфуд вкупе с ресторанами прочно вошли в нашу жизнь, почти полностью заменив полезную домашнюю еду. Зайдешь в магазин и видишь кругом упакованные пирожные, всевозможные печенья и варенья, заготовки для быстрого разогревания в микроволновке. Но в этой еде осталось мало полезного и натурального, зато появилось множество искусственных добавок и так называемых «Е». Как говорит моя дочь, «химия жизни». И вроде бы прогресс, и производство всего этого

продуктового изобилия имеет благородную цель – облегчить нам жизнь. Вот только здоровья не прибавляет.

Почти в каждом доме есть кухонная техника, способная выполнить за хозяйку всю тяжелую работу: миксер, блендер, электромясорубка и соковыжималка. Но они отнимают ту неосязаемую часть волшебства в приготовлении пищи, которая называется «энергетикой рук». Я прекрасно помню, как когда-то целый час взбивала венчиком крем для маминого торта «Наполеон». Крем всегда получался нежный – такой, каким его задумали создатели рецепта. Теперь же и я пользуюсь всеми техническими штучками для облегчения работы и экономии времени, и это действительно удобно. Но что-то неуловимое теряется: крем не такой нежный и тесто тоже отличается от прежнего. Допускаю, что и мука стала хуже, и масло потеряло качество, но все же, думаю, энергия рук – непередаваемая и неуловимая – придает готовому продукту особый вкус и качество. Получается, что прогресс сделал нашу еду более пресной, механической, и в ней отсутствует основной ингредиент – любовь. Лучшее – враг хорошего? Наверное...

Сегодня существует множество ресторанов, маленьких и больших, малобюджетных и роскошно-дорогих. В некоторых из них стараются готовить еду именно по тем, старым и проверенным рецептам, избегая лишнего использования техники, любовно колдуя над каждым блюдом, вдохновенно рисуя на тарелке, как на полотне художника. Такие блюда стоят дорого и не каждому по карману. Как же быть? Как вернуть в наши дома не только культуру еды, но и то тепло, которое возникало в душе хозяйки, совершающей священный ритуал приготовления вкусных блюд на своей кухне? И, заметьте, ведь качество абсолютно не зависело от размеров кухни! Наши мамы и бабушки ухитрялись готовить пышные пироги, тонкие и дырчатые блины, наваристые борщи и крепкий, с ярким чесночным запахом студень на своей крошечной пятиметровой кухоньке! Да что там пятиметровки! Даже на коммунальной кухне, где не только плита была поделена на части, соответствующие количеству соседей, но и очередность зависела от времени суток, готовили шедевры местной кулинарии! Закручивали банки с соленьями, шинковали и квасили капусту, которая потом служила бесподобной закуской для всех обитателей коммуналки.

А какое трепетное отношение к продуктам! Я прекрасно помню, как приехала к бабушке на каникулы, а она затеяла печь «пирог с таким». Это бабушкино название пирога, значит: ни с чем. Сахар и масло – все. Но, боже, какой это был пирог! И когда бабушка готовила тесто, она обращалась к нему на «вы»: «Отдохните-ко теперь, полежите, я вас заверну в чистое полотенчико. Подождите, я вас маслицем смажу». Да, вот так и говорила...

У бабушки был чайный гриб, да и у нас с мамой тоже был. Но бабушкин был больше, и я его жутко боялась. Он казался мне каким-то страшным чудовищем. А бабуля его мыла и

Рис. Анны Народицкой

приговаривала: «Что ты, глупая? Посмотри, какой он хороший, попить нам вкусно дает. – И, обращаясь к грибу: – Ну-ко, я тебя чайком залью свеженьким и сахарку дам. На-ко, расти». И ведь правда, какой вкусный был напиток! Лучше всякого лимонада и жажду утолял прекрасно. Да...

Еще помню, как мама рассказывала историю своего детства. В доме по соседству коммуналки сменились отдельными квартирами – так государство поощряло некоторые семьи. И в одной из квартир жила типичная еврейская семья: папа, мама и толстенький Миша, обучающийся игре на скрипочке. Когда Миша «виходил-таки» во двор гулять, вся местная детвора волочилась за ним с умильно просящим выражением лица. А все потому, что выходил этот упитанный мальчик с огромным бутербродом! Моя мама называла это: «Выходил с кораблем». А состоял тот корабль из отрезанного поперек всей круглой ржаной буханки толстого ломтя, щедро намазанного маслом и покрытого коричневым яблочным мармеладом. Папа у Миши работал в высоких структурах, и такой бутерброд был нередким десертом для и без того не голодающего мальчика. Дети шли за ним и канючили: «Ми-и-иша, ну дай откуси-и-ить!» А Миша, спрашивал: «А ты мне что?» Так мальчик получал полные карманы всяких «здоровских шуток»: большие гвозди, мелкие монетки, кусочки проволоки, рогатки и трещотки. Так, видимо, рождался бизнесмен. А позже, ближе к ужину, Мишина мама высовывалась в окно и, сложив кокетливой дудочкой ярко-красные губки, громко выкрикивала: «Ми-и-иша-а-а! Иди домой кушать картошку, жаренную на сливочном масле!» И Миша шел – и так ел!

...Снова мысли вернули меня в бабушкину кухню, где она готовила блюдо всех времен – тюрю. Причем тюря эта в каждом доме готовилась по-разному. Моя бабуля резала вареное яйцо, редис, свежий и соленый огурцы, стригла ножницами зеленый лук и ломала натертые чесноком сухари. Весь этот странный набор продуктов заливался смесью холодной кипяченой воды, уксуса и деревенского ароматного подсолнечного масла. Не понимаю почему, но тогда мне казалось, что эта тюря вкуснее любого супа! Как-то пробовала повторить, будучи уже взрослой, – дрянь получилась редкостная! Для меня осталось загадкой, в чем же был секрет тюри, где тайна домашней кулинарии нашего детства.

Может, просто такие времена были, что хозяйки с трепетом и теплом относились к дому? Разумеется, это не ко всем относится, я не намерена обобщать. Во все времена существовали женщины, без энтузиазма относящиеся к готовке, только теперь их стало намного больше. Западная привычка не готовить прочно вошла и в нашу жизнь. Увы, нередко я вижу удивление на лицах, когда признаюсь, что люблю готовить, тем более заниматься выпечкой. Как грустно!

Я считаю, что уметь и любить готовить – то же самое, что уметь и любить рисовать картины, писать музыку, сочинять стихи. Даже термин такой есть – поварское искусство. Искусство! Слышите? Так давайте творить! Создавать кулинарные шедевры! Старайтесь радовать близких и наслаждайтесь сами! Пусть еда перестанет быть быстрой, конвейерной. Обменивайтесь рецептами и не гнушайтесь извозиться в муке. Почувствуйте волшебство через прикосновение рук, обоняние и вкус. Приглашайте гостей и кормите их домашненьким, своим, добротным. Кормите щедро, от души! И я уверена, перемены к лучшему в вашей жизни не заставят ждать.